ЛБ13—
1096

ЛБ13—
1096

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
И ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ПО ОБВИНЕНИЮ ИХ

в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами

Библиотека Музея
Судебной Реформы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

1613 1096

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
И ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИИ

ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

ПО ОБВИНЕНИЮ ИХ

в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами

Библиотека памяти
ФАЛАНСТЕРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

833782

Гиз. № 3137. (Р. Ц. Москва). № 347 Напеч. 4.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х. Пятницкая, 71.

Библиотека памяти
ФАЛАНСТЕРА

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р.

по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(Историческая часть).

1. Партия с.-р. и Октябрьский переворот.

25-го октября (7 ноября н. ст.) 1917 г. рабочий класс и гарнизон Петрограда вооруженной рукой свергли буржуазное временное правительство, созданное февральской революцией, и установили власть Рабоче-Крестьянских Советов. 27 октября созданное в момент восстания Временное Рабоче-Крестьянское правительство было утверждено открывшимся II Всероссийским С'ездом Рабочих и Солдатских Депутатов, принявшим и утвердившим предложенные Рабоче-Крестьянским правительством основные декреты о власти, о земле и о мире.

Декрет о власти порывал раз-на-всегда с господством буржуазии, как правящего класса, и передавал всю власть в центре и на местах Советам Рабоче-Крестьянских Депутатов, избираемым и отзываемым исключительно трудящимся населением с полным исключением буржуазии.

Декрет о мире делал первый шаг к разрыву с империалистической войной, в которую—волею царского правительства—была втянута трудовая Россия. В декрете о мире, обращенном ко всем правительствам и всем народам, Рабоче-Крестьянская власть писала: «Продолжать эту войну из-за того, как разделить между богатыми и сильными нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на справедливых для всех народностей основаниях»...

«Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное Рабоче-Крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных, участвующих в войне, государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма... Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой в том,

что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, и что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации».

Декрет о земле в § 1 гласил:

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», а в § 6-м и 8-м примерного наказа устанавливал:

«Вся земля по ее отчуждении поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральныее самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными и областными учреждениями».

«§ 6. Право пользования землею получают все граждане без различия пола, желающие обрабатывать ее своим трудом при помощи своей семьи или в товариществе и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается».

В этих трех декретах, принятых всероссийским представительством трудящихся в момент только что совершившейся пролетарской революции, отразились основные чаяния и требования многомиллионных народных масс, изверившихся в трусливую и колеблющуюся политику созданного февральской революцией буржуазного правительства. Борьба за мир и свободу от империалистической и военной эксплоатации со стороны других капиталистических государств и в частности государств Антанты, борьба за землю против вековой эксплоатации миллионов русских крестьян кучкой помещиков, и борьба за власть, переданную в руки самого народа в лице им созданных, им контролируемых и им управляемых Рабоче-Крестьянских Советов,—таковы были три основных лозунга, во имя которых поднялись рабочие и крестьянские массы в великие октябрьские дни. После первого поражения, понесенного рабочими Петрограда в июльские дни 1917 г., когда буржуазное временное правительство в ответ на требование передать всю власть в руки Советов ответило им казацкими пулями; после наглого обмана и пустых обещаний, которыми ответило то же правительство на требование крестьянских масс о немедленном уничтожении собственности на землю и власти помещиков; после краха надежд на скорое заключение мира, в ответ на что правительство позвало их к новому наступлению и новому продолжению войны, для рабочих и крестьян многомиллионной трудовой России не было другого выхода, как вооруженной рукой свергнуть это правительство. И рабочие Советы, как органы диктатуры рабочего класса, ставшего у власти, открыли самым фактом своего существования, как носителя власти, новую эру в развитии и русской революции и мировой истории.

Декреты Рабоче-Крестьянского правительства об установлении рабочего контроля над производством и затем рабочего управления фабриками и заводами, национализации банков и крупной промышленности, организация Рабоче-Крестьянской Красной армии и первые попытки плановой организации народного хозяйства,—таковы были дальнейшие этапы пролетарской революции, вторично, после первого опыта Французской Коммуны 1871 года, открывшей попытку социалистического переустройства общества.

Перед неимоверными трудностями находилась, однако, с первого же момента своего бытия Рабоче-Крестьянская власть. Втянутая, помимо воли, в круговорот империалистической войны, в стране, разоренной разрухой и истощением, она столкнулась с первых же своих шагов с яростной борьбой ополчившейся на нее и тесно сплотившейся перед лицом опасности буржуазии. А за пределами страны, в качестве основных резервов русской буржуазии, стояла мировая буржуазия, вооруженная до зубов, подавившая революционное движение своего пролетариата, богатая техническими и материальными средствами борьбы. В этих условиях пролетарская Россия могла победить только опираясь на мощную солидарность всех трудящихся масс, отвечая ударом

на удар каждому из своих врагов и сурово подавляя все контр-революционные движения и попытки.

Промышленный городской пролетариат, вся армия и многомиллионные массы крестьянства—таковы были те силы, на которые опиралась в момент переворота пролетарская революция. Контр-революционная военщина и помещичья знать, крупный капитал промышленности и торговли и, наконец, неустойчивая колеблющаяся в политическом отношении городская мелкая буржуазия, — таковы были три основных общественных слоя, которые противостояли в момент революции пролетарской власти.

С первыми двумя не могло быть иных отношений, кроме открытой войны; в отношении к третьей вопрос решался в зависимости от той линии поведения, которую займет по отношению к ней, с одной стороны, пролетарская революция, с другой стороны, политические вожди и лидеры партии, возглавлявшей и об'единявшей этот общественный слой и руководившей им в общественной и политической жизни.

Ибо от живых людей, от их тактики, их поведения, их действия зависело многое в этот ответственный исторический момент. И когда, в первые же дни после переворота, пролетарской власти пришлось выдерживать первую яростную атаку контр-революционной военщины в лице казацкого генерала Краснова и контр-революционный мятеж привилегированных сынков буржуазии в лице юнкеров военных училищ,—много значила конкретная деятельность, конкретная позиция политических групп, пытавшихся опереться на мелко-буржуазную массу.

Признанными же вождями этой мелкой буржуазии городов и деревень и идеологами среднего и мелкого крестьянства была в течение всего предшествовавшего Октябрьской революции периода партия социалистов-революционеров.

Эта политическая партия имела к тому времени первенствующее влияние в кабинете временного правительства Керенского. Ее представитель стоял во главе правительства. Другой член той же партии, Авксентьев, состоял председателем Временного Совета Российской Республики, являющегося верховным, до созыва Учредительного Собрания, законодательным органом Республики. Эта партия имела подавляющее большинство в органах городского самоуправления в Москве и почти половину в Петрограде. В свое время ее организации были самыми сильными во всех губернских и областных центрах страны, в первый период после февральской революции за ней шли и ей верили тогда не только громадная масса крестьян и солдат, подавляющая масса малоимущей городской интелегенции и вся мещанская обывательская масса, но и некоторая часть рабочих. Она же располагала большинством и в 1-м Всероссийском С'езде Рабочих и Солдатских Депутатов.

Положение резко изменилось в иную сторону к моменту Октябрьского переворота. Постоянное стремление к компромиссу во что бы то ни стало между буржуазией и рабочим классом, боязливая нерешительная политика в основных вопросах экономической жизни страны — в частности, в вопросе земельном непринципиальная и неустойчивая политика в национальном вопросе, уступчивость перед буржуазной реакцией и в особенности полная пустой болтовни, а на самом деле оборонческо-соглашательская позиция в вопросах внешней политики, рабская зависимость и боязнь порвать с державами Антанты, дошедшая до безумной проповеди, вопреки категорической воле всего народа, продолжать войну и проповедь июньского наступления на фронтах,—все это вместе резко передвинуло симпатии народных масс от этой партии в сторону вождей и инициаторов Октябрьского переворота. Рабочий класс и гарнизон Петрограда, многочисленные массы на фронтах и в бесчисленных селах и деревнях русской земли резко порвали с этой партией; но она все же имела еще достаточно силы и обаяния среди средних колеблющихся элементов городской обывательщины, среди кулацких элементов деревни и части рабочих, и ее голос и ее позиция в критический момент должны были определить и предопределить сумму энергии того сопротивления,

с каким пришлось встретиться затем с первых же своих шагов Рабоче-Крестьянскому правительству.

Интересы революции, собственный опыт партии в недавнем прошлом, когда эта партия в течение шести месяцев почти бесконтрольно стояла у власти, наконец, самый факт революционного восстания широких народных масс диктовали партии с.-р., в силу простой логики, немедленный и решительный разрыв с прежней тактикой и немедленную и полную солидаризацию с пролетариатом. Последнее, казалось, было тем более обязательным, что сама партия, как показал ее IV-й партийный с'езд, собравшийся через полторы недели после переворота, как бы сознала свои ошибки и поняла причины своего падения и гибельность политики своих вождей.

Принятая на IV с'езде партии с.-р. резолюция по докладу о деятельности ее Центрального Комитета гласила:

«С'езд партии с.-р. вынужден констатировать:

1. что Ц. К. в течение 6 месяцев работы не всегда соответствовал своему назначению быть органом, руководящим деятельностью партии. С'езд признает, что Ц. К. не осуществлял в должной мере своей обязанности контроля над деятельностью членов партии, занимавших самые ответственные посты в органах государственного управления и руководящих органах демократии. Этим Ц. К. делал партию ответственной перед трудящимися массами за политику, ею не санкционированную, за события, о которых она даже была не осведомлена, за действия, не соответствующие ни партийной программе, ни ее коллективной воле. Этим Ц. К. невольно способствовал подрыву доверия масс к партии, ее лозунгам, ее деятелям» («Д. Нар.», № 225).

Эта критика, характеризующая вождей партии, не является еще, однако, ни достаточно исчерпывающей, ни достаточно глубокой.

В резолюции «по текущему моменту» С'езд более глубоко вскрыл причины падения роли и значения партии.

«Современная русская революция—говорит эта резолюция в п. 3 тезисов—является народно-трудовой, пробивающей первые бреши в крепости буржуазной собственности и буржуазного права; она открывает собою промежуточный переходный исторический период между эпохой полного расцвета буржуазного строя и эпохой социалистического переустройства. Истина эта не была достаточно осознана руководящими слоями нашей социалистической демократии, и в результате наша революция доселе не нашла для себя правильного и прочного русла»...

«5. Для социалистической демократии нужно было пройти опыт смешанного правительства с цензовыми элементами. Этот опыт сослужил свою службу, как только воочию показал всему народу, что цензовые элементы не могут примириться с разрешением в пользу трудового народа тех широких социальных задач, которые выдвинуты нашей революцией, в особенности в области неотложного и коренного переустройства наших поземельных отношений».

«6. Начиная с этого момента, повторение и продолжение этих опытов с коалицией вело лишь к тому, что творческая работа революционной власти приостанавливалась, борьба за демократический мир велась недостаточно энергично, а попытки итти навстречу реальной потребности страны и твердой власти, не сопровождаясь одновременным удовлетворением жгучих потребностей трудового населения, оставались без успеха и вызывали растущее недовольство»...

«7. Наша партия, к сожалению, не проявила в трудные моменты достаточной решимости, не взяла во-время власти в свои руки и оставляла ее до конца в руках ослабленного, обесцвеченного, потерявшего популярность правительства, сделавшегося легкой добычей первого же заговора».

Так характеризовала партия сама себя после опыта шести месяцев испробованного ею на все лады во время революции союза с буржуазией, приведшего к потере

влияния и «подрыву доверия», как характеризует тот же с'езд эту политику в резолюции по докладу Ц. К.

После революционного переворота, совершенного народными массами, перед партией С.-Р. теперь стала дилемма: пойти вместе с народом или не пойти. В обстановке разгоравшейся гражданской войны буржуазии против рабочих и крестьян, эта дилемма означала только одно; вместе с рабочими и крестьянами против буржуазии или вместе с буржуазией против рабочих и крестьян. Для третьего пути после упомянутого в резолюции с'езда опыта смешанного правительства и после переворота и начала гражданской войны буржуазии против рабочих, — места уже не оставалось.

Партия, как показывает резолюция, видимо близко подошла к этому выводу, но в самый критический момент сразу повернула вспять и в лице своих вождей сделала вывод, прямо противоположный. Чуждые действительной революционной и глубокой связи с массами и живого понимания существа разыгрывающейся мировой трагедии, они протянули руку буржуазному классу и бросили вызов пролетарской революции и трудовым революционным массам. Связанные тесными нитями с буржуазным классом, вожди партии с.-р., об'явили революции войну во имя сохранения и защиты интересов буржуазии и буржуазной государственности, и под лозунгом Учредительного Собрания, как государственной формы, отвергли власть Рабоче-Крестьянских Советов и пролетариата.

Партия обязана, гласил заключительный абзац резолюции с'езда, приложить всю энергию для того, чтобы сосредоточить вокруг охраны всех прав Учредительного Собрания достаточные организованные силы, чтобы в случае надобности принять бой с преступным посягательством на верховную волю народа, откуда бы таковое ни исходило и какими бы лозунгами ни прикрывалось».

Борьба с буржуазией уже началась, гражданская война уже открыла свою пасть и начало поглощать свои жертвы, в борьбе уже нельзя было оставаться нейтральным. Учредительное Собрание, как форма власти, при которой буржуазия могла еще надеяться отстоять свое классовое господство, в противовес власти Советов, где буржуазии уже ни на что надеяться не могла, уже сделалась символом прошлого изжитого и ушедшего в историю периода и последним средством, при помощи которого буржуазия могла надеяться еще раз обмануть народные массы. Поддержкой этого лозунга, борьбой против форм пролетарского государства, вожди партии с.-р. фактически заключили политический блок с буржуазией, а об'явлением войны Советам—тесно связали свою судьбу с борьбой этой последней. За собой они увлекали этим всех тех, кто еще продолжал им верить, кто за ними шел, среди кого они продолжали еще пользоваться политическим влиянием. Историческую ответственность перед судом истории за предательство интересов революции и уголовную ответственность перед пролетарским судом за пролитую кровь, за понесенные жертвы, за мятеж против утвержденной революцией власти Рабоче-Крестьянского Правительства, несут за все свои действия эти вожди, конкретные живые люди, стоявшие тогда во главе партии и руководившие ее политикой.

Резолюцией, приведенной выше, содержание дальнейшего развития событий в смысле чрезвычайного обострения по вине с.-р. борьбы и затруднений в развитии пролетарской революции, было тем самым предрешено. Анализ и подробное исследование фактов говорят, однако, что на деле все было предрешено уже гораздо раньше вождями партии, а именно—в самый момент Октябрьского переворота.

Во главе обеих первых контр-революционных атак, в качестве первых застрельщиков, вождей и руководителей первых кровавых эпизодов гражданской войны с буржуазией против бескровного переворота рабочих и солдат, сразу же встала партия соц.-революционеров.

Партия мелко-буржуазной демократии в лице своих вождей шарахнулась в сторону от революционного переворота рабочих и крестьян уже в первые его минуты и скатилась прямо в об'ятия... той же цензовой буржуазии.

В самый день переворота, под гром революционных пушек, бомбардировавших Зимний Дворец, под клики торжествовавшего победу революционного народа, орган Центрального Комитета Партии с.-р. опубликовал следующее воззвание:

«От Центральной Городской Думы. Городская Дума доводит до сведения всех граждан, что ею в чрезвычайном заседании 24 октября образован Комитет Общественной Безопасности в составе гласных центральной и районных Дум и представителей революционных демократических организаций: Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Всероссийского Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета, Совета Профессиональных Союзов и др.» («Дело Народа», № 189).

Этот, якобы, демократический Комитет Общественной Безопасности из состава ушедших со 2-го Всероссийского С'езда Советов и отколовшихся от общего дела делегатов партий правых с.-р. и меньшевиков, уступил место затем «Комитету спасения родины и революции», который, как о том повествует орган партии с.-р. от 27-го октября № 190, сформировался уже в составе: по три делегата от Городской Думы, от Временного Совета Российской Республики свергнутого правительства, от старого утерявшего свои полномочия Ц. И. К. Советов Раб. и Солд. Депутатов, Ц. И. К. Сов. Кр. Депутатов, от представителей 2-го с'езда Советов, отколовшихся от большинства, от Центральных Комитетов П. С.-Р. и меньшевиков, от группы Единство, партии народных социалистов и шедших за этими партиями фронтовых организаций. В качестве представителей Городской Думы, как повествует участник и член этого Комитета от партии народных социалистов Игнатьев, вошли представители кадетов, т.-е. ярко цензовой буржуазии—Набоков, графиня Панина и еще один, фамилии коего Игнатьев не помнит. Таким образом воскресла прежняя коалиция для совместной открытой вооруженной борьбы с Советским правительством («Дело Народа», № 190).

Союзом с буржуазией против рабочих и крестьян начала свою политическую деятельность партия с.-р. в момент переворота и, как покажет дальнейшее, оставалась верной этому союзу до конца.

II. Партия с.-р., наступление на революционный Петроград генерала Краснова и юнкерское восстание.

«Фракция с.-р. 2-го Всероссийского С'езда Советов, в согласии с Ц. К. партии с.-р. об'являет: Произведенный партией большевиков и Петроградским Советом захват власти накануне открытия Учредительного Собрания и за день до открытия II Всероссийского С'езда Советов является преступлением перед родиной и революцией, знаменует начало гражданской войны, срыв Учредительного Собрания и грозит гибелью революции... Констатируя захват власти партией большевиков и руководимым ими Петроградским Советом, фракция с.-р., возлагая на них всю ответственность за последствия их безумного и преступного шага, и устанавливая, вследствие этого, невозможность совместной с ними работы, а кроме того, признавая с'езд, за недостаточным представительством фронта и многих советов, неправомочным—покидает с'езд» («Дело Народа», № 190).

Приведенная декларация с.-р. знаменовала об'явление войны. Боровшаяся до переворота против лозунга «вся власть советам», боявшаяся передачи власти самому народу, в момент переворота партия с.-р. пошла против народных масс и с первых же своих шагов начала с призыва к открытой вооруженной борьбе с народной властью. В воззвании по поводу начавшейся борьбы, от имени того же комитета «Спасения ро-

дины и Революции», партия с.-р. писала: «Товарищи солдаты! Сбылись самые худшие наши предсказания. Преступное восстание, поднятое большевиками, уже принесло свои плоды. Братская кровь уже пролилась. Революционные войска, вызванные с согласия Армейских Комитетов, уже подходят к Петрограду... Но подчиняйтесь Военно-Революционному комитету и его самозванным комиссарам... Откажите им в поддержке, об'явите им о своей верности общему союзу всех демократических организаций— Всероссийскому Комитету Спасения Родины и Революции».

Это воззвание, подписанное Комитетом Спасения Родины и Революции, было дополнено другим, опубликованным тем же Комитетом на другой день:

«Большевики, призывая к миру на фронте, в то же время призывают к братоубийственной войне в тылу. Не подчиняйтесь их провокационным призывам. Не ройте окопов. Долой оружие. Солдаты, возвращайтесь в казармы... С войсками, идущими к Петрограду, идет Председатель Центральн. Комитета Партии социалистов-революционеров, член Исполнительного Комитета и почетный Председатель Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов В. М. Чернов («Дело Народа», № 191).

Чернов, однако, шел не один. Третьим конным корпусом командовал казачий ген. Краснов, впоследствии один из худших вешателей рабочих и крестьян, организатор черносотенно-белогвардейских войск на юге России в 1918 году в качестве Донского атамана в 1918 г. вступивший в военный союз с Вильгельмом, во время оккупации последним Украйны, и глава русских монархистов в Берлине. Так, с царским генералом против рабочих и крестьян заключила на другой день после переворота союз крови партия с.-р.

А в тылу выступивших на позиции революционных войск разыгрывалось в то же время не менее кровавое, предательское, изменническое нападение юнкеров, к которому также приложила руку партия с.-р. Как и кем было организовано это восстание, как оно протекало и чем окончилось, прекрасно обрисовывают в своих показаниях его участники и вожди, бывшие члены п. с.-р. Краковецкий и Ракитин-Броун.

По показаниям Краковецкого от'езд Керенского из Петрограда для организации наступления и позиция Ц. К. П. С.-Р. показали, что партия намерена продолжать борьбу, и заставили Военную Комиссию при Ц. К. проявить лихорадочную деятельность. «В течение нескольких дней были завязаны связи с военными училищами и частями, оставшимися верными правительству. Однако кровавая развязка наступила скорее, чем мы думали. Были получены сведения о готовящемся разоружении наших броневиков и было решено открыть действия немедленно. Решение это было принято в ночь на 29-е октября в помещении Всероссийского Крестьянского Союза». Руководителем выступления был назначен полковник Полковников, при чем видную роль в этом назначении играл член Ц. К. П. С.-Р. Гоц. Тут же были заготовлены приказы военным училищам о выступлении. Эти приказы я лично дал на подпись Авксентьеву—председателю комитета»... «После неудачных для нас боев вокруг пехотных училищ, мы получили распоряжение от Комитета прекратить дальнейшую борьбу ввиду ее полной безнадежности» (Т. I, л. д. 319).

По показаниям Ракитина-Броуна, вечером 29 октября, он вместе с Краковецким был вызван Гоцем на Фонтанку в Исполком С'езда Крестьянских Депутатов, где им предложили сообщить имеющие данные о силах, находящихся в их распоряжении; командующим войсками был назначен Полковников. «Тут же были написаны приказы о выступлении, подписаны Авксентьевым, как председателем Комитета, и посланы с нашими эмиссарами в части»... «В то же время,—продолжает Ракитин-Броун,—ранним утром, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда о свержении большевистской власти, об аресте Революционного Комитета и восстановлении власти Временного правительства. Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева, их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева.

ева. В подлиннике же он был подписан председателем военного отдела меньшевиков Синани и мною, как секретарем Боенной Комиссии» (Т. II, л. д. 37, 38).

Восстание потерпело неудачу.

В то же самое время, в момент движения, в его наиболее критическую минуту обнаружилась еще одна чрезвычайно характерная для политической тактики партии с.-р. черта, которая также должна найти свою оценку в летописях как суда-истории, так и пролетарского суда. Эта черта тоже отнюдь не была случайной и знаменует собою систему политического поведения партии. Как будет установлено ниже, она была проявлена партией затем всюду и всегда, когда к этому ее вынуждала угроза открытой и прямой политической ответственности за совершаемые ею контр-революционные акты.

На следующий день, когда неудача восстания выяснилась, в «Деле Народа» № 195 появились под видом «писем в редакцию» следующие любопытные документы: «Новая Жизнь» от 30 октября сообщает, что в бюллетене Комитета Спасения Родины и Революции № 1 от 29 октября, в 8 ч. 30 м. напечатано воззвание «к населению и войскам Петрограда», подписанное Председателем Совета Республики Авксентьевым. Сим заявляю, что о таком воззвании я впервые узнал из «Новой Жизни» и такого воззвания я не подписывал. Петроград, 30 октября, Авксентьев». Такого же содержания было отречение Гоца, отречение Синани и, наконец, официальное опровержение за подписью Комитета Спасения Родины и Революции.

По этому поводу участник восстания Ракитин-Броун показывает: «появившееся в «Воле России» заявление Гоца, Авксентьева и Синани об их отречении от приказа меня глубоко возмутило, ибо оно пахло репегатством, так как Гоц принимал активное участие, Авксентьев подписывал боевые приказы, а Синани фактически подписал. Своей подписи я не опротестовывал, ибо с чистым сердцем и совестью шел на выступление, считая его полезным для революции, и считал позором отрекаться от своих действий только потому, что они окончились неудачно» (Т. II, л. д. 41).

А между тем люди шли по этим приказам на смерть, пушки уже грохотали, подготовленное и организованное с ведома и благословения партии движение уже вызвало жертвы с обеих сторон. Партия, провоцировавшая и организовавшая движение, в критическую минуту предпочла трусливо увильнуть и выдать своих соратников и обманутых юнкеров с головой. Не менее характерный штрих личного поведения вождей во время переворота рисует также член того же Комитета Спасения—Игнатьев. Описывая момент создания Комитета Спасения, он пишет:

«...Быховский сообщает, что ему только что удалось переговорить по телефону с Зимним Дворцом, он говорил с министром земледелия Масловым и последний просил передать, что положение во дворце тяжелое, что министры готовы погибнуть. Последние слова перед смертью его, Маслова, будут проклятием той демократии, которая послала его в правительство, а теперь изменила... Графиня Панина поднимается на трибуну и взволнованно призывает думу... пойти и умереть вместе с ними в Зимнем Дворце... В темноте выстроились перед зданием Городской Думы впереди гласные, затем цекисты—члены Исполкома... Впереди Прокопович с фонарем. Двинулись, прошли шагов двести по Казанской площади, остановились. Красная застава дальше не пускает. Потолкались час на месте, пробовали убедить пропустить, не вышло и... вместо того, чтобы итти на смерть ко дворцу, вернулись к жизни в Городскую Думу и тут же... об'явили перманентное заседание, а себя, как руководители оппозиции, Комитетом Спасения Родины и Революции».

Ликвидация юнкерского восстания окончательно определила собою поражение партии с.-р.

Несмотря, однако, на это поражение, весь период от поражения юнкерского восстания и вплоть до созыва Учредительного Собрания, проходит в ряде попыток, подробнее установленных ниже, организовать вооруженное сопротивление и вооруженную силу для противодействия власти. Из таких попыток наиболее характерной

опять-таки для тактики П. С.-Р., ее политической беспринципности и неразборчивости в средствах, является попытка связаться с немецким штабом Людендорфа и попытка такого же блока с Корниловской белогвардейской организацией Филоненко.

IV с'езд партии с.-р. избрал особую Военную Комиссию при Ц. К. Цель и задачи ее была организация военной работы. В условиях того момента, это могло означать только подготовку вооруженного восстания против власти Советов. «Центром работы Военной Комиссии, — говорит б-к Семенов в своей брошюре (стр. 9),—должна была являться подготовка почвы и организация военных сил в Петрограде для вооруженной защиты Учредительного Собрания и вооруженной ликвидации большевистской власти». Ведя эту работу, Военная Комиссия столкнулась на периферии с другой подпольной организацией, ставящей также своей целью свержение Советской власти. Эта организация, возглавляемая Филоненко, существовала на средства крупной буржуазии и высшего духовенства. По словам Семенова «организация предложила координировать работу и выступать в будущем совместно. Кроме того, она предложила финансировать нас». Вопрос о связи с этой организацией был передан на рассмотрение члена Ц. К. П. С.-Р., Донского, который от имени Ц. К. заявил, что Ц. К. против политического соглашения с организацией Филоненко, но решил с нею—«в военное сотрудничество вступить и деньги брать». При личных переговорах с Филоненко между Семеновым и Леппером выяснилось, что Филоненко полагает, после свержения власти создать буржуазное правительство из Картащева, Пальчинского (фабриканта), кн. Львова (помещ.), Пешехонова (н.-с.), Коновалова (фабрикант к.-д.) и Кишкина (к.-д.); себя Филоненко прочил в министры-председатели. Имело место и свидание Филоненко с Донским.

Еще более характерной для позиции, занятой на деле партией с.-р., несмотря на все резолюции ее с'езда, является связь с организацией б. прис. поверенного Иванова, ярого монархиста германофильской ориентации, с которым эс-эры также столкнулись в подпольной работе. При первом же свидании Иванов сообщил, что его организация держится германской ориентации. План ее сводился к следующему: «достигнуть соглашения с немецким штабом, получить от него несколько корпусов и двинуть их на Петроград; свергнуть Советскую власть и заменить ее буржуазным правительством. Переговоры ведутся с начальником германского штаба Людендорфом. Организация предлагала, в случае контакта, финансировать нас».

Бюро Ц. К., куда было передано это предложение, категорически высказалось против соглашения, но... «признавая организацию реальной силой и учитывая возможность ее контакта с немецким штабом, предложило поддерживать связь, делая вид, что Военная Комиссия идет на соглашение».

По вопросу о деньгах Донской заявил, что деньги нужно брать, так как «деньги не пахнут». После этого были получены, согласно показаниям Семенова, тысяч 40—50. Игнатьев также подтверждает эту связь, говоря, что они отказались впоследствии от удовольствия иметь дело с Ивановым, «по соображениям политического и этического свойства». Приведенные факты характеризуют содержание деятельности партии правых эс-эров во весь конец 1917 г. Основной конфликт должен был разгореться к моменту созыва Учредительного Собрания, к которому все противосоветские элементы накапливали силы. К этому времени период организационной неурядицы уже прошел и партия эс-эров готовилась выступить, опираясь на всю силу своих организаций и заключенных политических и фактических военных и всяких иных соглашений (Т. I, л. д. 263 об.).

III. Учредительное Собрание и третий с'езд Советов.

5 января 1918 г. открыло свои заседания Учредительное Собрание. 8 января открылся III Всероссийский С'езд Советов. Всероссийский С'езд Советов насчитывал до 1.000 делегатов, с подавляющим большинством коммунистов. Учредительное Собрание открылось при 402 членах, из них большевиков и левых с.-р. было 153,

правых с.-р. и других партий—244 человека, т.-е. более половины депутатов, или обеспеченное большинство.

«Кто хочет мирного развития, тот должен понять, что необходимо, чтобы Учредительное Собрание пошло в контакте с Советской властью», — говорил накануне Учредительного Собрания т. Володарский.

Перед партией социалистов-революционеров, таким образом, еще раз стала та же дилемма, которая уже раз стояла перед ней в момент II Всероссийскаго С'езда Советов и Октябрьского переворота. Формальное большинство с.-р. в Учредительном Собрании и фактическое большинство большевиков в среде народных масс и на С'езде Советов,—таково было положение вещей. Эти условия при соглашении давали возможность безболезненной ликвидации конфликта. Тем более, что сами с.-р. сознавали, что реально—правда и воля народных масс не с ними, несмотря на формальное эс-эровское большинство в Учредительном Собрании.

О том, как будет поставлен вопрос на Учредительном Собрании, было известно, равным образом, до открытия Учредительного Собрания.

«Всякую попытку Учредительного Собрания вступить в борьбу с Советами Раб., Кр. и Солд. Депутатов, как органов революционной власти, 2-й Всероссийский Крестьянский С'езд будет рассматривать, как посягательство на завоевания революции и самым решительным образом будет противодействовать ему в этом»,—говорила резолюция 2-го Всероссийского С'езда Крестьянских Депутатов.

Сообразно этой позиции, в декларации, основы которой были единогласно приняты на заседании В. Ц. И. К. от 3 января 1918 года, Учредительному Собранию было, от имени Рабоче-Крестьянских Советов, предложено признать, что:

1. «Россия об'является Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам».

2. «Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных и областных республик.

3. «Частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд передается трудящимся без всякого выкупа».

4. «Подтвердить закон о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства, как первый факт к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики».

5. «Подтвердить переход всех банков в собственность Рабоче-Крестьянского Государства».

6. «Подтвердить образование Социалистической Красной армии и полное разоружение имущих классов».

7. «Подтвердить политику мира и братание русских рабочих и крестьян с рабочими и крестьянами других стран, политику разрыва тайных договоров и стремление к достижению во что бы то ни стало демократического мира между народами».

8. «Подтвердить полный разрыв с прежней политикой эксплоатирования немногими избранными нациями сотен миллионов трудящегося населения в Азии, колониях и вообще в малых странах».

9. «Как первый удар международному банковому финансовому капиталу подтвердить аннулирование Советским Правительством займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии». (Сборн. «Вокруг Учр. Собр.», стр. 21).

Все эти положения в отчеканенной форме «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», вошедшие впоследствии в качестве первой основой вводной главы в конституцию Р. С. Ф. С. Р., как таковые, еще раз утвержденные V Всероссийским С'ездом Советов, были предложены Учредительному Собранию.

Обсуждение этой декларации было отвергнуто большинством 237 голосов против 146, при воздержавшихся украинских с.-р.

В ответной декларации большевиков по этому поводу говорилось:

«Громадное большинство трудовой России, — рабочие, крестьяне и солдаты — пред'явили Учредительному Собранию требование признать завоевания великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, о мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов Раб., Кр. и Солд. Депутатов»... (Сборник «Вокруг Учред. Собрания», стр. 38).

Большинство Учредительного Собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России. Нынешнее контр-революционное большинство Учредительного Собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению... Не желая ни на минуту покрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что мы покидаем Учредительное Собрание, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контр-революционной части Учредительного Собрания».

После соответствующей декларации, зал заседания Учредительного Собрания покинули и депутаты от левых с.-р.

В соответствии с этим 6 января В. Ц. И. К. Советов принял предложенный Советом Народных Комиссаров декрет о роспуске Учредительного Собрания, но Учредительное Собрание, в своем оставшемся составе, об'явило государство Российское — Российской Демократической Федеративной Республикой и взяло на себя ведение переговоров о мире.

Взамен власти рабочих и крестьян, во что бы то ни стало, отстаивалась, таким образом, буржуазно-демократическая форма государственного управления.

По существу же вопрос шел о том, кто будет у власти—рабочий класс и крестьянство, или опять, по-прежнему, старые соглашатели и сторонники коалиции. В свое время партия с.-р. имела большинство и в советах, как сейчас она имела большинство в Учредительном Собрании; ее тактика всегда, однако, оставалась неизменной и враждебной интересам рабочих и крестьян.

Последнее, прежде всего, обнаружилось в новой попытке вооруженной рукой свергнуть власть Советов, совершенной с.-р. в тот же первый и последний день заседания Учредительного Собрания.

Эту попытку ярко обрисовывают организаторы военных дружин партии правых с.-р. того времени, б. с.-р. и члены Военной комиссии при Ц. К. гр. Семенов и Паевский.

Уже после IV с'езда, на котором была принята резолюция о сосредоточении организованных сил для того, чтобы «принять бой с преступным посягательством на волю народа», Военная комиссия занялась фактической организацией и подготовкой вооруженных сил. Был задуман и стал проводиться план создания фиктивного солдатского университета под частным флагом. Целью университета было стянуть в Петроград к моменту выступления некоторое количество вооруженных солдат, разделявших идею защиты Учредительного Собрания. Еженедельно происходили на Галерной так называемые гарнизонные совещания представителей полковых комитетов и всех активных работников в воинских частях, независимо от партийности. Вопрос о вооруженной охране Учредительного Собрания ставился открыто со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Параллельно с работой в воинских частях шла работа по созданию боевых рабочих дружин. Организатором их был назначен Паевский. Боевые дружины были созданы при каждом партийном районе. Вся военная работа велась под наблюдением члена Ц. К. Герштейна»...

«На совместном заседании Военного Отдела и Бюро Военной Комиссии дня за два до разгона Учредительного Собрания был намечен Боевой Штаб. Была намечена квартира штаба»...

«В ночь накануне демонстрации... Ц. К., взвесив положение вещей и наши реальные силы, дал нам директиву не приводить в исполнение выработанный штабом план выступления. Ц. К. предлагал нам следующее: в случае активного массового

выступления, когда войска сами встанут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками, взять на себя руководство движением, регулировать его». (Брошюра Семенова, стр. 11).

«В день демонстрации Броневой Дивизион был готов к выступлению и ждал лишь предписания. Боевики наши собрались в количестве 60—70 человек в помещении Городского Московского района. В комитете Семеновского полка шло беспрерывное заседание. Я считал, что выступление по намеченному плану пройдет удачно, но, согласно директивам Ц. К., мы пассивно выжидали, какие размеры примет демонстрация и в какую форму она выльется» (Т. I, л. д. 23—24).

Вооруженного массового стихийного столкновения не произошло, и мы бездействовали.

Что же действительно произошло—обрисовывает Паевский.

«Начался с'езд членов Учредительного Собрания. В связи с его открытием я получил от Военной Комиссии опять-таки с ведома и утверждения приказ организовать боевую дружину для защиты Учредительного Собрания на случай возможности его разгона. Я обратился к партийным районам и предложил им выделить с.-р., умеющих владеть оружием и обладающих им. Таким образом, образовалась боевая дружина, наличия которой я не мог точно учесть... Перед днем открытия Учредительного Собрания я получил приказ от Ц. К., через Военную Комиссию концентрировать дружину в помещении Московского Городского района для того, чтобы сопровождать шествием к Таврическому Дворцу. Собралось приблизительно человек 60, из которых часть была вооружена револьверами, часть ручными гранатами. Предполагалось, что по дороге мы захватим Семеновский полк и броневиков, потом Преображенский и т. д., в таком виде подойдем к Таврическому дворцу, где будем хозяевами положения. Ничего подобного не произошло, так как Полковой Комитет Семеновского полка наотрез отказался отдать приказ полку принять участие в шествии. Таким образом, мы пошли одни. По дороге к нам присоединилось несколько райнов. Состав шествия был следующий: немногочисленное количество партийных, дружина, очень много учащихся барышень, гимназистов, в особенности студентов, много чиновников всех ведомств, организации кадетов со своими зелеными и белыми флагами, Поалей Цион и т. д. при полном отсутствии рабочих и солдат. Со стороны из толпы рабочих раздавались насмешки над буржуазным составом шествия. С этого времени, когда я воочию увидел состав защитников Учредительного Собрания, во мне начался перелом, который через две недели привел к тому, что я навсегда расстался с П. С.-Р., спасая свою революционную честь и совесть» (Т. II, л. д. 56 об.).

Не желая брать на себя ответственность за инициативу вооруженного столкновения, Ц. К. П. С.-Р., однако, ни одной секунды не колебался взять на себя ответственность за провокацию такового.

В особом воззвании по поводу разгона Учредительного Собрания за подписями всех членов Учредительного Собрания П. С.-Р. «Ко всем гражданам России», говорилось:

«Граждане! Вопрос идет о жизни и смерти страны, о благе трудового народа, о сохранении завоеваний свободы. Остановите же преступное насилие над правами народа. Призовите вооруженных сынов своих к подчинению народной воле, нашедшей свое свободное выражение в Учредительном Собрании... Учредительное Собрание, разогнанное штыками насильников, поставленное под самосуд над его членами, не умерло. По призыву своего председателя в день, указанный им, Учредительное Собрание соберется вновь, чтобы продолжать свою работу». Так окончилась вторая попытка партии с.-р. вооруженной рукой свергнуть власть Советов. Об'ективно слагающийся блок с буржуазией против пролетариата и крестьянства, таков был всегда один и тот же практический результат всех шагов партии с.-р., как только она от общих фраз своих прокламаций переходила к практическому проведению своей политики в жизнь.

Как образчик лицемерия Ц. К. и параллельно ко всем вышеприведенным разоблачениям Семенова и Паевского следует привести текст формального постановления, принятого Ц. К. на заседании от 9 декабря по вопросу об открытии Учредительного Собрания. Постановление гласит текстуально: «5 января в день открытия Учредительного Собрания организовать мирную демонстрацию» («Партийные Известия» № 5, стр. 51).

Постановление принималось одновременно с приказом Паевскому организовать боевые дружины.

IV. Период от разгона Учредилки до постановления В. Ц. И. К. от 14 июня об исключении партии с.-р. из Советов. Брестский мир и VIII Совет партии. Начало образования внешних фронтов и связь с союзниками.

Период от разгона Учредительного Собрания и до 14 июня—постановления В. Ц. И. К. об исключении партии с.-р. из числа легальных партий и ее представителей из Советов являются следующим периодом—переходным от неоформленных и изолированных попыток вооруженной борьбы с Советской властью к организации партией с.-р. открытой вооруженной борьбы на фронтах. К основным политическим фактам этого периода относятся: 1) заключение Брестского мира и фактический выход России из империалистической войны, 2) начало террористической борьбы партии с.-р. с Советской властью и 3) официальный блок П. С.-Р. с буржуазными империалистами иностранных государств и начало открытой вооруженной борьбы на фронтах, при военной и финансовой поддержке капиталистических западно-европейских правительств, в союзе с русскими буржуазными к.-рев. организациями. Переломным моментом в жизни партии, когда была формально определена и санкционирована эта линия поведения, явился состоявшийся в Москве в период с 7 по 14 мая 1918 г. VIII Совет партии.

Брестский мир был ратифицирован экстренно созванным специально по этому вопросу IV Всероссийским С'ездом Советов, в марте месяце 1918 г. в Москве. Таким образом, по одному из важнейших вопросов политической жизни страны, фактически являвшемуся для страны в тот момент и в той обстановке вопросом жизни и смерти, партия с.-р. снова еще раз встала перед необходимостью определить свое отношение к авторитетно выраженной и проявленной воле трудящихся масс. Громадным большинством Всероссийский С'езд Советов ратифицировал мир.

Как ни были тяжелы условии мира, еще тяжелее было продолжение состояния войны и продолжение эксплоатации трудовых масс в качестве пушечного мяса для союзников. Партия с.-р. с самого начала заняла по этому вопросу резко противоположную позицию—против мира и за войну.

Еще 6 февраля 1918 г. в протоколах Ц. К. П. С.-Р. имеется резолюция Ц. К. по вопросу «о текущем моменте», в которой говорится:

«3. Предложить представителям фракции с.-р. в межфракционном совещании Учредительного Собрания настаивать на опубликовании от имени Учредительного Собрания, что:

а) оно не признает «похабного» мира, заключенного большевиками с германским правительством,

б) к такому непризнанию мира оно призывает всю страну,

в) доводит об этом до сведения всех союзных держав» («П. Изв.» № 5, стр. 2).

Немедленно после IV Всероссийского С'езда Советов Ц. К. П. С.-Р. опубликовал следующее воззвание: «Ко всем народам цивилизованного мира. Всем Центральным Комитетам Социалистических партий»:

«Совет Народных Комиссаров и IV Всероссийский С'езд Советов принял и ратифицировал Брестский мир. Партия русских с.-р. заявляет перед лицом всего мира, что она не признает Брестского мирного договора и не придает ему никакой законной силы... Правительство Совета Народных Комиссаров предало демократиче-

скую Россию, Революцию и Интернационал, и оно должно быть и будет низвергнуто. Партия с.-р. приложит все свои силы, чтобы положить предел ненавистному режиму диктатуры... Партия с.-р. считает, что Россия продолжает находиться в состоянии войны с германским империализмом. Война будет возобновлена как только Россия получит власть, признанную всей нацией, и мы ее будем продолжать в согласии со всеми державами, борющимися с союзом германских империалистов за права народа». (Приложение. Т. II, стр. 7).

Это воззвание находится в резком противоречии не только с резолюциями партийного с'езда (IV) по вопросу о войне и даже с декларацией Учредительного Собрания (см. выше) и насквозь является пропитанным типичной антантовской идеологией и оборонческим шовинизмом. С точки зрения уголовной оно содержит в себе сверх того все признаки государственной измены и преступных действий, направленных к вовлечению страны в войну, и уже потому является достаточным для применения к его авторам самых тяжелых форм уголовной репрессии. Партия с.-р. в лице ее Ц. К. немедленно, однако, приступила к организационным шагам по проведению в жизнь возвещенной ею в воззвании тактики. С этого момента начинаются формальные сношения с союзниками от имени партии. После заключения Брестского мира, значительно позднее его ратификации по показанию члена партии с.-р. Закгейма, он, по поручению члена Ц. К. Тимофеева, разнес пакеты во все союзнические миссии в Москве: французскую, румынскую, американскую и итальянскую. До запечатывания пакетов я прочел в них,—говорит Закгейм,—обращение к странам Антанты, в которых Ц. К. П. С.-Р. высказывался против заключения мира и указывал, что партия с.-р. по-прежнему стоит на точке зрения необходимости войны с Германией. Представители миссий, которым я передал пакеты, просили меня передать партии с.-р. признательность союзников за ее готовность продолжать войну с Германией и за то, что Россия в лице партии с.-р. остается верной союзникам. Ответы представителей союзнических миссий были мною устно переданы члену Ц. К. Тимофееву. Об ответах Закгейм говорил также с членами Ц. К. Морозовым и Е. Ратнер.

Точка зрения, на которой в это время, видимо, стоял Ц. К., наиболее рельефно выражена тем же Тимофеевым в его статье «Война и Мир».

«Мир России необходим, но мир лежит только через войну... Россия обязана снова войти в состав коалиции согласия и, участвуя в международной борьбе, искать международных же гарантий бытия... Возобновление тесной связи с союзниками, совместно с ними несение тягот войны, принятие от них вооруженной помощи, при наличии которой только и можно надеяться на возрождение наших собственных вооруженных сил,—вовсе не означает капитуляции России перед империализмом всех стран». (Сб. «Народовластие», стр. 28. Изд. 1918 г.).

Эта точка зрения получила вскоре официальное выражение в резолюциях VIII Совета партии.

В специальной резолюции по международной политике VIII Совет партии постановил:

«Торжествующий германский империализм все более и более подчиняет себе... бессильную, висящую в воздухе большевистскую власть... вызывает среди наших союзников растущую тревогу и с момента на момент может толкнуть их на путь вооруженного вмешательства в наши дела»... «Ни в коем случае трудовая демократия не может опираться для восстановления народовластия на поддержку иностранной, хотя бы и союзной военной силы», гордо заявляет резолюция Совета партии», но... «Принимая во внимание, что своей политикой большевистская власть накликает на Россию опасность полной утраты ее самостоятельности и раздела ее на сферы влияния более сильных соседей — VIII Совет партии полагает, что отвратить эту опасность возможно лишь путем немедленной ликвидации большевистской партийной диктатуры и перехода власти в руки правительства, опи-

рающегося на всеобщее избирательное право... Для такого правительства.... появление союзных войск на русской территории будет приемлемо для целей чисто стратегических, но не политических, с согласия России, обусловленное формальными гарантиями невмешательства союзной вооруженной силы в разрешение внутренних политических вопросов и обеспечение целостности русской территории».

Эта резолюция предопределила собою на целый год практическую политику партии с.-р. и стоила достаточно крови и жертв русским рабочим и крестьянам. Претенденты на власть, избиравшие на Учредительном Собрании свою делегацию для ведения переговоров о перемирии, посылавшие разносчиков в миссии с заявлениями от имени России, что считают Россию продолжающей находиться в состоянии войны, потерпевши крах в попытках собственными силами отстоять самих себя — только ценой военной помощи союзников, она могла надеяться сломить власть Советов. Но на VIII Совете партии—П. С.-Р. все же пыталась обставить свою измену торжественными словами о гарантиях против покушения на независимость и суверенитет России (Приложение. Т. II, стр. 3, 4).

Программа действий таким образом намечалась следующая:

а) свержение Советской власти собственными силами,

б) организация демократического правительства,

в) связь с союзниками и военная помощь от них,

г) возобновление войны с Германией.

Та же резолюция VIII Совета гласила: «Партия констатирует, что в ее среде нет течения, которое стремилось бы к возрождению страны вне ее собственных материальных, духовных и социальных рессурсов».

Одновременно в резолюции по текущему моменту говорилось:

«Шестимесячная большевистская политика привела страну к государственному распаду, полному финансовому краху, дезорганизации хозяйственной жизни, а в итоге всего Россия перестала существовать, как национальное государственное целое. Поэтому ликвидация большевистской власти составляет очередную и неотложную задачу всей демократии»...

По сравнении с обращением Ц. К. от 6 февраля, где говорилось, что «ввиду того, что большевизм опирается в отличие царского самодержавия на ослепленные солдатские и рабочие массы... борьба против большевизма должна вестись в форме организации масс на наших лозунгах в форме открытой массовой борьбы и ни в коем случае не может принять характер заговорщической борьбы», резолюция VIII Совета ставит на первое место именно работу по немедленной вооруженной ликвидации Советской власти. Итак, вооруженные заговоры, организацию восстаний, призыв иностранной военной силы и возобновление войны с Германией,—вот какую программу действий наметил VIII Совет.

Это было принято в момент только что ратифицированного Брестского мира, в период самой напряженной работы по организации Красной армии и заложения первых основ Советской государственности и в разгар гражданской войны на Украйне, в Сибири и на Дону.

Резолюция Совета партии не осталась на этот раз пустым звуком, как это было с резолюциями «Комитета Спасения Родины и Революции» и прокламациями и воззваниями фракции Учредительного Собрания.

Резолюции VIII Совета закреплялись немедленно организационно: а) в виде действительного блока с союзниками на почве денежной помощи от них и шпионской помощи последним, б) в форме политического блока с буржуазными партиями, в) в форме военно-заговорщической организации по подготовке восстаний, г) в форме образования при помощи иностранных чехо-словацких войск в нарушение только что принятых резолюций политических центров и очагов восстаний, д) организации на севере, на востоке, в Сибири и на юге параллельных государственных центров в форме «демократических» правительств, поведших немедленно вооруженную борьбу на фронтах против Советского правительства, е) в организации террористических по-

кушений против представителей Советской власти, организации вооруженных ограблений и подрывной работы по разрушению железнодорожных путей, складов, воинских сооружений флота.

1. Связь с союзниками.

По показаниям Рене Маршана, быв. официального корреспондента при французской миссии в России, Французское консульство по поручению Нуланса имело и поддерживало в 1918 году связи специально с каждой из политических группировок в России—связь с П. С.-Р. поддерживалась миссией через Эрлиха, имевшего личные связи с Черновым и державшего также связь с членом Ц. К. Тимофеевым. По показанию члена Ц. К. Иванова, представителем Ц. К. П. С.-Р. велись переговоры с представителем английской миссии в деле восстановления антигерманского фронта... Иногда Тимофеев делал сообщения в Ц. К. об этих переговорах, и «союзники обещали помочь нам установить контакт с чехами». Уполномоченный Ц. К. и член Моск. Бюро Ц. К. Ратнер говорит, что с союзниками велись длительные переговоры... эта связь поддерживалась через Тимофеева и Гоца» (подробно см. ниже во II части). (Т. I, л. д. 253, т. I, стр. 306, т. I, стр. 172).

Особенно регулярный и постоянный характер носили связи с союзниками через Бюро фракции Учредительного Собрания, переехавшее в Москву и продолжавшее претендовать на роль выразителя «истинной воли народа» и «законного правительства России». Член этого Бюро быв. член Ц. К. Дедусенко показывает, что Бюро «находилось в тесной связи с союзническими миссиями». Этими сношениями ведал Бунаков и Авксентьев. В заседаниях Бюро ими делались доклады о переговорах с союзническими миссиями. Член Бюро Дедусенко указывает на сношения с французским консулом Масоном и другими представителями Нуланса. Переговоры касались восстановления восточного фронта и мировой войны и по вопросу об интервенции союзников. Член Бюро Святицкий рассказывает о своей личной поездке и беседе с каким-то французом, куда его пригласил Бунаков по вопросу об общеполитическом положении (Т. I, стр. 271, т. I, стр. 310).

Эта связь, однако, далеко не ограничилась одними разговорами. Вопросами, подвергавшимися обсуждению, были и практические вопросы: а) о финансировании к.-революционной работы и б) о содержании таковой. И та и другая подтверждается рядом свидетельских показаний и официальных документов, в том числе показаниями самого организатора подрывной работы и члена П. С.-Р. Давыдова, Липской-Давыдовой, Рене Маршана, Паскаля и др. лиц и имевшимися в производстве Верховного Трибунала делами: Саратовским делом, делом французской миссии, делом Локкарта, делом Куроченко. Получение денег засвидетельствовано равным образом показаниями самих членов Бюро Учредительного Собрания Ратнера, Дедусенко, Святицкого, Игнатьева и др. лиц (Т. I, показания).

2. Связь с белогвардейскими и буржуазными организациями.

Видный член партии с.-р. Аргунов в своей брошюре «Между двумя большевизмами», так обрисовывает мотивы, в силу которых партия с.-р. к этому моменту сознательно уже встала на дорогу коалиции с буржуазией:

«К началу 1918 г., когда большевизм в центральной России торжествовал одну победу за другой, захватив обе столицы и заставив враждебные ему партии перейти частью на позиции пассивного сопротивления, частью уйти в подполье, в этот момент стала особенно остро ощущаться потребность в об'единении всех антибольшевистских сил с целью общей планомерной работы. Начались переговоры между Центральными Комитетами по вопросу о совместных действиях. Отбросив мысль о возможности об'единения через партийные комитеты, члены партии, наиболее заинтересованные в этом об'единении социалистических и несоциалистических партий, начали вести переговоры

самостоятельно... Ряд собраний пришел к образованию в Москве «Союза Возрождения», который имел сношения с соответственными организациями разных партий, особенно партии с.-р., которая, главным образом, вела антибольшевистскую борьбу. Союз вошел также в правильные сношения с представителями союзных миссий, находившихся в Москве, Петрограде и Вологде, главным образом, при посредстве французского посланника Нуланса. Представители союзников были подробно ознакомлены с программой союза, его составом и неоднократно выражали ему готовность содействовать»...

Основаниями об'единения служила по показаниям быв. с.-р. Кондратьева платформа, что: 1) в России и не может быть социализма и чисто социалистической власти и 2) что необходимо поддерживать ту власть, которая будет опираться на принципы гражданских свобод и народоправства и созовет Учредительное Собрание. До Учредительного Собрания эта власть представлялась, как власть директориально-коллегиальная, наделенная достаточными полномочиями» (Т. IV, стр. 281).

В этой программе партия с.-р. отказалась равным образом уже от основного пункта своей резолюции IV С'езда о характере русской революции и откатилась назад к лозунгам февральской революции 1917 г.

Об'ективно же с.-р. откатились еще дальше. По показаниям Игнатьева вопрос о возможности пользоваться иностранной помощью долго обсуждался в Центральных Комитетах. В результате пришли к решению «о возможности воспользоваться союзническим десантом, как ядром, вокруг которого сорганизуются русские боевые силы и также воспользоваться материальными рессурсами союзников, но при условии невмешательства их во внутренние дела России». Эта форма,—говорит Игнатьев,—была однородна по своему содержанию и у н.-с. и у с.-р. и у меньшевиков (Брошюра Игнатьева, стр. 9).

Практически в военный штаб союза в Петрограде вошел Гоц. При нем был создан военный центр, который стал руководить нелегальными военными, главным образом, офицерскими организациями, рассылая членов их по провинции.

Как осуществлялась эта связь практически в провинции и какова была в этом отношении принципиальная позиция с.-р., показывает положение, создавшееся в Вологде, после того, как один из видных членов П. С.-Р. Маслов вошел в Союз Возрождения, Несмотря на двукратное запрещение губкома—было, в конце-концов, решено «не чинить отдельным членам партии препятствий по вхождению с тем, что если будет втянут в работу член комитета—таковой механически из комитета выбывает». Таким фиговым листком лицемерия прикрывала в это время партия откровенный факт своего политического блока с буржуазными партиями в совместной борьбе против Советской власти и пролетарской революции (Т. II, л. д. 79).

Тот же Игнатьев далее показывает: «Политическая честность требует открытого признания всех участников работы того периода: да, мы считали необходимой иностранную помощь и военной силой и деньгами. Сначала получали деньги и расходовали их, а потом получали и силу в виде иностранного десанта». (Подробно см. II часть). (Т. III, л. д. 261).

Другой член Военного штаба Верховский показывает: «Да, я имел беседы с генералом Нессселем, представителем французской миссии. Военный штаб через кассира ген. Суворова получил деньги от союзнических миссий» (Т. I, стр. 275).

Так при первом же практическом испытании были забыты основные директивы VIII Совета о том, что помощь может быть приемлема от иностранных правительств только утвердившимся равноправным же правительством, «никоим образом не опираясь на военную, хотя бы и союзную силу» (см. выше). На деле в трудные для Советской России и трудящихся масс времена партия с.-р. в союзе со всеми буржуазными партиями во имя программы, согласно коей новая власть во всяком случае не должна была быть социалистической, заранее обещав новое возобновление войны с Германией, занялась организацией восстаний и новых фронтов на деньги иностранных капиталистов и опираясь на вооруженную силу союзников.

Центрами новых политических об'единений и местопребываниями проектируемых правительств были избраны на Севере—Архангельск и Вологда, на Востоке—Саратов, Самара и Уфа, на Юге—Ростов-на-Дону и далекая Сибирь. Началом открытой вооруженной борьбы послужил мятеж чехо-словацких полков в конце мая 1918 г.

Член П. С.-Р. Вольский показывает, что он выехал на Поволжье в 20-х числах мая, после решений VIII Совета партии о вооруженной борьбе с Советской властью в Уральск по поручению Ц. К. П. С.-Р. для участия в восстании против Советской власти. «Я поехал через Самару, которая была занята за три дня до моего приезда. Немедленно после моего приезда образовался Комитет членов Учредительного Собрания. Я был избран председателем этого Комитета. Немедленно же начались переговоры с представителем союзников некиим Гинисэ по вопросу о восстановлении восточного фронта против Германии» (Т. I, стр. 250).

Другой член Ц. К. Веденяпин выехал в Самару 8-го июня. В этот момент город уже был занят чехо-словаками. Веденяпин тотчас вошел в сношения с чехо-словацким командованием Чечеком и политическим представителем в Национальном Совете Медеком. До этого чехо-словаки уже связались с с.-р. через Брушвита, который предложил им совместные действия против Советской власти, от чего они первоначально отказались. Вторая организация, которая помогла эс-эрам, была беспартийная офицерская организация полковника Галкина. Таким образом при помощи иностранных штыков белогвардейского офицерства, эс-эрам удалось свергнуть Советскую власть на Поволжьи. Потерей Уфы, Советская власть была обязана тем же эс-эрам, путем государственной измены постановленного ими с заведомой целью предательства полковника Махина. С ведома члена Ц. К. Тимофеева, Дашевский передал Махину следующую директиву Ц. К.: назначение на чехо-словацкий фронт принять, связаться на месте с эс-эрами и действовать сообразно с обстоятельствами. В ответственную минуту Махин со всем штабом перешел на сторону противника и сдал Уфу (Т. I, л. д. 295, т. I, л. д. 203).

Так образовался первый центр, во главе которого встали члены Учредительного Собрания П. С.-Р.: Вольский, Климушкин, Брушвит, Нестеров и Фортунатов. Туда же за Волгу перебрался вскоре и весь остальной Ц. К.

Два документа характеризуют в этот момент направление политики этого нового образовавшегося очага контр-революции: первый—это обращение к союзникам—оно гласило:

«Комитет членов Учредительного Собрания имеет довести до сведения союзных держав: после семимесячного кошмарного господства в стране самозванных захватчиков власти, русский народ нашел в себе достаточно сил, чтобы выступить с оружием в руках против этих насильников... В области внешней политики Комитет членов Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире и потому не признает силы за Брестским мирным договором, формируя новую армию для борьбы с внешним врагом, вторгнувшимся в пределы России... Комитет, однако, находит, что эти военные действия дадут желательный результат только при условии ведения их с наибольшим напряжением сил и с этой точки зрения комитет будет приветствовать поддержку вновь формируемой Народной армии со стороны союзников. как непосредственным участием на нашем фронте вооруженных союзнических сил, так и усилением армии военнотехническими средствами» (Приложение, т. II, л. д. 222—226).

Эта «нота» обозначала исполнение условий, заключенных в Москве при переговорах Тимофеева с Нулансом и почтительнейшую просьбу о поддержке и вооруженными силами и техническими средствами. Своими силами контр-революция держаться не могла. Последнее лучше всего доказывается признанием самих же деятелей того времени. Так, в своих воспоминаниях Утгоф пишет: «Войну вели чехи и добровольцы. Народная армия лишь отягчала казну Самарского правительства и подвергла

опасности боеспособные части. Быстрые первоначальные успехи, достигнутые усилиями чехов и добровольцев». Самара, как контр-революционный форпост, стала форпостом буржуазии и иностранного капитала («Былое» № 16, стр. 16).

Вторым к.-революционным центром, образованием коего Советская Россия того времени обязана эс-эрам, был Север.

По показаниям Игнатьева, во второй половине июля в Петроградский центр Союза Возрождения приехал делегат из Вологды и заявил, что к перевороту все готово и ждут только союзнического десанта в Архангельск. Намечена конструкция власти, но не хватает будущих министров. Комитет членов Учредительного Собрания в Москве командировал туда ввиду ожидающегося десанта Дедусенко, Маслова и Коварского, уполномоченных на ведение переговоров с союзниками о восстановлении восточного фронта. Союз Возрождения командировал Игнатьева. В Архангельске Игнатьев застал Чайковского, который должен был, по ранее предположенному плану, выехать в Сибирь и здесь с Масловым, Дедусенко и Ивановым они вместе обсуждали декларацию будущего правительства. Состав организации, на которую опирались с.-р., был чрезвычайно характерен. По показаниям члена организации Бессонова, это были «полковники, капитаны сюсюкающие белоподкладочники, вообще—сплошь офицерство, настроенное частью монархически» (Брошюра Игнатьева, с. 19. Том II, л. д. № 79).

Переворот в Архангельске произошел при помощи союзного десанта, горского конного дивизиона и вооруженных крестьянских отрядов. Главнокомандующим английскими войсками был генерал Пуль. Правительство образовалось в составе Чайковского (н.-с.), Маслова (с.-р.), Лихача (с.-р., член Ц. К.), Гуковского (с.-р.), Зубова (к.-д.) и Старцева (к.-д.).

Таким образом, и в Архангельске было начато с формального блока с буржуазией и белогвардейцами и с помощью союзных империалистов, в забвение постановлений VIII Совета и его декларативной болтовни.

Дальше создалось положение, при котором «Правительство» оказалось жалкой игрушкой в руках союзников. Достаточно сказать, что через месяц правительство Чайковского было арестовано и отправлено в Соловецкий монастырь, откуда через сутки возвращено после протеста, организованного Дедусенко и Ивановым. Дальнейшие события, однако, были предопределены и в результате—тот же Игнатьев был, как он говорит, вынужден по соображениям международного характера признать... Колчака.

3. Образование контр-революционного центра в Сибири.

Сибирь, приблизительно, переживала ту же историю в развитии контр-революционного движения, что и восток и Север. Благодаря особенностям пространственного характера и некоторым местным чертам, движение только запаздывало в сроках, идейное содержание его, однако, ничем не отличалось от движения в центральной России, на Востоке и на Севере. По показанию бывшего председателя Сибирского правительства Дербера, в первых числах августа 1917 года в Томске было созвано совещание общественных и политических деятелей по вопросам государственного устройства Сибири. Новый с'езд состоялся 5 декабря 1917 г., в нем были представлены группировки от н.-с. до с.-р. включительно—без большевиков. С'езд выделил особый Областной Совет, чьей задачей была подготовка выборов в Сибирскую Областную думу, намеченную на январь, мобилизация общественного мнения против большевиков в пользу Учредительного собрания. Создалась группировка уже знакомая по аналогичным группировкам во всероссийском масштабе. Одновременно в Омске заседал западно-сибирский с'езд советов, постановивший взять власть в свои руки. В Иркутске происходит кровавая борьба, в результате которой создается атмосфера, благожелательная для Советской власти, Сибирская областная дума открывает свои заседания в Томске 26 января. Одновременно

в Томске же окончательно оформляется Советская власть и областная дума открывает свои заседания в подполье, где и было избрано полномочное представительство автономной Сибири (Т. III, л. д. 651 об.).

Состав правительства был в большинстве право-эс-эровский: Дербер, Вологодский, Патушинский, Новоселов, Кудрявцев, Михайлов, Юдин, Краковецкий, Шатилов и Захаров. На-лицо было не более 5—6 человек. Ввиду повсеместного торжества Советской власти, решено было переехать в Читу и оттуда все по той же причине—в «нейтральный» город Харбин. С этого момента правительство делится на две части—Дальне-Восточное и Западно-Сибирское или прямо Сибирское. В Дальневосточное входили: Дербер, Новоселов, Кудрявцев, Краковецкий, Юдин, Жернаков, Захаров и Моравский. В Западное—Михайлов, Вологодский, Патушинский, Шатилов, Крутовский и Серебреников. Патушинский, Шатилов и Крутовский скоро ушли и таким образом на Западе осталась только тройка.

Деятельность Дальневосточного правительства аналогична в этот момент деятельности разогнанной Учредилке в Москве. «В сущности говоря правительственной работы не было». Связь с Сибирью была слабой. Все сводилось к информированию иностранных представителей о составе Сибирского правительства и о его задачах и целях и т. д. Были попытки связаться с державами в военном и финансовом отношениях. Были переговоры и с правыми группировками, кончавшиеся обыкновенно неудачно (Т. III, л. д. 69).

Более интенсивным был Владивостокский период, куда переехало правительство в конце июля. Здесь велись переговоры с французским, японскими и английскими представителями об оказании нам помощи оружием и деньгами для свержения владивостокских большевиков. Дипломаты выражали принципиальное согласие. Во время этих переговоров, совершенно неожиданно для нас, произошел чехо-словацкий антисоветский переворот. С этого момента мы,—говорит Дербер,—провозгласили себя официально правительством Сибири. Но в это же время провозгласил себя верховным правителем генерал Хорват и $^4/_5$ жизни Дальневосточной группы были посвящены борьбе с Хорватом. Борьба, впрочем, была, главным образом, дипломатическая.

Эти признания, характерные и для Сибири, совпадают целиком с такими же признаниями главарей правительства Самары и Архангельска.

Западно-сибирская группа равным образом была приведена к власти чехами. Овладев властью, член западной группы Вологодский приехал во Владивосток и ликвидировал Дальневосточную группу. Отсутствие реальной силы вынудило Дальневосточную группу обратиться в Областную думу со своей отставкой. С этого момента центр политической жизни переносится на запад.

По показаниям второго члена правительства—Юдина декларация правительства Дальневосточной группы заключала в себе повторение декларации VIII Совета: непризнание Брестского мира, восстановление анти-германского фронта, борьба за Учредительное Собрание, просьба к союзникам о помощи оружием и деньгами. Наиболее цинично держала себя Япония, сразу поставившая условия: признание ее преимущественного влияния на Д. Востоке и уничтожение крепости во Владивостоке (Т. III, л. д. 51).

По показаниям Юдина Дальневосточной группой также велись переговоры с буржуазией (Хорват) о составе правительства. Буржуазные группы требовали не только равноправия, но и большинства. Одновременно велись переговоры Краковецким с атаманом Семеновым о военной связи с чехами и вооруженной помощи с английским консулом Ходсоном. Однако реальная власть очутилась в руках только с момента чешского переворота. Чтобы добыть денег, Дальневосточная группа вела переговоры с японцами о продажи им военного транспорта Печеньга. Приезжавшие для контроля деятельности правительства представители Сибирской конференции П. С.-Р.—Кудрявцев, Новоселов и Иваницкий санкционировали

их деятельность. Ликвидация Дальневосточной группы произошла благодаря соглашению приехавшего во Владивосток Вологодского с Хорватом.

Дальнейшее развитие Сибирской контр-революции уже связано с переворотом Колчака и находится в непосредственной связи с судьбой Самарского центра.

Таким образом и в Сибири переворот был совершен иностранными войсками— чехами. Правительство было организовано на союзнической платформе и вело переговоры с иностранными капиталистическими государствами о помощи деньгами и вооруженной силой и с русской откровенно реакционной буржуазией Хорватом, Семеновым и т. д. Организационная связь Ц. К. П. С.-Р. была слаба, но идейное содержание движения одно и то же.

4. Контр-революционный центр на юге.

Условия на юге резко отличались от обстановки, царившей в иных окраинах и областях. Прежде всего ни разу ни на Юге, ни на Украйне, ни на Кубани не было момента, когда бы партия с.-р. стояла у власти. Из всех правительств и переворотов, которые пережил Юг, у власти всегда стояли либо ярко шовинистические, либо ярко черносотенные и белогвардейские элементы. Наконец Юг испытал и режим военной оккупации германского империализма. Это должно было бы в значительной степени определить тактический уклон влево для эс-эров. Тем не менее, на деле этот уклон все время определялся на-право.

Эту позицию они с настойчивостью, достойной лучшего применения, выдерживали до конца за исследуемый, по крайней мере, период.

Первый период жизни Украйны определяется моментом господства на Украйне украинской шовинистической Рады. По этому поводу прежде всего обращает внимание постановление Ц. К. П. С.-Р. от 26—27 декабря о посылке на Юг в Киев специальной делегации из двух членов Ц. К. Герштейна и Рихтера для переговоров с украинской Радой и Ц. К. украинских с.-р. Цитируемое постановление гласит:

«Отправить в Киев делегацию для переговоров с вновь образовавшимися краевыми правительствами о воссоздании центральной правительственной власти и о создании благоприятной обстановки для работы Всероссийского Учредительного Собрания» («Парт. Изв.» № 5, стр. 50).

Уже этот один факт посылки делегации для переговоров к правительству, находившемуся в состоянии войны с Советской властью, достаточен сам по себе. Работа Герштейна и Рихтера на месте еще более характеризует ту же позицию. В статье в «Известиях В. Ц. И. К.» № 68 от 25 марта 1922 г. под названием «Работа Герштейна и К° на Украйне в 1918 г.», автор за подписью «Киевлянин» указывает, что основной целью было формирование воинских частей из солдат старой армии для поддержки Учредительного Собрания, и в этой работе он получал поддержку и Украинской Рады и французской миссии. Для окончательного утверждения договора о формальных гарантиях Раде за эту поддержку со стороны Русского Центрального правительства спешно был вызван Рудпев. Одновременно был поставлен вопрос о как раз закончившихся первых переговорах в Бресте и о санкционировании Радой сепаратного договора, заключенного украинской делегацией с германским империализмом втайне от русской делегации.

Герштейн и Рихтер должны были дать ответ, санкционируют ли они, во-первых, вообще сепаратный мир и, во-вторых, сепаратный мир вдвойне, т.-е. отдельный от мира, предлагаемого российской делегацией. Герштейн и Рихтер, как представители Ц. К., дали соответствующую санкцию. Киевлянин далее передает, что якобы Ц. К. отозвал за это Герштейна и выразил недовольство фракцией,

однако, сам по себе этот факт ничего не меняет в том, как и в каком направлении работали оба делегата Ц. К. на Украйне (Т. II., л. д. 125).

О тактике партии с.-р. за тот же период подробно показывает непосредственный свидетель этой тактики Рафес, тогда член Ц. К. Бунда и Украинской Рады. В то время все контр-революционные силы на Украйне делились на два лагеря: самостийное кулачество и великорусские помещичьи и буржуазные элементы. Стиснутые между ними до Октябрьской революции с.-р. ходом вещей толкались на путь союза с монархическими элементами, поскольку сами боролись против притязаний самостийников. После Октябрьской революции с.-р. примирились с Петлюровской самостийностью и стали работать над собранием военных сил для борьбы с Советской властью (описываемый Киевлянином период работы Герштейна). После падения Гетмановщины, когда Украйна закипела опять революционной волной, на совещании 13—14 ноября с.-р. резко выступили против развитой рабочим центром стачки, не без основания опасаясь, что они приведут к победе большевизм» (Т. II, л. д. 113—116).

Состояние и направление работ партийных организаций на Юге характеризует равным образом член этих организаций Иевлев. Эти показания относятся уже к моменту формирования добровольческой армии генерала Алексеева, направлявшей свои удары с Кубани и Дона на Советскую Россию. В Екатеринодаре в это время резко выделялась группа Шрейдера (член Учредительного Собрания), Бабина-Корня, Березова, Бочарникова и др., образовавшая собой Юго-Восточный комитет членов Учредительного Собрания, выпускавшая газету «Родная Земля», чье направление было таково в отношении к добровольческой армии, что вызвало осуждение комитета партии. Юго-восточный комитет стремился к «единому фронту» с меньшевиками, п.-с-ами и кадетами. Эта группа лиц вскоре вошла в резкий конфликт с остальной частью организации уже по вопросу о допустимых методах работы (Т. III, л. д. 79—83).

Особо стояли от местной организации Аргунов и Руднев. По словам Евменева — оба безусловно имели связь с краевым правительством и командованием Добрармии. Совершенно откровенно, наконец, вели себя Фед. Баткин, превратившийся в прямого агента Добрармии, и группа Лебедева и Метропольского и др. Этой группе даже деятельность краевого правительства казалась подчас слишком левой, они всецело поддерживали Добрармию.

Эта разпошерстность и резкий правый уклон партийных группировок на Юге не мог остаться неведомым Центральному Комитету и на ревизию был послан член уполномоченный Ц. К. Ратнер, Григорий. Немедленно же у Ратнера начались столкновения с группой Шрейдера, который, как говорит Иевлев, не признавал его полномочий (Т. III, л. д. 350—355).

По словам Ратнер — Бабин-Корень даже предложил ему от имени Шрейдера отказаться от своих полномочий.

После своего возвращения Ратнер доложил обо всем члену Ц. К. Донскому, но не встретил особенно горячей поддержки и одобрения своего рвения. «У меня создалось впечатление, что Ц. К. никаких мер по существу не принял, покрывая своим авторитетом и совместную работу с белогвардейцами и французские деньги и поддержку добровольческой армии и превращая эти акты в общепартийное дело» (Т I, л. д. 175).

Наконец, особыми документами, приобщенными к делу, и свидетельскими показаниями ряда лиц — Ставской, Дашевского, Рейснера и того же Ратнера,—устанавливается и непосредственная связь, которую имел сам Ц. К. П. С.-Р. в Москве с генералами Алексеевым и Деникиным (см. ниже во II части гл. связь с белогвардейщиной): член Ц. К. Донской особенно сильно, согласно этим свидетельским показаниям и документам, напирал на необходимость такой связи, «ибо это, во-первых, самая сильная армия и, во-вторых, не заражена ядом сепаратизма» (Т. I, л. д. 131, 188, 363).

Жалобы Ратнера на белогвардейскую окраску Руднева, Бунакова, Шрейдера, Бабин-Корня и других, видимо, явно были направлены не по тому адресу.

К этому периоду жизни партии с.-р. относится впервые применение по отношению к Советской власти политического террора (подробно см. ниже, часть 2-я, глава о терроре). Партия за это время организовала убийство Володарского, два покушения на Ленина и покушение на Зиновьева и Троцкого.

Это последние участие осталось тайной для широких кругов, так как партия на другой же день после покушения и убийств, верная своей политики двурушничества, торжественно отреклась от него, заявив, что никакого отношения к нему не имеет. Истина всплыла лишь впоследствии.

Однако и без террора общеизвестных фактов политического выступления и заявлений партии было достаточно, чтобы вынудить государственную власть на меры самозащиты. Одной из таких мер явилось постановление В. Ц. И. К. об исключении партии с.-р. из числа легальных партий и изгнание ее из представительства в Советах.

Принятое 14 июня 1918 г. постановление В. Ц. И. К. гласило:

Принимая во внимание: 1) «Что Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма всех фронтов, так и его союзников внутри Российской Республики, не стесняющихся в своей борьбе против Рабоче-Крестьянского Правительства никакими средствами от самой бесстыдной клеветы до заговора и вооруженных восстаний.

2) Что присутствие в Советских организаций представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть, является совершенно недопустимым.

3) Что из ранее опубликованных, а также оглашенных на настоящем заседании документов, ясно обнаруживается, что представители партии правых с.-р. (правых и центра) вплоть до самых ответственных изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контр-революционерами на Дону—Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири—с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами.

4) Что партия меньшевиков повсюду выступает солидарно с партией правых с.-р. в контр-революционной кампании против власти.

Ц. И. К. постановляет:

исключить из своего состава представителей означенных партий, а также предложить всем Совстам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов удалить представителей этих партий из своей среды.

Иного выхода, при создавшихся условиях, не было.

V. Период с VIII по IX Совет Партии. Расцвет и крах контр-революционного соглашательства. Эс-эры пролагают путь реакции. Покаянная конференция 8-го февраля 1919 года и амнистия эс-эров В. Ц. И. К-м 27-го февраля 1919 года.

Постановление В. Ц. И. К. от 14 июня явилось только логическим результатом позиции, занятой партией эс-эров на VIII Совете Партии. Дальнейшее развитие событий, однако, обнаружило чрезвычайно резкое отступление эс-эров и от позиции VIII Совета. Везде, где эс-эры поднимали движение, они фактически должны были начинать с обращения за помощью к союзникам. В результате движение всегда приводило не к использованию ими союзников, а к использованию их союзниками, не к установлению соглашения с политическими группировками буржуазии, а к сниманию буржуазией пенок с движения, вышибанию затем эс-эров из занятых позиций и полному торжеству реакции. Эти факты повсеместно происходили в течение 1918 г. Наиболее красочно и ярко они выявились на Севере и Востоке в областях, где в одном

случае при помощи чехов, а в другом—при помощи союзного десанта эс-эрам удалось временно свергнуть Советскую власть и учинить свое «народовластие».

1. Развитие событий на Севере.

Для характеристики направления, в котором развивались события на Севере, достаточно указать на первый мелкий эпизод, с которым лично пришлось столкнуться Игнатьеву в день его приезда в Архангельск. Пароход, на котором они ехали, был задержан и, несмотря на все протесты пассажиров, их вывели и повели в казармы, там расписали по ротам и запретили входить без разрешения властей. Это было «славяно-британский легион», сплошь состоявший из черносотенного офицерства, связанного непосредственно с английским командованием и не подчиненный русским властям. Там ругали, находя социалистов вообще, и грозили только что образовавшемуся правительству Чайковского. Во главе этих элементов стоял тот же Филоненко, явно служивший в английской контр-разведке. Членов Правительства Лихача, Дедусенко и Маслова—всех трех правых с.-р.—Игнатьев уже не застал: они выехали в Сибирь. Оказалось следующее: антисоветский переворот прошел при помощи полковника Берга. Поэтому Берг провозгласил себя немедленно после переворота главнокомандующим и отказался подчиняться Чайковскому Правительство назначило командующим войсками капитана Чаплина-Томсона и комендантом Архангельска — Чарковского. Союзнический корпус в лице Пуля и Нуланса стоял за Берга. Американский представитель Френсис отстаивал Чайковского. Борьбой этих групп об'яснялась и попытка ареста Чайковского и его освобождение. Так на деле проводилось невмешательство союзников и формальная гарантированная суверенность русской власти, которую так гордо возвещал VIII С'езд Советов партии.

В результате, через месяц эс-эровское Верховное Управление пришло к выводу, что оно лишнее, что фактически область оккупирована англичанами, которые дошли до прямого назначения военным губернатором французского военного агента Донопа, уволить которого согласились только под условием, что будет назначен губернатор из военных.

Эс-эровское Правительство, воспользовавшись при таком положении слухами об образовании в Сибири Всероссийской власти, поспешило распустить себя и передало власть назначенному в качестве генерал-губернатора полковнику Дурову с его помощниками по военной части—генералом Самариным и по гражданской—прокурором Петроградской Судебной Палаты — черносотенцем де-Брокаром.

Передав, таким образом, власть английскому империализму и русским белогвардейцам, Маслов, Дедусенко и Лихач, считая, что их задача исполнена, уехали в Сибирь. Это было прямое предательство эс-эров (Брош. Игнатьева, стр. 25).

Игнатьев немедленно запротестовал против такого положения вещей, созвал собрание новых и старых претендентов на власть и добился отмены этих решений. Власть была передана в руки Чайковского. После переговоров новое правительство было составлено уже с совершенно иной окраской. Заместителем Чайковского был кадет Зубко, генерал-губернатором—полковник Дуров, министром юстиции—белогвардеец Городецкий, финансов—князь Куракин, торговли и промышленности—фабрикант Мефодиев. Сам Игнатьев вступил в должность губернского Архангельского комиссара (Брош. Игнатьева, стр. 37).

Таково было правительство «Народовластия» Северной области. За его пределами шла борьба правых слоев белогвардейского офицерства и левых групп. Но последние были слабы, особо выделялся только Совет профессиональных союзов, приближавшийся к большевикам. На выборах в городскую думу социалистический блок получил большинство только пяти, шести голосов. С тех пор в течение почти трех четвертей года Игнатьеву приходилось выдерживать упорную борьбу с наступаю-

шей реакцией. Губернское земское собрание в своем эс-эровском большинстве было неспособно на борьбу. Совет профсоюзов все более отходил от правительства; правые все наступали, союзники все откровенней продолжали ту же политику использования и третирования правительства, чувствуя себя господами завоеванной страны. Даже для борьбы с советскими войсками, ведшими наступление на север, правительство Северной области было бессильно что-либо сделать без санкции союзников. Обмундирование и снаряжение отпускалось в самых ничтожных дозах, при чем сознательно проводилась политика—не допускать сосредоточения военных русских сил в одном месте. В декабре 1918 г. были восстановлены погоны. В марте запрещено участие солдат в политических организациях. По отношению к правительству велись открытые агитации за его свержение; крестьян избивали, истязали, издевались.

С от'ездом Чайковского за границу на конференцию держав, в управление вступил Зубов. Одновременно состоялось назначение главнокомандующим и генерал-губернатором—генерала Миллера, а Игнатьева—Управляющим Министерством Внутренних Дел. По должности комиссара Игнатьев одновременно подчинялся Миллеру, как генерал-губернатору, в то же время Миллер был подчинен Игнатьеву, как Управляющему Министерством Внутренних Дел. Этот компромисс отдалил кризис до апреля, когда Миллер был утвержден Колчаком в качестве его представителя в Северной области. Для характеристики этого момента достаточно указать, что даже предложение празднования февральской революции встретило оппозицию со стороны Миллера, заявившего, что, кроме минусов, эта революция ничего не принесла.

Одновременно продолжалась финансовая и торговая эксплоатация края и англичанами. Английское правительство выпустило под определенный золотой запас определенное количество «северных рублей» в отношении 40 : 1 фунту стерлингов и отпускало таковые в зависимости от покупок английских товаров. Вскоре английский капитал совершенно перестал стесняться. Когда Игнатьев вздумал провести образование при правительстве особого управления по рабочему вопросу, как отдела труда, к нему явился один английский финансовый представитель и заявил, что англичане будут возражать против увеличения сметы за счет отдела труда, и сумм на это не отпустят.

Не лучше стояло дело в области отношений с русскими. Член правительства заведующий отделом юстиции Городецкий оказался чем-то близким к союзу Михаила Архангела, остальные не лучше.

Борьба с Советской властью также не подвигалась вперед.

К августу 1919 г. положение еще более обострилось, в связи с восстанием на Онежском фронте. Одновременно встал вопрос об уходе союзников и эвакуации военных сил и городского населения, при чем военных было решено эвакуировать раньше

Будучи не согласен с таким решением, Игнатьев послал резкое письмо Зубову, предлагая ему уйти в отставку. Пришлось, однако, уйти в оставку самому Игнатьеву. Созвав для решения дел городское и земское совещание, Игнатьев выехал 14 августа 1919 г. в Сибирь. Так кончилась Северная эпопея.

Приложенные к делу документы характеризуют последние минуты и настроения, господствовавшие на этом городско-земском совещании. Руководители совещания исключительно дрожали за свою шкуру.

В своем обращении к союзным народам и правительствам они писали: «Мы, представители Северной области... с'ехавшись на земско-городское совещание, с тяжелым чувством узнали об отозвании отсюда английских войск. Во имя спасения родины, исполняя долг пославшего нас народа, мы обращаемся к вам, союзные демократии и правительства, со следующим:

...В момент неравной вооруженной борьбы пришли ваши войска со словом одобрения, с обещанием братской помощи... Мы поверили вам, вы приняли без оговора восстановление фронта здесь против Германии и ее союзников большевиков... При-

сутствие ваших войск давало нам моральную поддержку... Мы ошиблись. Вы уводите те немногие тысячи наполовину ваших добровольцев, что пришли к нам на помощь во имя человечности... Мы взываем к чувству человеческой правды и верим в ее торжество. Вовлеченные в нынешнюю борьбу, мы не можем окончить ее. Победа большевиков сулит нам смерть и мы, теряющие родину, не настолько счастливы, чтобы за морями найти себе спасение. Ради святости человеческой жизни вы должны оставить здесь свои силы, дабы в последний страшный час наших испытаний по чувству человечности помочь тем из нас, что останутся в живых. Мы просим вас верить в тот крик отчаяния и боли за народ, который вызывается вашим решением»... (Приложение, т. 2, л. д. 216).

Аналогичное обращение было выработано «союзным демократиям». Первое было послано в Англию—Ллойд-Джорджу, лорду мэру, сэру Бьюкенену, агентству Рейтера, I Чайковскому; во Францию—Клемансо, Нулансу и агентству Гаваса; в Америку—Вильсону. Второе в Англию—союзу углекопов, железнодорожников, транспортных рабочих; во Францию—Альберту Тома и Юманитэ; в Америку—Гомперсу и в Бельгию—Вандервельде (Приложение, т. II, л. д. 215).

Заглушаемые и оскорбляемые эс-эры городской думы и управы лизали сапоги тем, кто их заушал и оскорблял.

Выводы Игнатьева в конце его брошюры следующие:

1) коалиция с буржуазией оказалась еще раз утопией;

2) действовавшие партии, в особенности эс-эры, в борьбе с Советской властью оказались неспособными к борьбе;

3) сдача позиции буржуазии при первых столкновениях с ней и иностранцами и двурушничество, беззастенчивое двурушничество—такова их позиция.

Одна крестьянская масса,—кончает Игнатьев,—безропотно несла тяжелые, принятые на себя обязательства, страдала и умирала... а вожди и руководители... Таковы были итоги Северного Демократического Правительства (Брошюра Игнатьева, стр. 47).

2. Крах Самарского Комитета Учредительного Собрания.

Политическая позиция вновь образовавшейся Самарской власти наглядно выражена в прокламации Областного Комитета партии с.-р. от 12-го июня:

«В Самаре уничтожена власть большевиков и все управление перешло в руки членов Учредительного Собрания... Власть, изменившая родине и революции, продавшая страну на позор и разграбление немцев, должна погибнуть...

Власть, разрушившая фронт, отдавшая на милость победителей богатейшую часть России—Кавказ, Украйну и Дон, не может оставаться на месте... Эта власть предателей и изменников должна быть уничтожена... Мы призываем всех, кто хочет возрождения России... поддержать Сибирь, Уральск, Самару. Готовьтесь, организуйтесь, сплачивайтесь для борьбы, для победы». (Приложение т. 2, л. д. 251).

Самарский Комитет Учредительного Собрания взял на себя, таким образом, инициативу и обязательство спасти Россию. О способах этого спасения и его результатах имеются авторитетные свидетельства членов Учредительного Собрания и деятеля того времени, участника Уфимского Государственного Совещания—Утгофа, секретаря С'езда членов Учред. Собрания—Святицкого, члена Учредит. Собрания—Аргунова, члена директории—Авксентьева, министра директории—Майского, председателя Самарского К-та Вольского и друг.

Совокупность этих показаний сводится к следующему: Утгоф, отказавшийся от показаний на предварительном следствии, дал их, однако, совершенно добровольно и по собственной инициативе в печатном виде в книжке журнала «Былое» № 16 за 1921 год в статье «Уфимское Государственное Совещание». «Из воспоминаний участника». По этим показаниям он устанавливает следующие факты:

«К концу августа положение на фронтах (контр-революционных) было устойчиво, кроме фронта Самарского правительства. Этот фронт явно разлагался. Негодность «народной армии» была очевидна для всякого... 8.000—10.000 бойцов изнемогали, сдерживая напор Красной армии. Самарское правительство искало помощи со всех сторон. Искало ее у союзников—получало обещание без указаний размеров, дат и видов этой помощи. Обращалось к сибирякам—получало таможенную войну и заверения, что Сибирь еще не очищена от большевиков. Обращалось к чехам—они фактически были заняты борьбой в Сибири и преимущественно в ее восточной половине. Внутреннее положение было не менее трудно и запутано. Одной из важных сил в борьбе против большевиков было офицерство. Офицерство (кадровое) реакционно настроенное, политически совершенно неразвитое, влюбленное в погоны, ордена, чины и прочие балаболки, неизменно тянуло в Сибирь, или просто уклонялось от службы. Второй вопрос был финансовый. Все остальные правительства выпустили свои знаки. Этот вопрос подлежал урегулированию в обще-российском масштабе. Также невозможно было путем сепаратных соглашений добиться регулярной работы железных дорог, почт и телеграфа и обеспечить снабжение армии из союзных стран. Все это диктовало политику образования Всероссийского Об'единенного Правительства» («Былое», № 16, стр. 16—18).

В то время по подсчету Утгофа на территории, не оккупированной германцами, России насчитывалось 19 правительств, в том числе такие, как «отряд атамана Семенова», «Владивостокская Городская Дума» и т. д. На оккупированной территории было 6 правительств, отделившихся было 5 правительств. Но уже в этот момент и для Самарского правительства, и для Сибирского фактором, с которым приходилось поневоле считаться, были чехи, расположенные на всем протяжении Сибирского железно-дорожного пути. При помощи чехов же был произведен антисоветский переворот. Сибирское Омское правительство могло опираться на армию лишь в меру согласия штаба, т.-е. генералов: Алмазова-Гришина, Иванова-Ринова, Белова и др. реакционеров-монархистов. Сами же эс-эры Сибирского правительства также раскололись, и их правая группа: Михайлова, Старынкевича и Вологодского оттеснила левую, при чем, для проведения своего большинства, они не остановились перед арестом и убийством при помощи офицерской шайки своих противников. Новоселова, заставив силой уйти остальных—Патушинского и Шатилова. Вологодским же была ликвидирована, как это было указано выше, дальневосточная группа Дербера и Юдина и на-лицо остались: Михайлов, Вологодский, Гришин-Алмазов и Административный Совет из «беспартийных», сторонников диктатуры. Таков был первый союзник Самарского правительства. Национальный Совет чехов, по утверждению Утгофа, вел крайне изменчивую политику; последняя определялась социалистическим настроением солдат, реакционными влияниями русских генералов и давлением союзников. Иностранные представители играли также жалкую, двусмысленную роль.

Первые совещания правительств были в Челябинске 20—25 августа. Местом Государственного Совещания была определена Уфа, к 1-му сентября, открылось оно фактически 8 сентября.

На Уфимском Совещании были от Самарского правительства: Вольский, Буревой, Веденяпин, Гендельман, Розенблюм; Ракитников, Святицкий, Чайкин, Утгоф, Раков, Федорович.

Оренбургское правительство было представлено: Дутовым, партия меньшевиков—Майским, Союз Возрождения России—генералом Болдыревым.

Кроме того, присутствовали: Авксентьев, Зензинов, Аргунов, Брешковская.

Наиболее характерным было выступление кадета Кроля, возглавлявшее течение почти половины совещания. «Комитет партии Народной Свободы считает,—говорил Кроль,—что наилучшей формой осуществления власти было бы создание

временной единоличной верховной власти». На той же точке зрения стояло Сибирское правительство. Соглашение было достигнуто 25 сентября. Неудача Омского переворота, задуманного в это время Вологодским и Михайловым, заставила их пойти на уступки. Формой власти была избрана Директория из пяти лиц с тем, что 1 января должно было быть созвано Учредительное Собрание при кворуме в 250 членов или 1 февраля при кворуме в 170 членов. При выборах членов Директории произошла не менее знаменательная борьба, рисующая истинное отношение «друзей поневоле» друг к другу и их истинные намерения. Целый ряд кандидатов был отвергнут согласительной комиссией. С.-Р. выставляли: Тимофеева, Вольского, Донского—их отвели правые, как лиц малоизвестных. Правые выставляли — Хорвата—его отвели эс-эры, как реакционера. Кадеты выставляли Алексеева, так как было известно, что он тяжело... болен и полная развалина. В конце концов в Директорию вошли: Астров от кадет, Болдырев от Союза Возрождения, Вологодский от Сибирского правительства, Авксентьев от с.-р. и Чайковский от н.-с. В качестве их заместителей Астрова—Виноградов, Болдырева—Алексеев, Вологодского—Сапожников, Авксентьева—Аргунов и Чайковского—Зензинов. Фактически же Директория сложилась из Авксентьева, Зензинова, Болдырева, Виноградова и Вологодского, т.-е. всех эс-эров или тяготеющих к эс-эрам, кроме Виноградова. Программа деятельности до созыва Учредит. Собрания была: возобновление войны с германцами, борьба с Советской властью и восстановление договоров с союзными державами. Временное Правительство было об'явлено подотчетным с'езду членов Учредительного Собрания. По словам Утгофа, политическая атмосфера: Уфы, Самары, Омска, Дальнего Востока была в это время густо насыщена заговорами, борьбой честолюбий, анархическим разгулом авантюристов. Политическое убийство не было редкостью. Военные монархические группы создавали тайные конспиративные «десятки». Большевики конспирировали среди рабочих и крестьян. Мобилизованные войска поражали массовым дезертирством. В этих условиях — «мексиканских», как их называли в Омске — только беспощадная расправа с противниками могла гарантировать правительству беспрепятственное исполнение возложенных на него задач. После убийства Новоселова, организованного министром Вологодским, стало ясно: что члены Сибирского правительства, запятнавшие себя этим убийством, должны быть арестованы, и монархические отряды Красильникова и Анненкова будут распущены или Всероссийская власть осуждена на гибель. Но Зензинов и Авксентьев хуже всего боялись порвать налаженное с таким трудом соглашение с буржуазией. Этим участь Директории,—говорит Утгоф,—была решена» («Былое», № 16, стр. 41).

Этот же вопрос расколол пополам и фракцию эс-эров еще во время Уфимского совещания. Всего во фракции было 50 человек, и она разделялась почти поровну. На крайней левой стоял Коган-Бернштейн и Чайкин, демонстративно неподписавший торжественного обещания на с'езде и покинувший заседание. Значительная группа, возглавляемая Вольским, стояла на той же точке зрения, что и Чайкин, но шла на компромисс. Сюда входили: Веденяпин, Буревой, Раков, Иванов и все депутаты рабочие. Руководящую роль в остальной группе, имевшей большинство во фракции, играли Авксентьев, Зензинов и Гендельман, и все они ответственны за все плачевные результаты. «Соглашательство, как единственный метод политического действия, договоры и торжественные обещания, как единственная гарантия соблюдения обязательств,—таково было оружие, с которым эти природные парламентарии ринулись в самую гущу азиатско-мексиканского политического быта,—говорит Утгоф. Авксентьев и Роговский охаживали матерых казаков и ренегатов из Сибирского правительства, ужинали с ними, рассыпались перед ним в любезности, стремясь приручить к себе, а тем нужно было только одно—вера в военную силу. Для характеристики отношений, которые уже создались в то время по отношению к Директории, Утгоф указывает инцидент с генералом

Галкиным, военным министром Самарского Правительства, подпольным работником против Советской власти, вызванным на заседание, чтобы информировать Комитет о положении дела на фронте. Галкин заявил: «что касается помощи, которую члены Учредительного Собрания могут оказать фронту, то она может выразиться лишь в том, что они прекратят болтовню и будут способствовать к скорейшему образованию единой власти». Это отношение военщины к власти уже предуказывал ее будущую судьбу, ибо в руках Галкина были военные силы Комитета Учредительного Собрания. Оригинальной особенностью правой группы—Розенблюма, Аргунова, Егора Лазарева и Лебедева—было стремление к соглашению с буржуазией во что бы то ни стало, т. к. без буржуазии им нельзя обойтись в производстве, торговли и государственного управления. Историческая необходимость диктует переход власти в руки буржуазии, и сопротивляться этому бесполезно, а с.-р. в правительстве все равно будут делать буржуазное дело,—говорили они».

Другой с.-р. Аргунов в своей брошюре «Между двумя большевизмами», передавая те же факты, приводит ряд свидетельств о деятельности тех самых лиц, с которыми ему пришлось заключить соглашение. В Сибири,—говорит он,—невидимыми, но многочисленными нитями государственные деятели Сибирского Правительства были связаны с военно-гражданскими элементами реакционных кругов (стр. 23), политика же сибиряков характеризовалась следующим:

Отобрание у крестьян земель, занятых ими во время революции у помещиков и передачи их в руки владельцев. Другое мероприятие взбудоражило всех рабочих, даже тех, которые не были настроены большевистски, оно воспрещало рабочим не только организации, носящие название «советов» (что было вполне рационально, по мнению Аргунова), но и вообще рабочие организации. «Представители военной власти и остальное реакционно-настроенное офицерство начали со своей стороны соответственно законодательствовать: смертные казни, военно-полевые суды, репрессии против печати и собраний, все это государственное творчество быстро расцвело на сибирской почве»... «Военное положение усугублялось атамановщиной, отдельные отряды продолжали свое самостоятельное существование и бюджет их составляли контрибуции и конфискации, налагаемые на население. От всех этих набегов, грабежей, разбоя и расстрелов, от всех бесчинств, делаемых отрядами, население страдало не меньше, чем от первого большевистского террора». Аргунов описывает далее попытку переворота Вологодского 20 сентября. «9-го сентября в Омск приехали министры Крутовский, Шатилов и Новоселов (с.-р.). В ночь на 20-е сентября они были арестованы офицерами и отвезены на частную квартиру, по распоряжению н-ка гарнизона полковника Волкова. Им было предложено под угрозой смерти подписать отказ от звания министров, затем они были высланы в 24 часа из Омска. Новоселов был задержан офицерами и на глазах у публики, в 11 часов дня они его спустили в Городской роще в ров и добили револьверными пулями. Административный Совет министров под председательством Михайлова выразил возмущение по поводу насилия, но не сделал никакой попытки к их освобождению, наоборот, составил акт о роспуске Областной думы. Дума же подчинилась и обратилась за помощью к чехо-словакам. Тогда последние хотели арестовать министра Михайлова, но он успел скрыться. Крутовский и Шатилов были освобождены от всех ограничений и восстановлены в правах, каковыми, однако, не пожелали больше воспользоваться. Права думы были об'явлены восстановленными, но открытие ее было отложено (24—29 стр.).

Эти картины, рисуемые сторонниками коалиции во что бы то ни стало, достаточно характерны для обрисовки порядков, которые насаждали с.-р. в Сибири под предлогом народовластия и борьбы с большевиками, в союзе с черносотенцами, белогвардейцами и иностранцами. Попытка переворота была 20 сентября. С этих пор директория просуществовала только два месяца. Атмосфера кругом была сгущенная. Убийства дополнялись усиленной монархической пропагандой, на улице и в кабаках офи-

церы пели «Боже, царя храни», а на утро находили трупы убитых офицеров. В ответ на это начинались новые убийства. Борис Николаевич Моисеенко, один из старых работников П. С.-Р. внезапно исчез, посаженный офицерами на автомобиль на одной из главных улиц. Труп его розыскан не был. Те же руки зверски расправились с с.-р. Нилом Фоминым и меньшевиками Маевским и Кириенко. Трупы убитых были найдены изуродованными на берегу Иртыша. Правительство было поставлено в затруднение, но эти факты,—говорит Аргунов,—нисколько не влияли на решимость продолжать свою линию поведения. Аргунов оправдывает эту линию, усматривая в ней особое достоинство и последовательность. Последние заключались в том же трусливом предательстве своих же соратников. Так, когда Ц. К. дал инструкцию партийным организациям, в которой резко критиковал деятельность директории, уклоняющейся, по его мнению, вправо, Всероссийское Правительство постановило произвести расследование дела об авторе этой инструкции, а генералу Болдыреву было поручено беспощадно подавить всякую попытку к созданию партийной военной организации. Одновременно Всероссийское Правительство,—пишет Аргунов,—«боролось» и направо, назначив расследование дела о скандале с пением «Боже, царя храни».

По вышеприведенному мнению Утгофа, толчком падения Директории к перевороту Колчака было всеми признанная слабость Директории. По мнению Аргунова, толчком послужило опасение перед все крепнувшим авторитетом Директории (Брош. Аргунова, стр. 36). Так или иначе, но переворот произошел 18 ноября 1918 г. Этот переворот следующим образом описан непосредственной жертвой этого переворота, секретарем С'езда членов Учредительного Собрания в его письме к своим соратникам по юго-восточному комитету, членам Всероссийского Учр. Собрания. Уфимское соглашение,—пишет он,—ни в партийной среде, ни среди членов Учр. Собрания, не получило всеобщего признания. Ко дню подписания акта о соглашении в Самару приехал Чернов. Он, Ракитников и Раков заклинали напрасно Уфимских ЦК-ов, Зензинова и Чайковского, не давать санкцию совещанию, не губить партии и не сдавать позиции во власть реакции. «Но, напуганные сдачей Казани и предстоящей сдачей Самары, фракция с.-р. была готова итти на все. Тогда же было решено Авксентьевым переместить Директорию в Омск с тем, чтобы заслонить Сибирское Правительство перед глазами союзников, к которому союзники предпочитали обращаться. Другим мотивом было желание расправиться в Омске, на месте с Сибирской реакцией и реакционными тенденциями Сибирского Правительства. «Директория была встречена в Омске намеренно демонстративно недружелюбно». Составилась организация для борьбы с членами Учр. Собрания и первым их актом было внезапное исчезновение Моисеенко. Образовалась группа для убийства Чернова, Вольского, Брушвита. С этой шайкой можно было бы справиться при помощи чехов, но Авксентьев и в особенности Зензинов отвергли помощь чехов, как «иностранную», и решили действовать, выжидая, занявшись обволакиванием (термин Авксентьева) Сибирского Правительства. Наоборот, правые вели сильный напор и заставили Директорию пойти на уступки. Остались не только Михайлов, которого Авксентьев хотел расстрелять, но военным министром стал Колчак.

В Омске директория сама разбилась на две враждебных части—Виноградов, Болдырев, Вологодский, с одной стороны, Авксентьев и Зензинов—с другой. Наконец правые решили действовать. Совет министров постановил в то время перед директорией вопрос 16 ноября о немедленном упразднении с'езда членов Учр. Собрания и в ночь на 18 ноября, когда собралось в квартире Роговского—Авксентьев, Зензинов, Раков, Дедусенко, Лихачи Маслов, приехавшие недавно из Архангельска, все были арестованы в 1 часу ночи солдатами из отряда Красильникова. Собравшийся на следующий день Совет министров назначил следствие и суд над виновниками ареста, но одновременно решил тут же, в виду рас-

нада директории, всю полноту власти возложить на министра Колчака, которому присвоить титул Верховного правителя. Авксентьев, Аргунов и Зензинов были увезены на Дальний Восток. Роговский успел скрыться. Официальный суд, назначенный Колчаком, оправдал виновников переворота. По об'яснению Колчака, Ц. К. П. С.-Р. обвинялся в попытке организовать переворот, а верные долгу офицеры его предупредили. После трагедии началась затем комедия. Новое правительство Колчака выдало старому правительству Авксентьева «на бедность», на дорогу и отправило его на границу.

Эта смешная картина, нарисованная непосредственно очевидцем, может быть дополнена показаниями о том, чем пришлось заплатить трудовому населению Сибири и Востока за доверие к членам Учр. Собр. В показаниях Майского имеются картины самых жесточайших расправ, которые производились в то время войсками Самарского правительства и директорией с восставшим населением, в особенности разгромы и расправы с иващенковскими рабочими, производившимися с.-р. военным министром Самарского правительства Лебедевым. Об этом одинаково показывают все участники Самарской эпопеи.

Так, Майский в своем показании говорит: «уже перед самым оставлением Самары, Комитет Учредительного Собрания выступил в роли жестокого усмирителя рабочего восстания. В расположенном неподалеку от Самары фабричном центре Иващенково, рабочие в чаянии близкой помощи от подходившей Красной армии изгнали представителей комитетской власти и об'явили Советскую власть. Военное командование распорядилось о посылке в Иващенково карательного отряда. Так как Красная армия во-время не успела подойти, то войска К-та Учредительного Собрания произвели жестокую расправу с восставшими рабочими... от ряда достоверных свидетелей я слышал, что в Иващенкове было убито несколько сот человек». (Т. I. л. д. 449).

По показанию Святицкого восстание рабочих на Иващенковском заводе в последние дни эвакуации Самары Комитетом Учр. Собрания народной армией превращено было в кровавую бойню (Т. I, л. д. 244).

О жестокой расправе с иващенковскими рабочими говорит также в своем показании Вольский (Т. I, л. д. 251).

Одновременно с директорией был окончательно ликвидирован Колчаком последний намек на «народоправство» в Сибири.

В отличие от истории в Архангельске опыт народовластия на востоке разнится лишь тем, что форма переворота на Востоке была более крутая. чем в Архангельске, сущность же была одна и та же. Последним характерным документом, относящимся к тому же моменту, является письмо Авксентьева, главного, по словам Утгофа, ответственного виновника за господство реакции в Сибири. В этом письме, классическом образце политического предательства, Авксентьев пишет в оправдание своего поведения: «Директория выросла на компромиссе и ее святой обязанностью было блюсти среднюю линию, но почти с самого рождения Директории началась ее трагедия, ибо компромисс, легший в основу программы ее деятельности, остался для Директории морально обязательным, а реальная обстановка совершенно изменилась. Еще не окрепший орган с первого момента должен был противостоять борьбе и интересам справа, не будучи в состоянии противопоставить своего кулака. Нужна была громадная, терпеливая и упорная борьба за среднюю линию во имя политического разума, во имя России; необходимы были и осторожность, и политическая мудрость.

На деле эта политическая мудрость и осторожность Авксентьева и Зензинова заключалась только в систематической и постоянной уступчивости реакции, систематической трусливой сдаче позиций, и фактическом способствовании тем самым руками эс-эров подготовке и водворению диктатуры Колчака. Лучше всего этот факт характеризуют сами члены и участники Самарского правительства и его инициаторы Буревой, Вольский и др. В своем известном «обращении к партии», выпу-

щенном ими впоследствии по поводу решений IX Совета партии в 1919 г. (см. ниже), они писали:

«Не случайностью было то, что власть членов Учредительного Собрания была номинальной, а реальная власть была в руках чехов и затем русского командования. Не случайность, что революционная демократия, с партией с.-р. во главе, оказалась не в состоянии воспрепятствовать гибельной эволюции Красной Самары в сторону господства разнузданной военщины. Не случайность, что сначала только деловое соглашение с буржуазными организациями скоро в Уфе превратилось в формальное соглашение, а еще позже в диктатуру Колчака...»

Желая «обволакивать» при помощи своей «тактики» сибирскую военщину, эс-эры кончили тем, что были сами «выволочены» Колчаком.

Не менее интересны и другие признания Авксентьева: «Мы стояли,—пишет он,—за вооруженную борьбу с немцами и большевиками, мы пользовались при этом чехо-словаками, допустив их во внутренние дела, ибо, конечно, решение о невмешательстве на VIII Совете с последующим пользованием чехо-словаками, чтобы гнуть большевиков, было, может быть, политически полезным, но все же сплошным лицемерием».

Заведомо лицемерное заявление о неприемлемости иностранной помощи для свержения Советской власти, заведомое обращение за этой помощью к иностранцам и позорная уступчивость перед реакцией — таковы черты политики эс-эров на востоке, засвидетельствованные ими же самими.

Кончает Авксентьев в лирических тонах.

«За границей, — говорит он, — ни в Америке, ни в Европе, мы демократии не нашли... Мы здесь нашли или большевистскую демократию, для которой большевики товарищи и русская революция есть большевизм, или антибольшевиков, но и антисоциалистов, т.-е. демократическую буржуазию. Для первых мы были реакционерами, ибо доказывали, что большевики разрушили демократию и социализм, для вторых мы были полубольшевиками, ибо не лежали на животе перед Колчаком... и до России, до ее криков и стонов никому нет дела... Тяжко теперь жить за границей», кончает Авксентьев. (Приложение, т. I, 26).

Это письмо лучше всего устанавливает устами самого деятеля Самаро-Уфимской директории основные причины, определившие результаты директории. Позиция союзников, направленная на использование эс-эров и лицемерие резолюции VIII Совета партии, гордо постановившего о том, что для них борьба с Советской властью с помощью иностранных сил неприемлема в то время, как с самого начала и до конца с.-р. опирались на эти иностранные силы.

3. Развитие событий на юге.

История южной контр-революции за истекший период была иная, как она была иная и с самого начала, и не дала таких ярких примеров, как история развития реакции в Сибири и на Севере. Однако раскол, который имел место в Самаре и в Уфе, в вопросе об отношении к белогвардейским и откровенно буржуазным организациям не миновал, как было уже установлено выше, и юго-восточного комитета членов Учредительного Собрания. Развитие событий на юге равным образом доказало, что результатом этой работы было и могло быть только усиление реакции, переходным моментом которой и связующим звеном явилась контр-революционная работа организации П. С.-Р.

В результате тяжелых уроков, которые были даны эс-эрами на севере Миллером и Нулансом, на юге—Деникиным и в Сибири—Колчаком, наступило политическое отрезвление. Последнее нашло свое выражение в резолюции партийной конференции, собранной эс-эрами 8 февраля 1919 года в Петрограде. Эта конференция, об'единившая представителей организации эс-эров на территории Советской России, прежде всего устанавливает, что «лишь воссоздание собственной силы рус-

ского народа и свобода его от иностранного господства обеспечит в стране нормальное развитие и предохранит ее от полного порабощения иностранным капиталом. Поэтому попытки империалистических стран согласия под предлогом помощи России или борьбы с анархией захватить своими войсками часть территории России или вмешаться в ее внутренние дела являются гибелью для интересов трудящихся классов России и должны встретить их решительный отпор. Прекращение интервенции держав «согласия» и немедленное очищение занятых территорий от войск является единодушным требованием всей русской демократии». (Приложение, т. I, л. д. 28, 29).

Эта резолюция, резко противоположная по своему духу всей деятельности партии с.-р. и всему опыту ее политической деятельности за истекший период, явилась первым результатом произведенных экспериментов. Следующий абзац резолюции является результатом опыта в иной области. «Все более об'единяющиеся,—гласит резолюция, — буржуазно-помещичьи организации, питаясь методом большевистской власти и опираясь на поддержку союзного империализма, стремятся восстановить в России дореволюционные порядки вплоть до монархической реставрации и непрерывная борьба с ними трудящихся классов диктуется их жизненными интересами».

Это уже результат опыта сотрудничества с буржуазией и колчаковского переворота. «В областях, — продолжает резолюция, — где под защитой германского империализма и при поддержке и помощи бывших союзников образовалась реакционная власть — конференция призывает партийные организации направить все свои силы к свержению реакционных правительств и воссоединению их областей с Россией». Этот абзац не может быть ни в коей мере постановлен на ряду с приведенным выше обращением областного к-та П. С.-Р. в момент провозглашения Самарского Правительства. Жизнь заставила теперь эс-эров поставить на одну доску, как совершенно равноценные, и империализм Германии и империализм союзников и сознать свои ошибки». «Осуществить стоящие перед трудящимся классом России задачи,—продолжает конференция,—и борьбу против притязаний держав «Согласия» и против внутренней реакции можно только единой сплоченной демократией, нераз'едаемой внутренними распрями, не распыленной, не дезорганизованной, опирающейся на незамедленно воссозданный социалистический Интернационал». Указывая далее на то, что попытка к созданию этого единого фронта тормозится политикой Советской власти, конференция продолжает: «вместе с тем конференция решительно отвергает попытку свержения Советской власти путем вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущей силой контр-революции служит только на пользу последней и ею пользуется реакционные группы в целях реставрации».

Это уже был полный категорический разрыв со всей политикой и программой VIII Совета партии. Разрыв пошел, однако, еще глубже. «Как в борьбе за единство России, так и в воссоздании Всероссийской власти конференция, — говорится дальше, — отвергает самым решительным образом всякое блокирование и коалицию с буржуазными партиями, выявившими свою реакционную сущность и мечтающими об единоличной диктатуре и восстановлении неограниченной власти».

Это было, по крайней мере, на словах—разрыв и ликвидация блоков с Союзом Возрождения и всеми остальными опытами блокирования с буржуазией за истекший период.

В следующем втором абзаце конференция снова возвращается к старому лозунгу Учредительного Собрания, однако методы борьбы у нее устанавливаются иные: «преодоление апатии и распыления трудящихся масс в городе, об'единение их в крупные классовые организации в целях использования всяких возможностей для борьбы». Эту организацию конференция рекомендует явочным порядком осуществить в открытой форме политической борьбы, принимая живейшее участие в предвыборной кампании за создание условий, которые обеспечивали бы представи-

тельство рабочего класса в Советах, при чем «конференция не считает возможным выставлять кандидатов партии на выборах в Совет, пока голоса всех рабочих партий не имеют легального существования».

Эта резолюция была принята партией 8 февраля. Одновременно и совершенно независимо произошло 19 февраля соглашение между членами Самарского Комитета Учредительного Собрания, его председателем Вольским и членами Святицким, Ракитниковым, Буревым и представителем Советского правительства Каменевым и Крестинским об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью на всем протяжении Волжского фронта со стороны войск, подчиняющихся еще Самарскому правительству, и об официальной амнистии со стороны Правительства тем из них, которые немедленно прекратят вооруженную фронтовую борьбу.

27 февраля 1919 г. в ответ на постановление конференции 8 февраля и решение Комитета членов Учредительного Собрания Всероссийский Центральный Исполнительный комитет постановил: «отменить свое постановление от 14 июня 1918 года по отношению ко всем группам партии эс-эров, считающим для себя обязательным указанное постановление конференции П. С.-Р. и Комитета членов Учредительного Собрания, предоставив им право на-ряду с другими партиями принимать участие в Советской работе и предложить административным и судебным органам в Советской республике освободить из заключения тех членов П. С.-Р., которые разделяют точку зрения, изложенную в вышеуказанных резолюциях и раз'яснениях». Одновременно постановление В. Ц. И. К. гласило: «продолжая по-прежнему беспощадную борьбу со всеми группами, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю и внутреннюю контр-революцию, В. Ц. И. К. считает своим долгом предоставить партиям мелко-буржуазной демократии возможность на деле в открытой борьбе показать свою готовность поддержать пролетариат и крестьянство в борьбе с внешней и внутренней буржуазной контр-революцией».

На основании этого постановления Верховным Трибуналом было прекращено производство против привлеченных к ответственности членов П. С.-Р., уличенных в контр-революционной работе по организации прорыва фронта в районе Саратова и Саратовской губернии, как равно и производство в отношении многих из привлеченных по настоящему делу лиц. Перед партией снова открылась возможность легальной работы и совместной борьбы против контр-революции, уже дважды стоявшей перед ней в момент октябрьского переворота и в момент третьего Всероссийского С'езда и Учредительного Собрания. От нее в третий раз ждали дела.

VI. 9-й Совет партии и новый раскол.

Постановление партийной конференции 8 февраля явилось результатом печального опыта 1918 года. Практические итоги его были: 1) признание недопустимости вооруженной борьбы с Советской властью, являющейся прямой помощью реакции, 2) принципиальный отказ от коалиции в отношении борьбы против Советской власти с буржуазными не-социалистическими группами и 3) отказ от помощи союзников и всяких попыток организовать интервенцию. Эти три практических вывода должны были определить собой дальнейшее положение партии с.-р. в стране и эту возможность легальной деятельности открыл перед партией Всероссийский Ц. К. своим актом об амнистии.

Насколько эти решения конференции соответствовали действительным намерениям партии и ее практической деятельности, устанавливается фактами. Прежде всего должно быть отмечено, что в резолюциях той же конференции имеется пункт, согласно которому было принято постановление об организации при каждом партийном Комитете военной Комиссии для работы среди военных частей: эти комиссии ставили своей задачей пропаганду отказа красноармейцев от участия в карательных, как говорит резолюция, экспедициях. Военная Комиссия при Моск.

Бюро Ц. К. должна была разработать техническую сторону военной работы, подготовлять работников и через Бюро Ц. К. рассылать их на места. Ввиду конспиративности этой работы, слияние ее с другими действиями комитета признано недопустимым. (Приложение, т. I, стр. 33—36).

В имеющемся в деле протоколе петроградской партийной конференции от 16 февраля, где был заслушан доклад о Московской конференции, видно, что занятая конференцией примирительная позиция встретила чрезвычайно резкую критику. На петроградской конференции раздавались голоса, требовавшие в ответ на действия Святицкого и Вольского, подписавших соглашение с Советским правительством о прекращении вооруженной борьбы, назначения над ними строжайшего суда с указанием, что их действия продиктованы простым желанием составить себе карьеру. Член конференции Дзерульль требовал немедленного исключения из партии подписавших Уфимское соглашение. Фактически это означало, что решение партийной конференции в результате тяжелого опыта Востока, Севера и Юга отнюдь не было усвоено большинством партии, но встречало жестокую оппозицию. По тому же протоколу видно, что крупные организации Москвы, Петрограда, Сормова и Нижнего категорически против соглашения. (Приложение, т. I, стр. 34 об.).

В 1 номере листка «Дело Народа» издание Ц. К. от 19 июня говорится о назначении самого строгого расследования по поводу обязательств, взятых на себя Вольским, Святицким, Ракитниковым, Буревым и Шмелевым перед Советской властью. При таком положении вещей вопрос о реальности решения конференции и реальности самого соглашения получил чрезвычайно серьезное значение и поневоле должен был возбуждать целый ряд сомнений Ц. К. П. С.-Р., ввиду такой разнокалиберности мнений, считал необходимым принять меры к урегулированию положения, для чего собравшийся 5 апреля 1919 г. Пленум Ц. К. выпустил для руководства и сведения местных организаций ряд постановлений по вопросу о внешней политике партии по отношению к власти и по отношению к буржуазной контр-революции. Это воззвание, датированное 5 апреля 1919 г., расшифровывает резолюцию февральской конференции в совершенно определенную сторону. В этих тезисах по вопросу об отношении к власти Ц. К. устанавливает прежде всего, что «большевизм поставил сам себя вне рядов социализма и что, в конце-концов, его политика ведет к такому закабалению крестьян и крестьянского труда, которое искусственно бросает деревню в об'ятия черной реакции, если только то руководство борьбой трудового крестьянства за свои права не возьмет на себя трудовая демократия». «Трудовая демократия, в частности партия с.-р.,—говорит по этому поводу Ц. К.,—перед лицом грозной опасности справа может приостановить борьбу с оружием в руках против большевиков. На то время, когда она не имеет достаточных сил для борьбы на двух фронтах, трудовая демократия во имя принципа собирания сил может удерживать массы от разрозненных вспышек, бунтов и забастовок, но она никогда не может забыть, что лучшим работником на контр-революцию является сама большевистская система» и, что в момент этого конца (большевиков) «место партии эс-эров, как всегда, не в стороне, а во главе обретающего свое право народа». (Приложение, т. I, стр. 37—44).

В своем письме в Президиум В. Ц. И. К. от 11 мая 1922 г. ответственные члены партии эс-эр, в том числе член Ц. К. партии, Михаил Цейтлин писали: «Мы заявляем также, что эта тактическая линия на протяжении всего четырехлетия неизменно определялась задачей решительного преодоления большевистской диктатуры, как это было засвидетельствовано резолюциями VIII, IX и X Советов партии. И если IX Совет временно приостановил военные действия против партии большевиков, то этот временный отказ носит чисто тактический характер и отнюдь не означает принципиального осуждения вооруженной борьбы партии эс-эров в прошлом или невозможности ее возобновления в будущем». (Т. 3, стр. 430).

Такая постановка вопроса фактически сводила на-нет заявление конференции об отказе от вооруженной борьбы. В заключительном абзаце, Ц. К., во имя чрезвычайных полномочий в данный ему VIII Советом партии, требует от своих членов абсолютного подчинения, указывая, что в такой критический момент попытка действовать не в духе указываемых директив является «несовместимой с пребыванием в партийных рядах».

При таких условиях и настроениях как Ц. К., так и местных организаций был собран 18—19 и 20 июня 19 года IX Совет партии. На совете были представлены две резолюции Вольского и Ц. К. Резолюция Ц. К. была принята всеми при одном воздержавшемся, проект Вольского был отклонен всеми против одного при одном воздержавшемся. После этого члены Ц. К. Буревой и Ракитников вышли из состава Ц. К., Совет доизбрал новых четырех членов.

Позиция IX Совета была уже иная, чем позиция февральской конференции, и она гласила «в тупике гражданской войны, в который заведена Россия, две основных силы борются друг с другом, взаимно друг друга питая — большевизм и реставрация... из этого заколдованного круга Россию может вывести только третья сила, сила, чуждая и большевизму, и реставрации. Сила такая... может быть только трудовая демократия России, сознавшая себя именно как трудовая демократия» (Приложение. «IX Совет», стр. 10).

Возрождение последней (3-й силы) неизбежно... Поэтому IX Совет партии считает временно категорически недопустимым какое-либо смягчение непримиримой позиции партии по отношению к буржуазной реставрационной партии и по отношению к большевистской диктатуре... Задача партии с.-р.—слиться с трудовыми массами и об'единить под своим руководством назревающее сопротивление в народных массах... Выдвигаемая в настоящее время политическая ситуация отказа партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой... должна истолковаться лишь как тактическое решение, продиктованное положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил».

В раз'яснение этой резолюции Ц. К. выпустил особое обращение, в котором говорил: «в областях, захваченных реставрацией, сейчас применимы формы борьбы эпохи самодержавия. В коммунистическом царстве партия сейчас не может выступить вооруженной как из-за отсутствия сил, так и вследствие натиска на большевизм реакции» (IX Совет партии, стр. 29).

Таким образом, в отличие от категорического характера резолюции февральской конференции IX Совет партии, несмотря на весь опыт Востока и Сибири, пошел на отказ от вооруженной борьбы только условно из-за неимения сил и натиска реакции. С этой позицией политического двурушничества не согласилась группа Вольского. В результате IX Совета партии Буревой, Вольский, Дашевский, Ракитников, Либерман, Святицкий, Смирнов и Чернецков выпустили обращение, в котором подвергли жесточайшей критике тактику Совета партии. «Вооруженная борьба приостановлена,—говорят авторы обращения,—и временные вспышки, восстания и забастовки осуждаются, но предусматривается момент общенародного движения, свергающий обе диктатуры и восстанавливающий демократию во всей ее чистоте. В мае прошлого года было понятно такое решение партии... В то время можно было обольщаться надеждой, что трудовой демократии вполне достаточно, чтобы свергнуть это новое иго. Но теперь-то мы видели, к чему привел этот пункт, к чему он не мог не привести. Не случайностью было то, что власть членов Учредительного Собрания была номинальной, а реальная власть была в руках чехов и затем русского командного состава... Не случайность, что революционная демократия с партией с.-р. во главе оказалась не в состоянии воспрепятствовать гибельной эволюции Красной Самары в сторону господства разнузданной военщины. Не случайность, что сначала только деловое соглашение с буржуазными организациями скоро в Уфе превратились в формальное соглашение, а

еще позже в диктатуру Колчака... Сулить в близком будущем какое-то новое организационное движение, которое сметет в одно время и большевиков и реакцию,— значит опять взять курс на Самару в условиях, неизмеримо менее благоприятных чем в первый раз» (Приложение, т. 2, стр. 54).

Кончается обращение призывом ко всем членам партии, находящимся в рядах Красной армии и ко всем, находящимся в рядах белых войск Деникина, «ничего не прося и ничего не требуя за это у большевиков, с оружием в руках бороться против реакции».

Эти слова были прикреплены обращением в Совет Обороны с представлением в распоряжение последнего партийных лиц группы Вольского для мобилизации на фронт. Последнее вызвало немедленно самую резкую реакцию со стороны Ц. К. В особом обращении от 25 октября (Приложение, т. 2, л. д. 82), то-есть в самый критический момент Советской власти, когда белогвардейские войска стояли у Тулы, Ц. К. постановил: «Ввиду того, что группа (Народ) своим постановлением о мобилизации нарушила не только общепартийные тактические решения, но и элементарные основы партийной дисциплины и организации — группу (Народ) распустить. Постановление группы считать необязательным для членов партии. Буревого, Вольского, Либермана, Сибирякова, Дашевского... в последний раз предупредить о недопустимости их поведения».

30 октября после последней попытки примирения группа Вольского вышла из состава партии. В деле имеется еще одно такое же постановление о роспуске уфимской организации за призыв к поддержке Советской власти в борьбе с реакцией. В тот же самый момент южное бюро Ц. К. за подписями Лункевича, Гоца, Евгении Ратнер и Тимофеева свое отношение к событиям определило следующим образом: «партия с.-р. должна остаться полностью на старых позициях, не отказываясь ни на момент от вооруженного выступления против противников народовластия... Партия, конечно, не может эту борьбу провести без масс... Если движения последних против большевизма в данный момент не может быть возобновлено, то обязанностью нашей партией является дальнейшая подготовка массы и об'единение элементов демократизма, там, где они еще сохранились» (Приложение, т. 2, л. д. 184—186).

Что же такое на самом деле представляла из себя политика Ц. К., как таковая, в этот тягчайший для Советской Республики момент, обнаруживается следующими документами и показаниями. В письме Бакинской организации партии с.-р. к Ц. К. от 16 января 21 года имеется сообщение о некоем ответственном работнике группы «Народ» Д., который заявил в присутствии многих товарищей, что в то время, когда войска генерала Деникина угрожали Туле, Чернов внес предложение выпустить обращение к народу, раз'ясняющее реакционный характер движения Деникина. Ц. К. не согласился выпустить подобное воззвание. Тогда Чернов внес предложение дать ему возможность сделать это за своей подписью. В этом ему также было отказано. После этого Чернов вынужден был обратиться к группе «Народ» за содействием для технических условий. Кроме того, тот же самый Д. говорил, что Ц. К. входил в спошения с Деникиным на официальной почве. Бакинская организация категорически требовала расследования и либо опровержения и наказания клеветника, или удаления таких членов Ц. К. из его состава. (Т. I. Приложение, л. д. 88. Т. I, л. д. 360). Допрошенный по этому поводу Дашевский подтвердил категорическое сообщение, заявив, что Д. этот именно он и что именно осенью 20 года он в Баку сделал вышеупомянутое сообщение. Этот факт известен,—заявил Дашевский,—кроме меня, Вольскому, Буревому, Смирному и Либерману. Сопоставляя этот факт с имеющимися косвенными признаниями Чернова (одновременно и с категорическим отрицанием) в 3-м номере «Революционная Россия» в статье «Их тактика», а именно со словами «стоит вспомнить такие критические моменты, как приближение Деникина к Москве, чтобы понять, как

трудно было тогда не растеряться и не сделать какого-нибудь ложного и поспешного шага», вместе со всем тем, что известно уже относительно позиции ряда с.-р. по отношению к Деникину, и, в частности, с письмом Зензинова и Авксентьева, о котором речь будет ниже, о косвенной и прямой поддержке Деникина со стороны членов партии, и с установленными фактами сношений члена Ц. К. Донского через курьеров с Алексеевым и Деникиным,—следует признать показания Дашевского более вероятными и более соответствующими истинному отношению партии с.-р. к белогвардейцам, чем официальные ее решения и прокламации.

Параллельно с вышеуказанным отношением, занятым IX Советом и Ц. К. по отношению к группе Вольского и Буревого, иное отношение Ц. К. было ко второй группе раскольников, не согласившейся с позицией, занятой конференцией и IX Советом, а именно к группе Авксентьева и Зензинова.

Второй вопрос, который дебатировался на конференции, был вопрос о ликвидации опыта коалиции с буржуазией и союзниками. Проект резолюции начинался с торжественного и лицемерного — по характеристике Авксентьева — заявления, что в рядах партии «нет течений, которые бы искали опоры для возрождения страны, вне ее собственных рессурсов». Принимая во внимание,— говорит дальше резолюция, — печальный опыт недавней попытки союзнической интервенции, вырождающейся в эксперимент обращения целого ряда областей России в об'ект колониальной политики союзников. «IX Совет партии выражает самое решительное порицание тем, находящимся за границей, товарищам, которые выступают с пропагандой или ходатайством об интервенции, и вменяет им в обязанность полное прекращение таковой деятельности, как несовместимой с дальнейшим пребыванием в рядах партии».

Правая группа, против которой была направлена приведенная резолюция, обратилась после этого в Ц. К. со следующим заявлением от 31 декабря 1919 г.: «многие товарищи не считают целесообразным и позволительным тактику огульного взрывания Деникинского фронта, ибо Деникинщину, как об'ект борьбы, трудно изолировать от здорового органического течения нарождающейся государственности... Имеются товарищи, которые свою терпимость доводят до косвенной и прямой поддержки движению, связанному с именем Деникина и Алексеева... Мы с своей стороны считаем себя связанными партийными решениями вплоть до VIII Совета, но отказываемся признавать общепартийный формально обязательный характер за решением июньской конференции». Подписано... Авксентьев, Вишняк, Зензинов, Руднев, Фундаминский, Роговский, Коварский (Приложение, т. 2, л. д. 55—56).

Та же группа опубликовала в Париже манифест от 16 мая с призывом к новой интервенции за подписями Керенского, Авксентьева, Зензинова, Аргунова, Роговского, Минора, Соколова, Слонима, Иванова, Делевского и Розенфельда. В результате этого воззвания Ц. К. 30 октября, т.-е. накануне отказа группы признать обязательным решение IX Совета, постановил считать Парижскую группу несуществующей, и ее воззвание аннулировать. Однако исключения этих членов из партии ни в тот момент, ни после этого не было, и вся эта история имела свое дальнейшее развитие, о котором—ниже. Таким образом, представляется установленным, что решения февральской конференции были аннулированы решением IX Совета и что по отношению ко всем инакомыслящим с левой стороны был предпринят ряд репрессивных мер.

Одновременно были даны вновь директивы о работе по подготовке и организации вооруженных восстаний.

Наиболее рельефно эти последние директивы выражены в циркулярном письме Ц. К. от 13 мая 1920 года, в котором указываются организационные формы подготовки движения. «Сведения, получаемые Ц. К. с мест,—говорит циркулярное

письмо,—рисуют картину крайнего ожесточения крестьян против политики большевистской власти...» (Т. I. Приложение, л. д. 80).

«Поэтому Ц. К. рекомендует, во избежание распыления крестьянской энергии, развернуть по деревням перспективы широкой организации политической кампании, приступить к массовому планомерному действию с тем, что движение должно происходить в формах открытых легальных постановлений, так, чтобы если движение будет затем изменять свой первоначальный, спокойный и выдержанный характер, то вина в этом будет падать на большевистских насильников. Для этого Ц. К. рекомендует прежде всего использовать формы «приговорного движения». Приговоры волостных и сельских сходов должны знаменовать, во-первых, переход деревни от обывательской ругани большевистской власти к публичному «оказательству» общественного протеста и, во-вторых, они должны сыграть роль подытоживания деревенских настроений, как разочарования в политике большевистской власти. В качестве лозунгов Ц. К. выдвигает всенародное закрытое голосование по вопросу о том, пользуется ли нынешняя государственная власть доверием, при чем Ц. К. обращает внимание на то, что в деле пропаганды такого требования организации нашей партии могут об'единиться с соседними организациями. Приговорное движение, по мнению Ц. К., должно приобрести «характер массовой заразы, передаваясь из села в село». На-ряду с приговорным движением второй формой, способной, охватить массы для единого акта должно возникнуть движение по созданию беспартийных крестьянских союзов, для которых Ц. К. предлагает название «Союз трудового крестьянства». Он должен охватить собою партию с.-р., левых с.-р., народников, борьбистов, сектантов и т. д. Из наиболее передовых и влиятельных крестьян должно быть организовано нечто вроде бюро группы, т.-е. центральное бюро для об'единения их в общенациональном масштабе. На-ряду с этим «Всероссийским Союзом Трудового Братства», должны итти партийные организации. Приговорная кампания должна создать соответствующую атмосферу, беспартийные союзы должны об'единить все активные силы, организации, чисто партийные должны явиться передаточным механизмом и должны быть впоследствии точкой опоры для возглавления партией всего массового крестьянского движения».

Эта инструкция, — письмо, заканчивающееся требованием присылки точного отчета о состоянии этой работы, — датирована даже до созыва IX Совета. Цель его совершенно ясна, как равно ясен и характер. Инструкция была разослана от IX Совета партии в июне, а в сентябре на конференции 20 года сказались уже результаты этой работы. Подлинный протокол конференции, имеющийся в деле, дает характеристику этого движения докладчиками с мест и прениями по текущему моменту. Опираясь на уже проделанную работу, представители с мест были настроены в большинстве своем крайне активистски. Представитель Терской области высказался категорически за вооруженную борьбу и немедленную к ней подготовку. Представитель Тамбовской организации, указывая на проделанную большую работу по организации Союза Трудового Крестьянства и на Антоновское движение, считает неизбежным насильственную ликвидацию власти и высказывается за ответный террор партии с.-р. Оренбургский представитель считает настоятельной задачей собирание сил для вооруженного выступления. По мнению представителя Кубани, нужно немедленно вооруженное восстание, при чем постановление IX Совета должно быть пересмотрено. Делегат Левяков высказывается за пересмотр этого же решения. Херсонцы указывают, что крестьянство стало сейчас активной силой. Некий «Всеволод Петрович» говорит, что необходимо сорганизовать выявление вооруженной борьбы с мест, при чем он признает полезным посылать товарищей на ответственные советские посты, чтобы оказаться в нужный момент у власти. Екатеринославец выдвигает вопрос о терроре и говорит, что нужно не говорить, а делать. Кубанец говорит, что для свержения большевиков можно пойти с кем угодно и нечего соблюдать чистоту риз. (Прил., т. I, л. д. 50).

В результате голосования была принята резолюция Ц. К. большинством семи против резолюции М..... (6), при чем конференция оказалась настроенной против решения IX Совета и даже гораздо более активистской, чем докладчики от Ц. К. Принятая резолюция в итоге говорила: «только замена диктатуры коммунистов народовластием сможет вовлечь трудовые массы в работу по созданию нового порядка». (Прил., т. I, л. д. 62).

Что же касается путей борьбы, то конференция устанавливает: «учитывая, что IX Совет партии постановил временно приостановить вооруженную борьбу с большевиками... что быстрая ликвидация Деникина и Колчака обнаруживает невозможность торжества буржуазной реакции... наконец, констатируя широкое повстанческое движение народных масс... конференция предвидит неизбежность в будущем восстановления партией вооруженной борьбы с большевистской властью. Учитывая вместе с тем распыленность масс, конференция полагает, что очередной задачей партии является работа по организации активных сил, необходимых для достижения указанной цели» (§ 16 резолюции).

Конференция 20 года, являясь логическим развитием циркулярного письма от 13 мая и постановления Пленума от 5 апреля, устанавливает таким образом что на партии с.-р. лежит за этот период полностью как политическая, так и уголовная ответственность за контр-революционное движение, имевшее место весной и осенью 20 года. Конкретно исследование этого движения устанавливает помимо этого и прямую организационную связь. Одновременно в № 1 «Революционной России» Виктор Чернов писал: «Революционная Россия жива». Она доказала это белым генералам... Она докажет это и большевистским самодержцам... Революционная Россия отныне может вновь обернуться всем фронтом против большевистских деспотов». Так окончилась комедия с отказом партии с.-р. от вооруженной борьбы против Советской власти.

Та третья сила, о которой говорил IX Совет партии, на практике намечалась, как крестьянское повстанческое движение. В номере 6 «Революционной России» от апреля 1921 года имеется корреспонденция за подписью Ю. П., в копии найденная затем при обыске у деятеля партии с.-р. Юрия Подбельского, в которой последний обрисовывает деятельность с.-р. по подготовке этого восстания. «Весной 20 года,—пишет Подбельский,—партией с.-р. был организован Тамбовский Союз Трудового Крестьянства, быстро покрывший тамбовские уезды сетью крестьянских союзов. На своем II С'езде Союз высказался против немедленного выступления, но не скрывал от себя неизбежности в будущем вооруженной борьбы. Движение началось 12 августа в селе Каменке. Районный комитет Союза Трудового Крестьянства постановил воздержаться от участия в каменских событиях в силу безнадежности открытой вооруженной борьбы, но был втянут в движение. Крестьяне, село за селом сбрасывали власть Советов и с чем можно было, с винтовками и вилами, устремились в бой. Целиком был перебит крестьянами Верходенский Волисполком. Крестьяне решили итти на Тамбов. Попутно села встречали их колокольным звоном, но в самый последний момент подоспела помощь и повстанцы вынуждены были отступить» (Прил., т. II, л. д. 369 — 373).

«Вторая фаза начинается с момента, когда во главе повстанцев появляется некий Антонов. Это типичный экспроприатор 1905 года, после чего он попал в тюрьму, был на каторге, в 1917 году вернулся в Тамбов и был назначен на должность начальника милиции в уезде. В 1918 году он пытался вести мирную пропагандистскую работу, но вскоре переходит на нелегальное положение, после чего вступает на путь мелкой террористической борьбы с большевиками; в течение одного только лета 1919 года им убито в Кирсановском уезде около 100 коммунистов. Тамбовский комитет партии с.-р. пред'явил к нему требование перестать именовать себя с.-р. Антонов на словах подчинился, но снова потом восстановил свою практику и с головой ушел в родную для него стихию партизановщины. На-

ступила вторая фаза партизанского крестьянского движения. В результате в течение семи месяцев Антонов безнаказанно совершал нападение на совхозы, железнодорожные станции, на поезда, ускользая от всяких карательных отрядов. «Слабой стороной восстания,—говорит Подбельский,—является неопределенность и неясность политических требований. В наши руки,—говорит он дальше,—попал устав Тамбовского Губернского Союза Трудового Крестьянства, свидетельствующий о здоровом настроении повстанцев. В этом уставе сказано в п. 3: созыв Учредительного Собрания; в п. 2: всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами; в п.п. 4 и 5: установление выборной власти на местах и свобода слова, совести, печати и т. д. В п. 6 проведение в жизнь закона о социализации земли, утвержденного бывшим Учредительным Собранием». Остальные пункты представляют из себя сплошную галиматью, соответствующую малограмотности составителей; как-то: «открытие широкого государственного кредита личности», или «допущение иностранного капитала для восстановления военно-экономической жизни», и т. д. «Трагедия Тамбовского крестьянства,—кончает Подбельский,—была в отсутствии надежных идейных руководителей; развив громадную энергию сопротивления, оно, всеми покинутое, поневоле устремилось за тем, кто оказался у нее под рукой, и это могучее восстание выродилось в бесшабашную и нелепую партизановщину».

Эта характеристика движения, если признать правильной, более, чем достаточна, чтобы обрисовать предательскую как по отношению к власти, так и по отношению к обманываемым крестьянским массам политику партии с.-р., ибо в этой корреспонденции устанавливается: 1) что с.-р. были замешаны в совершение подготовительной работы по восстанию, 2) лозунги, с которыми шли повстанцы, есть не что иное, как безграмотное изложение эс-эровских обычных лозунгов, и 3) что движение, начатое с.-р., брошено было ими на произвол судьбы и предоставлено в руки первого попавшегося проходимца. Эта тактика, однако, не только не была случайностью, а прямо и непосредственно предписывалась партийными директивами.

В прокламациях 2 июля 1921 года, под заглавием: «Ответ клеветникам», центральное организационное бюро партии с.-р. пишет: «не прекращающиеся крестьянские волнения и крестьянские восстания часто идут по ложному пути погромов, насилия и убийств. Большевики знают, что движение Антонова рассматривается партией, как движение полубандитское, и что в этом движении членов партии нет и что лишь там, где оно носит здоровый характер борьбы с коммунистической диктатурой за утверждение прав трудового народа и где оно решительно отделено от всяких чуждых революции элементов, там члены партии идут в рядах восставших». Это официальное обращение Ц. К. власти, как показывают установленные факты в корреспонденции Подбельского, представляет собой явную ложь и в то же время форму директивы местным организациям: поднимай, организуй, провоцируй, а потом отойди в сторону и брось на произвол судьбы повстанцев, если движение не носит «здорового характера». (Прил., т. I, л. д. 86 — 87).

Организационная связь Тамбовского движения устанавливается следующими данными: «Союз Трудового Крестьянства», организованный весною 1920 года, — говорит тот же Подбельский в письме на имя председателя Московского Совета от 29 августа 1921 года,—был закрыт осенью 1920 года и не имеет ничего общего с Тамбовским Союзом Трудового Крестьянства, сфабрикованным Антоновым. (Прил., т. II, л. д. 354).

Имеющиеся в деле прокламации уездного комитета партии с.-р. и иные документы от имени Тамбовского Губернского Комитета Союза Трудового Крестьянства наглядно устанавливают безусловную связь движения с организацией. Показаниями Ишина, Ивана Григорьевича, устанавливается, что он перешел на подпольную работу в Тамбовскую организацию в 1919 году, будучи членом партии с

1905 года, — Антонов являлся его старым партийным товарищем. (Прил., т. I, л. д. 314).

«Обязанности и роль Губернского Союза Трудового Крестьянства и оперативного штаба Антонова были строго разграничены. Губернский местный комитет партии с.-р. издавал директивы для комитета Трудового Крестьянства. Фактически одни и те же лица входили в партийный комитет и комитет союзов. Методом борьбы было вооруженное восстание. В губернский комитет партии с.-р. я вступил в ноябре 1920 года, у нас были сведения из Москвы от Ц. К., что Чернов одобрил восстание в Тамбовской губернии» — говорит Ишин.

Допросом Муравьева Николая устанавливается, что он был на собрании с'езда Трудового Крестьянства от хитровской группы. От этого с'езда была выслана делегация к восставшим в лице Муравьева и Болтнева (см. корреспонденцию Подбельского о посылке двух делегатов к восставшим крестьянам в Каменку от Союза Хитровской волости). В руководящее тактическое бюро, избранное накануне, входили: Муравьев и два левых с.-р-а. На этом собрании поднимался вопрос о взятии Моршанского артсклада, но к конкретному решению не пришли. Инструкция была дана Муравьевым Георгием, была написана на бумаге и в ней были положения: связаться с восставшими, установить строгую дисциплину и создать разведку (показания Николая Муравьева). На крестьянском с'езде было постановлено делегировать в район восстания делегатов для выяснения характера восстания. (Прил., т. II, л. д. 315).

С.-р-кая крестьянская организация к выступлению не присоединилась, хотя один из крестьян говорил: «видно, что нам придется действовать одним, но тогда берегитесь и вы, придем в Тамбов, перебьем вас заодно».

Муравьев Георгий показывает, что он столкнулся осенью 1919 года с Подбельским и стоял близко к Тамбовской организации. С Антоновым он виделся два раза. Посылку делегатов он также подтверждает в район Каменской волости, где он узнал, что Антонов посылал узнать, какие волости Тамбовской губернии выступают. Встретился он и с Антоновым. Свидетель показывает, что Тамбовский Союз Братства Трудового Крестьянства высказывается против восстания и предложил перейти на организационную практику работы. Антонов ответил согласием, и мы расстались. Мы вернулись в Тамбов, — говорил дальше Георгий Муравьев,—и узнали, что Тамбовская организация, вернее Губернский Союз, выделил штаб в лице Николая Карпухина, и постановили поддерживать и организовывать союзы. Было намечено нападение на Тамбовский артсклад и Антонову было дано приказание, чтобы он двинулся на Кирсаново. То же подтверждает свидетель Боголюбский, участник восстания. На главной обязанности штаба лежало снабжение восставших оружием, для чего также был разработан план взятия Моршанского артиллерийского склада. Указанными фактами связь с Антоновским движением и его подготовка устанавливается непререкаемо и политическая оценка тактики п. с.-р. не может вызывать в дальнейшем сомнений. (Прил., т. II, л. д. 322).

Та же картина получается при ближайшем расследовании крестьянского повстанческого движения в Сибири в начале 1920 года. Одновременность совершавшегося движения, однородный план действия доказывали, что движение является результатом определенной организации. По показаниям Игнатьева, находящим подтверждение в показаниях других членов Сибирского союза, устанавливается, что организация зародилась в марте 1920 года. В состав этой инициативной группы входили Юдин, Тяпкин, Дьяконов, Шагранов, Макушин, Савченко, член Омской организации партии, Меринов и Игнатьев, члены партии п. с. Задачей Сибирского Крестьянского Союза являлась подготовка вооруженного крестьянского восстания. Юдин показывает, что задачей союза являлась организация крестьянства для проведения крестьянской революции и свержения коммунистической партии. После организации крестьянского союза члены инициативной группы раз'ехались по местам: Юдин—в Омск, Игнатьев—в Алтайскую губернию. При Сибир-

ском Крестьянском Союзе был учрежден военный отдел, руководителем которого был назначен Тяпкин. Этот военный отдел вошел в связь с контр-революционной офицерской организацией, Густамесова. Это последнее чрезвычайно характерно для доказательства того, на сколько обязательным признавали для себя члены партии решение партийной конференции. При встрече с Густамесовым в сентябре 1920 г. последний беседовал с Юдиным, и выяснилось, что военный отдел организуется уже в общесибирском масштабе. Из показания Тяпкина явствует, что об организации Сибирского Крестьянского Союза было сообщено члену краевого комитета Сибирской организации—с.-р. Кудрявцеву, при чем Кудрявцев заявил, что партия не воспрещает организацию крестьянства. Юдин говорит дальше, что краевой комитет запретил членам партии работать в организации Красноярского Крестьянскоог Союза, но не запретил партийным организациям участвовать в Сибирском Крестьянском Союзе, а циркулярное письмо Сибирского краевого комитета и циркулярное письмо Ц. К. П. С.-Р. об организации беспартийного союза давало Юдину полную возможность продолжать свою работу в инициативной группе. (Приложение, т. II, л. д. 398, 399, 390 и 394).

Когда, в результате развившегося движения, была установлена связь Сибирского Крестьянского движения с Центральным Комитетом с.-р. и соответствующими властями, был арестован и препровожден в Сибирь член Ц. К. Герштейн, Ц. К. выпустил прокламацию, в которой заявил, что «ни Герштейн, ни другие члены партии не имели отношения к Сибирскому движению». Юдин в ответ на это показывает, что в июле 1920 года он виделся с Герштейном, когда он уезжал из Сибири в Россию, и что весь материал о положении в Сибири и Сибирского Крестьянского Союза был направлен через уполномоченного областного комитета Сибири в Ц. К.

Таким образом, фактически резолюция сентябрьской конференции 1920 г. не столько являлась указанием директив на будущее, сколько констатированием уже имевшего место факта организации эс-эрами вооруженной борьбы при помощи крестьянских восстаний. Понятны, равным образом, становятся и агрессивные речи участников сентябрьской конференции и трусливая политика докладчика от Ц. К., видевшего на деле результаты своей политики.

Чрезвычайно характерным является другая картина, установленная следствием, рисующая, как действовали те же организации, в противовес тактике верхов, когда они работали одни, без руководства центра.

В деле имеется документ от 19 мая 1920 года к Николаю Ивановичу, подписанный И. Рябовым, рисующий роль эс-эровской организации в организации движения Черноморского крестьянства под властью белых. «Белогвардейское правительство, во время своего господства, получило известие, что в Сочинском уезде Черноморской губернии настроение крестьян воинственное против добровольцев, — пишет Рябов,—мы просили направить туда работников, Сорокин сдил по селам и деревням, собрал С'езд, на котором был избран комитет по освобождению Черноморской губернии. В начале января поступило предложение крестьян поднять восстание. Комитет выехал на место и поднял восстание. Комитет состоял почти весь из с.-р., командный же состав был почти большевистский, настроение крестьян—эс-эровское. Приезжали часто англичане—с предложением заключить мир с Деникиными и с радой. Мы категорически отказывались, говоря, что с Деникиным на разговоры не пойдем, мы созвали окружный крестьянский С'езд, целиком эс-эровский. По вопросу о дальнейшем выступлении мы стояли на точке зрения держаться в пределах Черноморской губернии, а за пределы Кубани посылать только агитаторов и поднимать местные восстания зеленых. Наша политическая платформа,— кончает Рябов,—такова: «мы признаем Советскую конституцию, настаивая на ее правильном применении». (Приложение, т. II, л. д. 80 и 81).

Эта корреспонденция рисует то фактическое положение вещей, которое создавалось жизнью в оккупированных областях. Борьба эта шла совместно с пред-

ставителями коммунистической партии, на почве совместной борьбы за Советы. В противовес этому документу, следует противопоставить целую серию иных документов, рисующих отношение верхов партии к Деникинской власти и добровольческой армии в тот же самый момент. Эти документы касаются конфликта, происшедшего в Киеве между Городским Комитетом, с одной стороны, и Всеукраинским Комитетом с.-р., с другой. Вопрос, который подвергался обсуждению, заключался в допустимости или недопустимости работы представителей партии с.-р. в Городской Управе под властью Деникина. Общее собрание Киевской организации считало, что ориентировка на Советскую власть приносит делу партии неисчислимый вред. Борьба за демократию,—говорит дальше резолюция,—является борьбой за местное самоуправление, которое должно послужить краеугольным камнем демократического государства. Поэтому отозвание членов Управы привело бы к ослаблению позиции партии в предстоящей борьбе. Поэтому устранение Всеукраинским комитетом Рябцева и Львова из партийной организации, вследствие отказа их уйти из Управы, не должно приводиться в исполнение. В ответ на это Всеукраинский комитет постановил Киевский Городской Комитет распустить. В ответ на это Думская фракция с.-р., указывая на то, что референдум дал большинство за устранение лишь в шесть голосов, отказалась подчиниться, и в ответ подняла вопрос о некиих товарищах Ю. и А. из Всеукраинского Комитета, обвиняя их в занятии ответственных постов при Советской власти. После заслушания обвиняемых Всеукраинский Комитет решил считать обвинение недостаточным. Вопрос перешел, в конце концов, на решение Ц. К., который постановил поставить на вид Всеукраинскому Комитету то, что Украинский Комитет согласился хотя бы на временное вхождение в Киевскую Городскую Управу членов партии по мотивам, имеющим местное значение, и Киевскую Городскую Организацию постановил считать распущенной, членов партии, призывавших в свое время выступить для поддержки Добрармии, из партии исключить. (Прил., т. II, л. д. 42 — 49).

Суммируя все вышеизложенное за весь период от февральской конференции 1920 года и по сентябрьскую конференцию, следует считать твердо установленными следующие факты: 1) партия с.-р. за весь этот период представляла из себя ряд мало связанных между собой групп, среди которых господствовали не раз прямо противоположные политические тенденции и устремления. Партия резко отмежевывалась, с одной стороны, от всех тех организаций, которые стояли на точке зрения прямого и честного отказа от вооруженной борьбы (группа Вольского) и призывали своих членов к активной поддержке Советской власти; 2) партия декларативно отмежевывалась равным образом от группы Зензинова, Аргунова, Авксентьева, стоявших на точке зрения поддержания тактики возможности соглашения с белогвардейцами и Антантой и демонстративно отказавшихся подчиниться постановлению IX Совета партии. Тем не менее никаких реальных мер против этой группы за этот период предпринято не было. 3) Местные организации партии в зависимости от обстановки действовали вразброд, в том числе с такими категорическими противоположными отклонениями, как прямой призыв к поддержке Добрармии со стороны фракции Киевской Городской Думы и как совместная борьба с большевиками в тылу у Деникина на платформе Советской власти и за Советскую конституцию на Кубани.

И, однако, несмотря на все разложение, господствовавшее в партии, на всю опасность обнаружившегося нового проявления прежнего уклона к соглашательству со стороны группы Зензинова и др. и на то, что элементы, более связанные с массами, казалось, указывали правильный жизнью диктуемый путь,—верхи партии, ее Ц. К. остался, по-прежнему, глух ко всем этим указаниям жизни, и основным, характеризующим деятельность Ц. К., как такового, установленным фактом, все же следует признать ту же старую, упорно проводимую вновь с момента пленума Ц. К. от 5 апреля линию вооруженного свержения Советской власти, на этот раз путем организации крестьянских союзов, беспартийных союзов трудового крестьянства и крестьянских братств. В этой деятельности, как в центральной России, так и в

Сибири, Ц. К. фактически проводил работу по подготовке вооруженного восстания и принимал участие в таковом. На сентябрьской конференции 1920 г. Ц. К. санкционировал это движение, еще раз признав неизбежность вооруженной борьбы в ближайшем будущем, и единственно рекомендовал не участвовать в таком движении, которое не носит «здорового характера».

В деле имеется письмо обвиняемого Веденяпина, об'ясняющее усвоенную на сентябрьской конференции тактику, ее противоречие с тактикой, принятой на IX Совете, и указывающее на неизбежные результаты этой тактики. В этом письме Веденяпин пишет: «поднять массы не трудно, и равно возможно распространить это движение даже на большой район, но к этому движению сразу примкнут все правые группировки и повторится в лучшем случае Заволжская история, так как за спиной правых будет непременно стоять Антанта со своей политикой... В результате в данное время, при данном соотношении сил политика открытой активной воруженной борьбы может или только питать начинающийся разлагаться. большевизм, или проложить дорогу реакционным силам с империализмом Антанты в тылу... Это теперь до очевидности ясно, и, конечно, товарищи, бывшие на конференции, не могли всего этого не видеть. В чем же дело? Почему конференция вступила на этот путь, противоречащий всей линии поведения партии, которую она усвоила за последнее время?.. Появление 16 параграфа резолюции [1]) не случайность, а попытка наметить новый курс поведения партии... Многие из наших товарищей рассматривают совершающуюся революцию, как революцию чисто буржуазную, и роль партии с.-р. намечается ими просто способствовать достижению того правопорядка, когда во главе государства будет буржуазия. И вот теперь, после столь «славных» побед этой тенденции, как это было в Уфе,—эта тенденция опять заняла определенную позицию и выявлена в 16 п. резолюции конференции. Этим идет на смарку вся работа «пленного» Ц. К. Как проявление той же тенденции, можно рассматривать действия каких-то с.-р. в Париже, стремящихся сплотиться с кадетами и войти в сношение с представителями Франции. (Прилож., т. II, л. д. 149).

Это письмо—трагическое предостережение человека, который на собственном опыте испытал, что значит союз с буржуазией и опыт 1918 г., письмо вскрывающее истинные причины противоречивого поведения Ц. К., его двуличную политику: с одной стороны, в официальных декларациях и резолюциях, с другой стороны, в практическом ведении дела, устанавливает неслучайный характер этого поворота и его связь с группой лиц, руководивших и руководящих партией с.-р., и, подобно письму Авксентьева, вскрывшему в свое время лицемерие резолюции VIII Совета о недопустимости искать помощи «вне собственных рессурсов страны», — это письмо является историческим документом в полном смысле этого слова. На партию с.-р. и на тактику с.-р. оно, однако, не оказало влияния.

Дальнейшее развитие событий и тактики партии пошло по пути, предуказанному сентябрьской конференцией, а не по тому, за который ратовал Веденяпин.

VII. Период 1921—1922 г.г. Новые соглашательские тенденции парижского совещания членов Учредительного Собрания. Кронштадтский бунт и совет партии 1921 года.

Кронштадтское восстание окрылило надежды всех реакционеров На этот раз партия с.-р. сочла его «здоровым движением» и вспомнивший опять о своем председательстве в Учредительном Собрании Чернов обратился к восставшим со следующим заявлением: «Председатель Учредительного Собрания Виктор Чернов шлет свой братский привет героическим товарищам матросам, красноармейцам и рабочим, в третий

---

[1]) § 16 п. о неизбежности вооруженного свержения Советской власти на конференции сент. 1920 г.

раз с 1905 года свергающим гнет тиранин. Он предлагает помощь людьми и свое посредничество для обеспечивания Кронштадта снабжением через заграничные и русские кооперативные организации. Сообщите, сколько и чего нужно. Готов прибыть лично и предоставить на службу народной революции свои силы и свой авторитет. Верю в конечную победу рабочего народа, которому переходит власть, в готовность рабочие массы восстать во имя Учредительного Собрания». «Прил., т. I, л. д. 217).

Одновременно заграничные представители партии с.-р. прислали следующее приветствие: «Заграничная делегация партии с.-р., чуждая всякого вспышкопускательства... предлагает восставшим ныне, когда чаша народного гнева переполнилась, содействовать всеми имеющимися в ее распоряжении силами в деле борьбы за свободу и народовластие. Сообщите в каком направлении желательна всякая поддержка. Да здравствует народная революция, да здравствуют свободные Советы и Учредительное Собрание!» (Прил., т. II, л. д. 218).

В ответ на это приветствие от председателя Ревкома Петриченко Чернов получил следующий ответ: «Временный Революционный Комитет Кронштадта выражает глубокую благодарность за сочувствие всем братьям нашим, находящимся за границей. За предложение Чернова Временный Революционный Комитет считает своим долгом благодарить, но воздерживается от такового временно, т.-е. до выяснения, как развернутся дальнейшие события, а пока все будет принято к сведению».

В этом обращении и ответе характерен новый лозунг, выдвинутый заграничной делегацией эс-эров—за свободные Советы, совмещающиеся с Учредительным Собранием. В особой статье «Уроки Кронштадта» в 5 номере «Революционной России» Чернов, однако, с сожалением констатирует, что «умаленные лозунги возврата к истинному свободному народовластию не дают почвы для компромисса даже тогда, когда за него выступают сливки тех элементов, которые некогда ввели большевиков во владение властью». Другими словами, Чернов тут берет уже обратно лозунг свободных Советов. Это еще одно доказательство оппортунистической приспособляемости партии с.-р. для достижения той же самой цели. Однако, в то время, когда вожди партии стремились приспособляться к кронштадтским лозунгам обманутой народной массы, в Париже происходила попытка приспособления другого вида. 8-го января в Париже открылось заседание бывших членов Учредительного Собрания, находившихся за границей, в количестве 31 человека. Среди них были с.-р.: Авксентьев, Минор, Руднев, Брешко-Брешковская, Зензинов и Керенский; кадеты: Милюков, Родичев; трудовик Булат, октябрист Мейендорф, н. с. Чайковский. В результате был создан постоянный орган в виде Исполнительного Комитета Совещания членов Учредительного Собрания, куда вошли: Авксентьев, Керенский, Минор, Зензинов, Милюков, Винавер, Коновалов и двое примыкающих к кадетам—Максимов и Макеев. Этот исполком остался жить и до сих пор. Старый блок снова возродился, несмотря на прямое запрещение Февральской конференции, IX Совета и Сентябрьской конференции партии. Перед Ц. К. встал вопрос об определении своей позиции, с одной стороны, по отношению к Кронштадту, с другой стороны, по отношению к буржуазии. Имеющееся в деле подлинное письмо Чернова и резолюция Ц. К. по этому поводу, оба в одинаковой мере характерны.

«Я вернулся из-за границы,—пишет Чернов,—как раз во время Кронштадтской завирухи, когда сношения с Россией оборвались. При приезде в Прагу я запросил Зензинова, что за история происходит с совещанием Учредительного Собрания, что, как и почему. Он ответил мне, что... теперь пятиться невозможно, что на с'езд все приглашены и уже с'езжаются. Инициаторами являлись парижане. Левыми с'езда являются: Сталинский, Слоним, Лебедев, Махин, центром—Зензинов, Минор, Керенский и Брушвит, правыми—Авксентьев, Вишняк, Бунаков, Руднев, Роговский и т. д. Центровики замазали, по почину

Керенского, трещину, отделявшую их от правых, и создали форму организации, об'единяющую всех, кроме членов партийной делегации. Организация об'явлена межпартийной, но состоит целиком из с.-р., одного меньшевика и одного н-с. Беспартийность нужна для того, чтобы под сим титулом получить находящиеся в руках у чехословаков средства, оставшиеся от Комитета членов Учредительного Собрания. Другой целью,—по заявлению Чернова,—была забронированность от контроля делегации п. с.-р. Бюджет организации колоссальный... Решено, что совещание созовут Минор, Керенский и Авксентьев. Инициаторская группа или беспартийная организация финансирует предприятие. Одним словом, деньги и средства организации, все осталось в руках правых и центра и, видимо, центр сделался пленником правых. Сам Чернов в результате повел следующую линию: «Отметив, что Россия не может принять ничего, носящего вид коалиции с буржуазией, я отказался, — говорит он, — принять участие в конференции, как член Ц. К. на свой личный страх и как председатель Учредительного Собрания на частном совещании, но... из'явил согласие работать во фракции с целью помочь им выбраться из этого положения». Так поступает вождь и лидер партии, столкнувшись с прямым нарушением ответственными работниками трех формальных запрещений партии. (Прил., т. I, л. д. 72 — 75).

«В результате Совещания было решено, ввиду невозможности произвести об'единение без кадетов, заставить работать комиссию, нечто вроде сеньоренконвента или согласительной комиссии... Цель была — лишь предстательство за русские интересы и русский народ перед общественным мнением и влиятельными политическими кругами Европы, опираясь на моральный вес своего знамени и своих имен. Как видите,—продолжал Чернов,—имя партии я тщательно выгородил из всего этого дела, политика Ц. К. совершенно свободна, руки у него не связаны,—судите, решайте. Однако,—говорит он дальше,—примите во внимание следующее: кронштадтские события были огромным толчком для за-границы, левые сплотились, явилась тяга в Россию и вера в близкое движение воды. Теперь я как раз субсидируюсь Прагой на продолжение издания «Революционной России», теперь можно поставить газеты, которые будут финансированы Прагой. Распустить эту беспартийную организацию—было бы ударить по работе... Надо ввести в группу лиц для подкрепления левого крыла людей центра, необходимо менажировать их, они все продвигаются ближе к партийной позиции, которую вам нужно санкционировать. Зензинов, как вы знаете, вышел из Ц. К., когда получил резолюцию IX Совета; теперь он изменил свою точку зрения, как основанную на недоразумении. Согласно обмена мнений, я предлагаю Ц. К. принять резолюцию: признать подачу Зензиновым в отставку непринятой Ц. К. и аннулированной и восстановить его в правах члена Ц. К., включив его в состав заграничной делегации вместе с Русановым, Сухомлином и Черновым. Нельзя, однако, не считаться с тем, что сейчас после Парижского совещания вопрос крайне осложнился. В Комиссии здесь остались работать Керенский, Минор и Зензинов. Уйдут ли они, не ослушаются ли они Ц. К., не придется ли нам об'явить их вышедшими из партии, что произойдет после этого со всеми здешними организациями, предприятиями, материальными средствами, затраченными на нужды дела. Наличность в вашей резолюции некоторых недоразумений и неточностей внушила в Праге надежды, что вы пересмотрите вашу резолюцию, и это, конечно, надо сделать. Не надо включать в резолюцию спорных мотивов. Действительно ли, садясь на частном совещании рядом с к.-д., создаете вступление в политическую коалицию с ними... вы скажите: одно дело—официальное заседание, а другое дело—частное совещание; на первом мы заседаем вместе с кадетами по должности, а на втором—по собственной инициативе и желанию. Аргумент шаткий. Частное совещание отличается от Учредительного Собрания лишь тем, что здесь вместо целого... подобрана часть по признакам членства в Учредительном Собрании. Мыслим и такой случай, что частное совещание соберется, чтобы дать сражение друг другу, идейную битву. Так вы только создадите на почве

оппозиции основу для враждебного для нас союза правых, центра и части левой заграничной делегации. Вы, может быть, недовольны мною за то, что я не выступил в Париже более категорически против того, что произошло. Но я и без того все ходил по краю обрыва, и еще один шаг был бы полным разрывом с Зензиновым, Керенским и Минором. Я должен был быть готовым на об'явление их вне партии. Без вас, единолично, я на такую вещь пойти не мог, ваши руки свободны, вы можете итти так далеко, как хотите. Но если вы дорожите пребыванием в партии Керенского, Зензинова и Минора... Умейте наказать, умейте и помиловать. Слишком огульная критика может оказать обратное действие. Может быть, деньгами совсем обнищали, может быть, в этом случае попытаться перехватить у беспартийной организации для вас на сей предмет субсидию, если... если самая организация не будет вами окончательно взорвана и ее рессурсы, в результате конфликта, нам не улыбнутся».

Это письмо, посланное Черновым, явилось ответом на постановление Ц. К. П. С.-Р., в котором говорилось: «Ц. К. неоднократно предупреждал членов партии в своей практической деятельности пользоваться с величайшей осторожностью высоким званием народных избранников. Ц. К. не имеет сейчас под рукой полного текста постановления, под которым подписались члены партии с.-р., и поэтому от окончательного суждения и выводов по существу этого постановления он пока воздерживается». Принимая все это в соображение, было постановлено, что партия с.-р. не берет на себя ответственности за участие членов партии на с'езде и что, во-вторых, предлагает членам партии, принявшим участие в с'езде, в той или другой форме ликвидировать связь с исполнительным органом с'езда.

Об'яснение Чернова, данное им в письме,—изложение своей тактики и, главное, предложение не итти на разрыв, чтобы не терять субсидийку, и беззастенчивое предложение депег, как отступного, лишь бы не «взрывать» перспектив субсидий, заступничество за Зензинова и Керенского.—совершенно ясно и точно определяют, что ни о каком разрыве с правой группой фактически не могло быть и речи и что все грозные филиппики Центрального Комитета являлись пустой, ни на чем не основанной декламацией. А не декламацией было фактическое соглашение в Париже, фактическая помощь Кронштадту и принятое Ц. К. партии 25-го февраля 1921 года новое письмо партийным организациям, о тактике партии в связи с крестьянским движением. В этом письме говорилось, что «трудовое крестьянство естественно превращается теперь из пассивно настроенной в активную силу русской революции. С этой точки зрения, все встречающиеся далее вспышки крестьянского восстания приходится рассматривать, как первые предвозвестники обще-крестьянского движения. Поэтому партия, учитывая рост крестьянского движения, должна обратить особое внимание на работу в деревнях по сплочению трудового крестьянства в социалистические союзы трудового крестьянства, при чем лозунгом этой работы должна быть борьба со стремлением большевиков навязать те или иные формы производственных отношений, борьба с посевкомами, преодоление диктатуры Р. К. П. и Всероссийское Учредительное Собрание». Это было еще одним подтверждением продолжения той же тактики. (Приложение, т. I, л. д. 83).

В августе 1921 года состоялся X Совет партии, на котором в резолюции «по текущему моменту» партия поставила окончательно все точки над и. «X-й Совет партии,—говорит резолюция,—«собравшись в момент обнаружившегося идейного и политического банкротства большевиков, заявляет, что вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой железной необходимости ставится в порядок дня. Становится вопросом всего существования российской трудовой демократии». В особой резолюции о методе работы в деревне X-й Совет еще раз признал, что партия с.-р. должна иметь задачей неуклонную поддержку прежней линии поведения партии и раз'яснение бесплодности неорганизованных вспышек и бунтарства». В тех случаях, когда восстания, вызываемые действиями большевистской

власти, неизбежно возникают и носят здоровый характер, партийные организации должны направлять их в организованное русло и всеми средствами способствовать укреплению в них положительных социально-политических лозунгов. Учитывая рост крестьянского движения, партия еще больше должна обратить внимание на работу по об'единению трудового крестьянства». Эта резолюция знаменует собою уже полный отказ от точки зрения февральской конференции 1919 г. и полное возвращение к старым позициям VIII Совета партии.

В заключение надлежит отметить письмо членов Ц. К., заключенных в Бутырской тюрьме—Гоца, Гендельмана, Веденяпина, Донского, Лихача, Морозова, Ракова, Е. Ратнер, Тимофеева и Цейтлина от 5-го сентября 1921 года вновь избранному Центральному бюро партии с.-р. после X Совета партии. (Прил., т. II, л. д. 172—177).

Это не единственное письмо, которым указанные члены Ц. К. обменивались за время своего заключения с своими соратниками за стенами тюрьмы, продолжая и из-за стен тюрьмы руководить партийной жизнью и деятельностью. В этом письме указанные члены Ц. К. писали:

«С радостью узнали мы о благополучном исходе X Совета партии... X Совет партии совершенно правильно заявляет, что главным социальным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства. Но далеко не всякую ликвидацию партии будет приветствовать и далеко не всякую борьбу против него она будет поддерживать»...

Возражая затем против слишком прямолинейного толкования резолюции X Совета о вооруженной борьбе с Советской властью,—те же члены Ц. К. пишут:

«Мы опасаемся, что неотчетливая, смутная формулировка этого пункта способна породить на местах в умах у неопытных политически и неискушенных товарищей сомнения. Все это заставляет партию при данной внутренней и международной ситуации своей основной задачей ставить сплочение трудящихся масс в процессе напряженной организационной и агитационной работы. Вне ее всякое выступление трудящихся окажется преждевременным и приведет к бесплодному расточению живой силы революционного рабочего класса».

Этим письмом авторы не только солидаризировались с тактикой партии и в лице ее X Совета, но доказали, что и из тюрьмы они продолжали оказывать, как члены Ц. К., свое руководящее влияние.

В силу этого они несут вместе с партией с.-р. солидарно всю тяжесть политической и уголовной ответственности за ее политику.

На основании изложенного надлежит считать установленным:

1. Партия с.-р. явилась в лице членов ее Ц. К. инициатором гражданской войны в дни II Всероссийского С'езда Советов и Октябрьской революции рабочего класса и ответственна как за гражданскую войну, так и за провоцированное и одобренное ею наступление на революционный Петроград казацкого генерала Краснова и за жертвы, понесенные рабочим классом при отражении этого наступления.

2. Партия с.-р. в лице Ц. К. в целях свержения Советской власти вошла в период от октябрьского переворота и до созыва Учредительного Собрания в союз с белогвардейскими организациями различного типа, подготовляя вооруженное восстание против власти в противодействие воле трудящегося народа, как она выразилась в постановлениях II и III Всероссийского С'ездов Советов.

3. В момент IV-го Всероссийского С'езда Советов и ратификации Брестского мира партия с.-р. для нового вовлечения России в войну и срыва мирного договора, в противоречие воле трудовых масс, вошла в преступное сношение с представителями международного капитала в лице официальных представителей союзнических миссий и принимала от них помощь деньгами и техническими средствами для организации военных заговоров, взрывов, убийств и наносила всем этим ущерб Российской Пролетарской Республике.

4. В тот же период партия с.-р. вошла, в лице членов своего Ц. К., в союз с белогвардейскими организациями и буржуазными группировками России в целях свержения Советской власти вооруженной рукой, для чего завязала связь с наступавшими в то время на Россию белогвардейскими организациями Алексеева и Деникина.

5. Партия с.-р., согласно постановления своего Ц. К. разослала своих представителей и эмиссаров—членов Ц. К.—на Поволжье, в Сибирь, на Украину и на Север в целях организации там центров вооруженной борьбы против Советской Республики, для чего вошла в сношение с представителями иностранных капиталистических государств и приняла от них помощь деньгами и войском, чем подвергла территорию России иностранной оккупации и, в частности, создавши в качестве контр-революционного центра—Самарское правительство, затем учинило совместно с другими буржуазными группами Уфимское государственное совещание, в результате какового был заключен тесный союз с буржуазными партиями белогвардейцев и иностранных капиталистов; повела вооруженную борьбу против Советской власти на всем протяжении Поволжского фронта и обширной Сибири, в тесном соглашении с деятелями иностранного капитала и английского командования предала в руки иностранной оккупации север России, подготовляя оттуда войну против Советской власти и пролетарской Республики, на юге России вошла в сношение, в лице своих партийных организаций, с различными белогвардейскими и иными организациями и добровольческой армией генерала Алексеева, а также с краевым правительством Дона и Кубани в целях организации вооруженной борьбы с советским правительством. Всем этим партия с.-р. подготовила как на Севере, так и в Сибири и на Юге генеральскую контр-революцию и тем самым способствовала разорению страны, затягиванию борьбы трудового народа с помещиками и капиталистами, вызывая со стороны народа бесконечные жертвы и ослабляя Россию в борьбе против иностранных хищников.

6. Будучи разбитой в этой борьбе и потерпевши поражение в открытом вооруженном столкновении, партия с.-р., приняв на конференции в феврале 1919 г. постановление об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью, и в обман и явное нарушение принятого постановления, подготовляла и организовала повсеместно на территории Советской России ряд мятежей и восстаний и оказывала им всяческое содействие в целях свержения Советской власти и восстановления буржуазных отношений собственности.

7. Наконец, партия с.-р. оказывала содействие и помощь Кронштадтскому мятежу и контр-революционному движению, возникшему в связи с ним на территории Республики, и в то же время, в лице своих заграничных ответственных членов Ц. К. и других вождей, входила в сношения с представителями капиталистических государств и русской контр-революционной эмиграции в Париже на совещании бывших членов Учр. Собрания и для своей деятельности пользовалась средствами, исходящими из империалистических источников, в том числе от чехо-словацкого правительства, от американских капиталистов и других империалистических держав.

Все эти данные представляют собой достаточный материал для уголовного преследования против всего состава Ц. К. партии в целом и, наконец, дополняются еще одними установленными следствиями после опубликования разоблачений б. с.-р. Семенова фактами об организации партией террористических актов и убийств и вооруженных ограблений, направленных против жизни и деятельности отдельных представителей Советской власти и частных лиц, в нарушение и фактическое опровержение неоднократно об'являемых в печати от имени партии заявлений о ее полной непричастности к указанным убийствам и террористическим актам и ограблениям.

На основании изложенного подлежат вменению членам Ц. К. партии с.-р. и отдельным членам партии нижеследующие предусмотренные Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р. преступные действия.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(Особенная часть).

I. Личный состав Ц. К. и иных руководящих организаций п. с.-р.

В июне месяце 1917 г., на 3-м с'езде п. с.-р. Ц. К. партии был избран в составе Гоца, Ракитникова, Русанова, Архангельского, Веденяпина, Розенблюма, Рихтера, Натансона, Лункевича, Гендельмана, Зензинова, Чернова, Затонского, Авксентьева, Минора, Рубановича, Бунакова и Ракова, и кандидатами были избраны: Тетеркин, Берг, Ховрин, Быховский и Гуревич («Дело Народа», № 63).

Из всех вышеуказанных лиц в деле фигурируют: Гоц, Ракитников, Веденяпин, Гендельман и Раков. Этот состав партийного Ц. К. руководил политической деятельностью партии до экстренного IV с'езда п. с.-р., созванного в ноябре, уже после октябрьского переворота. На этом последнем с'езде, после острой критики деятельности Ц. К. прежнего состава, был избран новый Ц. К., «более однородный», по выражению членов с'езда.

В новый Ц. К. вошли: Гоц, Ракитников, Раков, Чернов, Зензинов, Русанов, Лункевич, Лихач, Веденяпин, Прилежаев, Сунгин, Гендельман, Федорович, Рихтер, Буревой, Тимофеев, Герштейн, Чайкин и Евгения Ратнер. Кандидатами прошли: Тетеркин, Эльяшевич, Иванов, Сухомлин и Коган-Бернштейн. На 25 членов и кандидатов прошло 13 старых и 12 новых Ц. К. («Дело Народа», № 226).

Уголовную ответственность за контр-революционную деятельность партии с момента переворота и до начала декабря несет, таким образом, старый состав Ц. К.; с 5 декабря 1917 г. до сентября 1921 г.—новый состав Ц. К. Из этого последнего по делу приходят: Гоц, Ракитников, Раков, Лихач, Веденяпин, Гендельман, Федорович, Буревой, Тимофеев, Герштейн, Донской и Евгения Ратнер, и из кандидатов—Иванов Николай, т.-е. 14 человек из 25.

На X Совете партии, взамен арестованных, было избрано новое организационное Бюро, состав которого точно установить не удалось.

Из нового состава Ц. К. Гендельман заявил, что, в силу осуждения с'ездом прежней политики Ц. К., он не считает для себя возможным работать в Ц. К. По протоколам, это его заявление было «принято к сведению», однако никакого нового постановления о замене его иным лицом в протоколах не имеется, и сам Гендельман в дальнейшем проходит по протоколам заседания Ц. К., как полноправный его член (см. «Партийные Известия», № 5 и 6).

Согласно тем же протоколам от 8 декабря в Бюро Ц. К. (Президиум) были избраны Чернов, Ракитников, Зензинов, Раков и Гендельман. Из заведующих отделами следует отметить поручение военного отдела Лихачу и финансового Веденяпину.

В начале марта 1918 года Ц. К. переехал в Москву. В Петрограде остались в качестве ответственных членов Ц. К. Гоц (по показаниям Ефимова, т. I, л. 88,

Семенова, т. I, 34, и Дзеруля, т. II, л. 101), Иванов Николай (показания Дзеруля и Семенова, там же), Раков (показания Семенова и Ефимова), Ракитников до августа 1918 года (показания Ефимова и Ракитникова, т. I, л. 161), Лункевич (показания Ефимова и Ракитникова), Донской (показания Семенова и Дзеруля).

После мая 1918 года, по окончании работ 8-го Совета, члены Ц. К., в большинстве, перебрались за Волгу, отчасти раз'ехались для подготовки вооруженного восстания, в частности в Вологду уехал Лихач, в Киев—Рихтер и Герштейн, на Волгу—Веденяпин, Буревой, Раков, Зензинов, Чернов, Гендельман, Коган-Бернштейн, Федорович и Чайкин. Буревой и Ракитников ушли добровольно из Ц. К. за указанный период, после IX Совета партии, как представители левой оппозиции, и Зензинов, как представитель правых. Конфликт с Зензиновым вскоре был улажен (см. письмо Чернова). Еще раньше в феврале 1918 года вышел из Ц. К. Сунгин на почве принципиальных разногласий по вопросу о терроре (см. ниже).

Членами Московского Бюро Ц. К. были, согласно показаниям Григория Ратнер (т. I, л. д. 172), с февраля по май 1918 г. Ратнер, Тимофеев, Донской и Гоц (в Петрограде). С мая по август, по показаниям Дашевского (т. I, л. 198),—Евгения Ратнер, Тимофеев, Морозов, Артемьев и Григорий Ратнер. Последние три кооптированы вновь. И с августа по сентябрь—Донской, Тимофеев, Ратнер, Артемьев и Морозов (т. I, л. 205), причем Артемьев показывает, что он вошел в Московское Бюро только в декабре 1918 года (т. I, л. 285).

Членами военной комиссии при Ц. К. были, по официальным протоколам 4-го с'езда, избраны: Никоноров, Цион, Егоров, Семенов, Паевский, Дашевский, Мерхалев, Ратнов, Смиренин и Зайцев.

Второй официальной организацией, уже не партийного, а государственного характера, через которую и при помощи которой велась контр-революционная работа с.-р., было Бюро фракции Учредительного Собрания п. с.-р., состоявшее по официальным протоколам «Партийных Известий» из следующих лиц: Аргунова, Архангельского, Быкова, Вишняка, Вольского, Гавронского, Гендельмана, Гуревича, Дедусенко, Ельяшевича, Зензинова, Коварского, Колерова, Кручникова, Коган-Бернштейна, Лихача, Лорд-Кипанидзе, Латочникова, Маслова, Моисеенко, Покровского, Пурпянского, Ракитникова, Розенблюма, Романенко, Руднева, Слетовой, Сорокина, Тимофеева, Фундаминского и Чернова. В президиуме состоят: Руднев, Коварский, Дедусенко, Гендельман, Слетова и Колеров.

После VIII Совета партии Дедусенко и Маслов были отправлены в Архангельск, Руднев и Шрейдер—на юг, а остальные за Волгу.

II. Военная работа партии с.-р. за период 1917—18 года.

Петроградский период.

В области военной и боевой работы с начала октябрьского переворота, т.-е. с 25 октября и затем в течение всего 1918 года, деятельность партии выразилась в организации вооруженного восстания против Советской власти, в сношениях с белогвардейскими контр-революционными организациями, в военном шпионаже и в переброске и отправке на антисоветский фронт контр-революционных элементов в целях усиления организаций, находившихся в состоянии вооруженной борьбы с Советской Россией, в подрывной работе в тылу Красной армии, и, наконец, в общей пропаганде и агитации среди воинских частей с призывом к свержению Советской власти и активному сопротивлению Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Первоначально военная и боевая работа была сосредоточена, главным образом, в центрах, в Петрограде и Москве, но с половины 1918 года партия переносит центр тяжести работы на окраины, в целях наиболее успешной подготовки восстания, и укрепляют связи со своими союзниками, стремившимися к общей цели—свержению власти Советов.

В соответствии с этим военная работа п. с.-р., в связи с участием в ней отдельных членов партии, разделяется на несколько отдельных периодов.

Начало открытой военной работы было положено еще февральской революцией, когда, с падением тягостных пут старого порядка, и свободой политической агитации в воинских частях, работа всех партий в войсковых частях выразилась в создании среди них партийных ячеек и в борьбе за влияние. Однако логика этой военной работы неминуемо должна была приводить к попыткам двинуть организованную военную силу в момент, когда стечение об'ективных обстоятельств и призыв Ц. К. сделают такое выступление необходимым. В разгар политической борьбы и политических страстей, в особенности с момента попытки демонстрации рабочих масс 9 и 17 июня и попытки июльского вооруженного выступления,—в особенности с этого последнего момента вопрос о степени и силе влияния политической партии и воинских частях, фактически претворился в вопрос о реальной ее силе, об обеспечении ее притязаний в политической борьбе с противниками. В силу этого еще на III с'езде п. с.-р., а тем более на IV, вопрос о работе в войсках получил первостепенное значение и для нее была создана тогда же специальная организация под именем «Военной Комиссии при Ц. К. п. с.-р.».

Выше приводилось уже свидетельство одного из членов этой Комиссии—Паевского и Семенова—о том, что на эту Комиссию выпала основная работа немедленно же после Октябрьского переворота, когда ее роль, логикой событий, невольно выдвинулась на первый план. С момента, когда руководители Военной Комиссии при Ц. К. начали вести свое дело уже не как вообще агитаторы-пропагандисты, а как члены организации, имеющей задачей определенную вполне конкретную цель—свержение власти Советов—они также подлежат уголовной ответственности на-ряду и с инициаторами самой работы—членами Ц. К. В этом отношении следствием установлены следующие факты:

В ночь на 25 октября 17 года, после переворота и перехода власти в руки Советов, среди петроградских членов партии с.-р. царила, по словам Семенова, «полная растерянность и хаос». Такое же настроение было в Пленуме Ц. К., который беспрерывно заседал, но не мог притти ни к каким определенным решениям. Однако большинство военных работников партии признавало необходимым организовать стоявшие под Петроградом войска, образовать отдельные войсковые об'единения реакционно настроенных частей, при чем предлагалось убедить их в необходимости выступления, доказывая им, что большевистский переворот является насильственным захватом власти кучкой петроградских рабочих (брошюра Семенова, стр. 5). С этой целью Семенов выехал в штаб Северного фронта, где узнал, что в Пскове был Керенский, который решил двинуть на Петроград 3-й конный корпус Донских казаков. Из Пскова Семенов поехал в штаб этого корпуса в Остров, где об'ехал 3—4 сотни казаков и призывал их к выступлению. Из Островской войсковой части Семенов выехал в Гатчину, а затем, узнав, что Керенский был уже в Царском Селе, направился туда. В тот же день в Царское Село приехали члены Ц. К. Гоц и Фейт. Оставив Фейта организовать «общественное мнение», Семенов и Гоц совместно отправились на автомобиле на фронт, но ввиду полученных по пути сведений, что один из стоявших в Царском Селе запасных пехотных полков настроен против Временного Правительства, Семенов и Гоц вернулись, при чем Гоц в Царском Селе выступал с речью перед полком, импонируя своим положением в Ц. К. и своим политическим прошлым, но успеха на этом последнем выступлении не имел. Только благо-

даря выступлению некоторых представителей полкового комитета удалось переломить настроение полка. После этого Гоц уехал в Гатчину на свидание с Керенским, а Семенов организовал Комитет 4-й Донской дивизии 3-го корпуса и принял участие в выработке воззвания, содержавшего призыв к выступлению против новой власти. После этого Семенов отправился в Гатчину, куда приехал и член Ц. К. Чернов для совещания с Керенским.

Эти факты представляют картину той лихорадочной агитационной работы, которую развивали отдельные члены организации в момент, непосредственно следовавший за переворотом, для подготовки контр-революционного выступления. Чрезвычайно характерным является здесь признание, что для борьбы с новой властью с.-р. поневоле вынуждены были в первую голову, в интересах скорейшего контр-революционного удара, обратиться именно к наиболее реакционно настроенным частям, т.-е. к казакам, на другие части, видимо, они совершенно надеяться не могли, но и эти «реакционные части» так же изменили, и движение против большевиков окончилось неудачей.

В Петрограде к этому времени уже был организован Комитет Спасения Родины и Революции, который немедленно попытался установить связь между окружавшими Петроград контр-революционными войсками и движением внутри Петрограда. Эту связь поддерживал также лично и Семенов. Получив в Комитете Спасения сведения, что стоящая под Псковом дивизия настроена против большевиков, Семенов вновь уехал из Петрограда, надеясь, что удастся двинуть части этой дивизии на Петроград. Приехав в Псков и узнав, что политический центр контр-революции создается в Могилеве, что туда уже уехали Чернов и Гоц, Семенов двинулся в Могилев, где застал Чернова, Гоца, Герштейна и Авксентьева.

Неудача постигла и в Могилеве. После попытки организовать там сопротивление Семенов и Герштейн уехали обратно в Петроград. Эти показания Семенова рисуют картину того, что делали с.-р. за пределами фронта и что делали с.-р-ские организации внутри Петрограда в этот же самый момент, рисуют показания других лиц. Председателем военной комиссии при Ц. К. состоял в это время Герштейн. Он сообщил, что командующим всеми войсками с.-р-ов Ц. К. назначает члена военной комиссии Краковецкого, адъютантом последнего был Кашин, также входивший в состав военной комиссии. Таким образом обоих руководителей мятежа дала с ведома Ц. К. партия с.-р-ов.

На другой же день после октябрьского переворота в военной комиссии при Ц. К. обсуждалось положение дел, при чем член комиссии Брудерер высказал мысль о необходимости произвести контр-переворот. Эту мысль поддержали секретарь военной комиссии Ракитин-Броун и Краковецкий. Для связи военных частей были назначены дежурства в течение трех дней 27—29 октября. Первоначально организация восстания проектировалась членами комиссии самостоятельно, и Ц. К. официально не давал своей санкции. Но за тем в дело официально вмешался Гоц, который заявил, что Комитет Спасения Родины и Революции назначил руководителем восстания полковника Полковникова. И хотя Ракитин и Краковецкий протестовали против этого назначения, Гоц предложил им подчиниться решению в порядке партийной дисциплины. Тогда Полковникову были переданы все сведения, касающиеся подготовки к выступлению, спешно был отпечатан боевой приказ о выступлении и разослан в военные части. Восстание было организовано при участии юнкеров Константиновского артиллерийского училища, Владимирского пехотного училища, Николаевского инженерного училища и др. Рано утром были захвачены по определенному плану Михайловская броневая дивизия и телефонная станция. Эти первые шаги восставших оказались удачными. Ракитин-Броун составил известный приказ по Петрограду о свержении большевистской власти и восстановлении власти Временного Правительства, тот самый приказ, по поводу которого на другой

день появилось отречение Авксентьева и Гоца (показание Ракитина, т. 2, л. 33—35, показание Краковецкого, т. I, л. 317).

Восстание было ликвидировано ввиду неорганизованности, самими стихийно восставшими, как показывает Ракитин, против него рабочими, матросами и солдатами.

Эти показания, живо рисующие всю картину событий в ночь на 29 октября и следующий день, устанавливают, что конкретно осведомленными лицами о подготовке и протекании этого восстания являлись из членов Ц. К. Герштейн и Гоц.

Семенов, однако, был не единственным из тех эмиссаров, которые рассылались в то время из Петрограда для поднятия войск. Герштейн, официальный представитель от Ц. К. тогда же командировал Паевского в город Везенберг, ввиду полученных сведений, что там стоит одна дивизия, которая ждет приказа Ц. К., чтобы двинуться на Петроград. Вместе с Паевским Герштейн командировал некоего Мартынова. Однако оказалось, что в Везенберге стояла дивизия из украинцев, которые стремились попасть куда угодно, только не в Петроград, и единственно мечтали пробраться к себе на родину. Тому же Паевскому Герштейн дал поручение поехать в Псков для выяснения количества ударников, готовых выступить на защиту Ц. К. по его призыву. И эта попытка окончилась неудачей, так как командир Псковского батальона заявил Паевскому, что реальных сил у него нет и что батальон отправляется по домам (показание Паевского, том 2, л. 56—57).

После 4-го с'езда, когда на приведенных выше примерах так ярко сказались полная неорганизованность и бессилие военной комиссии, последнюю было решено реорганизовать. В задачу комиссии входила организация военной силы в Петрограде для вооруженной защиты Учредительного Собрания и вооруженная ликвидация Советской власти (брошюра Семенова, стр. 7—8, показания Городского, т. II, л. 24—26). Тогда-то Паевский и был избран в Военную комиссию.

Помимо военной комиссии при Ц. К. действовала в Петрограде еще Петроградская военная комиссия, работавшая независимо. Перед самым созывом Учредительного Собрания была созвана конференция военных работников, после чего Петроградская военная комиссия реорганизована. В эту комиссию по избранию конференции военных работников, вошли: Болдырев, Леппер, Усенко, Семенов, Прокофьев, Фалунин, Иван Кашин, Мавринский и Архипов. В бюро военной комиссии вошли Болдырев, Семенов и Усенко. Наиболее активными работниками Семенов указывает тут Леппера, Дмитрия Соколова, Бпанки, Усенко, Ковалева, и Фалунина (т. I, л. 28, показания Семенова, и т. I, л. 24, показание Городского). Эта комиссия вела работу также по установлению связи в полках Петроградского гарнизона, при чем особое внимание она сосредоточила на броневых и технических средствах в соответствующих частях и на Семеновском полку, где была организована ячейка.

Особо были организованы ячейки в Семеновской, Преображенском, Волынском, Гренадерском и Измайловском полках и в Моторно-понтонном, в химическом и саперном батальонах, в Московском запасном электрическом батальоне и 5-м броневом дивизионе. В качестве об'единяющего центра для всех войсковых частей, в которых велась агитация, было образовано гарнизонное совещание из представителей этих частей. На этом совещании производился реальный учет сил и намечался план дальнейшей работы. На этом совещании присутствовал обычно представитель Петроградского Комитета Борис Флекель, а иногда и представитель Ц. К. (т. I, л. 29, показания Кононова, т. I, л. 125).

После 4-го партийного с'езда, когда из военной комиссии после неудачного восстания выбыли Краковецкий, Броун и Брудерер, в комиссию вошли Дашевский, Борис Соколов, Семенов,—солдат интеллигент Дмитрий Мерхалев, Зайцев и Смиренин, полковник Цион, Никоноров, Его-

ров и Паевский (показания Семенова, т. I, л. 28, и показания Торбек, т. I, л. 85).

В бюро комиссии вошли теперь Борис Соколов и члены Дашевский и Семенов. На заседаниях всегда присутствовал член Ц. К. Герштейн. Изменились с этого момента и методы борьбы. Место политической агитации и открытой борьбы идей заняла теперь подпольная конспиративная работа, соединенная со всеми ее характерными признаками. Военная комиссия решила организовать разведывательный отдел и с этой целью в штаб Красной гвардии был направлен с предательским письмом офицер, которому удалось в штабе получить назначение, на пост помощника Мехоношина. От этого офицера комиссия получила через Соколова регулярные сведения о положении дел в Красной армии (показания Семенова, т. I, л. 28—29; показания Дашевского, т. I, л. 92).

В то же время военная комиссия организовала в помещении курсов Лесгафта фиктивный солдатский университет на 2. 000 человек, в расчете стянуть в Петроград с фронта сочувствующих с.-р-ам солдат. Активное участие в организации университета принимала Лидия Коноплева (показания Семенова, т. I, л. 28—29, и допрос Келлера 4 мая 1922 года). В «Партийных Известиях» № 5, от 20 января, в постановлении военной секции 4-го с'езда партии с.-р-ов мы действительно находим резолюцию, которая основной задачей военной комиссии указывает установление самой тесной связи с местными военными организациями, при чем в состав военной комиссии вводится представитель Ц. К. п. с.-р. и представитель фракции с.-р. Учредит. Собрания. В проекте положения о военной комиссии значится, что военная комиссия автономна в технической части деятельности и только в общеполитической части следует директивам Ц. К. При сравнении имен, названных Дашевским и Семеновым, с именами, приведенными выше в официальных протоколах с'езда разница получается только в двух именах: Рожнова, которого Семенов указывает вместо Ратнова, и Никоноров вместо Никифорова, как показывает Семенов.

Мало-по-малу работа комиссии принимала все более боевой и технический характер, все далее отходя от первоначальной задали агитации и пропаганды. По показаниям Коноплевой (т. I, л. 68), при стягивании сил в солдатский университет, где работой руководила Коноплева, туда приносилось оружие, гранаты и капсюли. На заседаниях военной комиссии кроме Герштейна из членов Ц. К. бывали Гоц и Лихач (показания Дашевского, т. I, л. 192, Паевского, т. II, л. 54, и Коноплевой, т. I, 68).

В результате военной работы перед открытием Учредительного Собрания в Петрограде была подготовлена почва в нескольких воинских частях для выступления на случай разгона Учредительного Собрания, именно в 5-м броневом дивизионе в Семеновском и Преображенском полках, и было подготовлено человек 80 боевиков.

Центральный Комитет через Герштейна предложил тогда военной комиссии согласовать ее работу с работой военного отдела Комитета Спасения Родины и Революции, после чего было устроено совместное заседание бюро комиссии и военного отдела Комитета дня за два до Учред. Собрания. В этом заседании участвовали: Дашевский, Мерхалев, Сургучев, Семенов, Сергей Маслов и Онипко. В штаб были избраны подполковник Генерального штаба Параделов, Онипко и Семенов (т. I, л. 29). Штабом был выработан план выступления в защиту Учредит. Собрания. В выступлении должны были участвовать броневая дивизия, Семеновский и Преображенский полки и боевые дружины. В помещении партийного Московского городского района состоялось гарнизонное совещание, на котором присутствовали от Петроградского Комитета Флекель и от Ц. К.—Лихач. Накануне предполагаемого выступления Семенов запросил согласие Ц. К., на что Гоц от имени Ц. К. ответил, что, ввиду недостаточности реальных сил, Ц. К. не считает воз-

можным взять на себя инициативу вооруженного выступления, но предложил военной комиссии тоже быть наготове и в случае массового стихийного активного выступления взять руководство в свои руки.

Вышеприведенными показаниями Паевского, однако, устанавливается, что в день выступления все было готово, дружинники были созваны из районов и сосредоточены в помещении Московского городского района. В Семеновский полк был послан входивший тогда в военную организацию Ефимов, склонявший полк к выступлению.

Подробное изложение планов восстания имеется в показаниях Семенова и в его брошюре (т. I, л. 29). в показаниях Дашевского (т. I, л. 19 51), показаниях Кононова (т. I, л. 124) показаниях Ефимова (т. I, л. 91), показаниях Паевского (т. I, л. 45) и показаниях Городского (т. I, л. 23). После разгона Учред. Собрания руководство работой военной комиссии взял на себя, по поручению Ц. К., член Ц. К. Донской. К этому времени часть членов военной комиссии выбыла из ее состава,—Мерхалев, Зайцев и Борис Соколов и вместо них в комиссию были кооптированы Лепнер и Коноплева. В бюро военной комиссии теперь входили: Семенов, Дашевский и Лепнер. Гарнизонным совещанием, в целях конспирации, работа была распределена по районам. Работа комиссии стала вестись по отделам, при чем главное внимание было обращено на работу в красноармейских частях. С другой стороны, особое развитие получила та часть работы, которая была начата введением в состав красноармейского командования своих людей; при чем благодаря офицеру, являвшемуся помощником Мехоношина, военной комиссии удалось провести на ответственные командные должности своих людей. Таким образом получили назначения поручик с.-р. Тисленко, полковник Карпов, Блюменталь, Прокофьев и Попов (все в деле не фигурируют).

Кроме красноармейского отдела были созданы отделы—технический, броневой, штабной и окружный. Работа расширилась и приняла более дифференцированный и специальный характер. Техническим Отделом руководил Усенко, активное участие в нем принимал комендант моторно-понтонного баталиона прапорщик Мавринский. Броневым отделом первое время руководил Келлер, а затем—Виктор Шкловский и его помощник Берман. В том же отделе активным работником был Колховский. Благодаря работе Шкловского при отделе был создан свой нелегальный запасный броневой дивизион, состоявший из старых броневиков, числом в 40 человек, вполне надежных и хорошо дисциплинированных. Это была действительно реальная сила для уличного боя.

Штабной отдел имел руководителем члена Петроградского Совета Ковалева; он вел работу в Генеральном штабе, в Главном штабе и в штабных учреждениях. Кроме Ковалева активную работу в отделе вели Донченко, Сотников и Борисенко, из которых последний был председателем ячейки штаба.

Руководителем окружного отдела был прапорщик Дмитрий Соколов, командир баталиона тяжелой артиллерии. Окружный Отдел установил связь с войсковыми частями, стоявшими под Петроградом, в Царском, в Гатчине, в Красном Селе и Ораниенбауме. Активными работниками были—прапорщик Иванов и Бианки, Дмитрий Соколов, который состоял в то же время начальником охраны на орудийном заводе, у Литейного моста, организовал там свой отряд. Руководители отделов составляли военный совет, в который входили Тисленко, Леппер, Ковалев, Усенко, Дмитрий Соколов, Келлер, Коноплева и Кононов, как руководитель боевой дружины. Председателем совета был Семенов. В качестве представителя Ц. К. входил в состав Донской, которого иногда заменял Рабинович.

При военной комиссии имелся еще отдел литературно-издательский и боевой. Боевой вел работу по организации боевых дружин и особенно развил свою деятельность, когда во главе его встал Семенов. В этот отдел входил каторжанин Кашин. Литературно-издательский отдел просуществовал до февраля и выпустил несколько листовок, содержавших воззвание к солдатам о свержение большевиков.

При военной комиссии, наконец, имелось паспортное бюро, у которого были свои фальшивые печати, литера для проезда и удостоверения на право ношения оружия. Бюро помещалось сначала в квартире Бермана, а затем в квартире прапорщика Тягунова (показания Соколова, т. I, л. 88, показания Коноплевой, т. I, л. 68 и 391, и допрос Келлера 4 мая).

На этой-то работе, при разветвлении связи в Преображенском, Семеновском и Волынском полках, Военной Комиссии пришлось столкнуться с деятельностью внепартийной организации Филоненко, о которой говорилось выше. С ведома Ц. К. П. С.-Р. сотрудничество с ней в Семеновском, Преображенском и Волынском полках велось Военной Комиссией. Однако это сотрудничество не было только мирным содружеством, это был тесный контакт в плоскости практических выступлений. Когда в апреле 1918 года ожидалось разоружение Преображенского полка, организация Филоненко проектировала воспользоваться этим моментом для вооруженного выступления против Советской власти, считая, что после поднятия мятежа к Преображенцам присоединятся Семеновцы и Волынцы. Этот план осуществился Военной Комиссией, которая передала этот проект на одобрение Ц. К. П. С.-Р. через Донского. Ц. К. также дал свою санкцию. Это была третья попытка организации вооруженного переворота. Военной Комиссией при этом было предположено бросить в дело свой Броневой дивизион и боевые дружины, которые было поручено созвать Кононову. Выступление и на этот раз, как оказалось, не состоялось, так как Преображенцы были разоружены внезапно ночью и не оказали сопротивления. Боевых дружин Кононов созвать не мог, и единственной реальной силой был только Броневой дивизион. Вскоре после этого неудачного выступления Филоненко, опасаясь ареста, вышел из организации, и его организация распалась (т. I, л. д. 28, 201, 319 и 22).

После этого еще раз был изменен план работы. На этот раз имели в виду постоянно встречающуюся потребность быть с минуты на минуту на чеку. По постановлению бюро Военной Комиссии Петроград, в целях районирования работы, был разделен территориально на комендатуру, во главе каждой комендантуры стоял комендант, назначаемый бюро Военной Комиссии, который руководил военной работой. Такими комендантами были с.-р.: прапорщик Изотов, поручик Ганжумов, прапорщик Гинзбург, Шкловский и Канегиссер — с.-р.

Для организации выступления был создан боевой штаб, в который вошли, по соглашению бюро Военной Комиссии с членами Ц. К., Дашевский, Постников, Леннер и Виктор Шкловский. Имелось в виду при этом ввести еще в боевой штаб и Верхоского. Но эта мысль была оставлена, т. к. Верховский выступление против Советской власти представлял себе как чисто военный переворот, а Военная Комиссия все же имела в виду «выступление широких народных масс». Одновременно Бюро Военной Комиссии вошло в переговоры с начальником обороны Северного фронта Парским, который обещал Военной Комиссии свое содействие, в случае выступления таковой. Переговоры с Парским вела Лидия Коноплева через одного штабного офицера.

Итак, организация военно-конспиративных ячеек, проведение на командные посты своих людей, шпионаж внутри штаба, связь с откровенными белогвардейскими организациями, вроде организации Филоненко, и, наконец, подстрекательство к измене и предательству и переговоры об этом с виднейшими представителями верховного командного состава, выработка технических планов к выступлению,—вот к чему и в каком направлении велась работа Военной Комиссии при Ц. К. за этот период. Согласно

свидетельским показаниям и документальных данных, такая работа происходила не только в Петрограде, но и в его пригородах, при чем Военной Комиссией для работы во флоте был специально организован Морской Штаб, который вел агитационную и организационную работу в минной дивизии и на судах, стоящих в Петербургской гавани и Кронштадте. Руководители этой работы был Семенов, активное участие принимала Коноплева, которая вела работу в Балтийском флоте.

Вся работа, как в красноармейских частях, так и во флоте, велась с целью подготовки вооруженного восстания. В боевой штаб в начале февраля 1918 г. был дополнительно введен Берман, которого Семенову рекомендовал Постников (т. I, л. 29—показания Коноплевой, т. I, л. 385—показания Бермана, т. II, л. 59).

Как чисто техническому органу, автономному в своих технических вопросах и подчиненному Ц. К. только в области политической, Военной Комиссии не приходилось долго останавливаться на вопросах, с кем ей приходится сталкиваться в этой работе. Тем не менее, когда она столкнулась с организацией Иванова (см. выше общую часть) и Семенов и Лепнер предложили воздержаться от работы с ней, и, в особенности, от «возможности получения от нее денег» темного происхождения, как говорил Лепнер. В ответ на это член Ц. К. Донской заявил, что деньги не пахнут. Денег, однако, от указанной организации Военная Комиссия получила около 40—50 тысяч. (Показания Семенова, т. I, л. 29; пок. Игнатьева, т. I, л. 262; показания Верховского, т. I, л. 271; показания Иванова Николая, т. I, л. 337).

Военная Комиссия с.-р-ов вела работу совместно с ней, не как с второй параллельной организацией, с которой она столкнулась на одном деле, но как со единенная организация постольку, поскольку, по указаниям Игнатьева, Верховского и Семенова, как раз в момент волнений на Обуховском заводе у них за Невской заставой состоялось совместное совещание, на котором обсуждался план совместной подготовки вооруженного восстания и его руководства на случай, если бы восстание вспыхнуло. И чем дальше, однако, развивалась работа Комиссии, тем дальше и больше ей приходилось втягивать в этот об'ективно неизбежный блок с работой черносотенных и белогвардейских организаций. Ц. К. партии с.-р., в лице Гоца, проводил, однако, совершенно ясную линию о безусловной обязательности самого тесного контакта, если не прямого слияния с деятельностью этих организаций. Так Гоц от имени бюро Ц. К. дал Военной Комиссии директивы координировать свою работу с работой военного отдела Союза Возрождения (см. ниже) и предложение выработать смету на военную работу по Петрограду. В связи с этим сотрудничеством в Петрограде весной 1918 года организовался также военный штаб Союза Возрождения. В состав военного штаба вошли Гоц и полковник Постников, от с.-р-ов—Игнатьев, Верховский и генерал Суворов.

История финансирования и источники подробно выясняются ниже в разделе о связи партии с.-р. с белогвардейскими организациями и союзами. Здесь достаточно сказать, что из Петрограда при от'езде Гоца Военной Комиссией было получено через Игнатьева 10 тысяч р. на военную работу. (Показания Семенова, т. I, л. 28; Игнатьева, т. I, л. 259—261; Верховского, т. I, л. 271; Коноплевой, т. I, л. 378, ее же показания от 9 мая с. г.).

Для разрешения вопроса о вооруженном выступлении, когда началась забастовка по Невско-заставскому району, было созвано тогда же Военной Комиссией совещание из представителей Военной Комиссии, Петроградского бюро Ц. К. и П. К. На этом совещании от Ц. К. были Гоц и Донской, от Ц. К. Чайкин и Флекель, от Военной Комиссии Семенов и Коноплева. Совещание отклонило всеми голосами против Семенова намеченное выступление (пок. Семенова, т. I, л. 33, Коноплевой, т. I, л. 391).

Другой случай, когда вопрос о выступлении поднялся в партии с.-р. произошел в июне месяце, после убийства Володарского, в связи с ожидавшимся разоружением минной дивизии и брожением среди матросов. Чтобы выяснить положение дела, бюро Ц. К. п. с.-р. через Рабиновича предложило Семенову поехать в дивизию и на месте узнать о настроении матросов. Семенов дал поручение Коноплевой и Ганжумову об'ехать суда, стоявшие у Обуховского канала, а сам отправился на суда, стоявшие у Невской заставы. Для разрешения вопроса о выступлении было вновь созвано совещание из представителей военной комиссии, бюро Ц. К. и П. К., где присутствовал Гоц от бюро Ц. К., Флекель от П. К., Семенов, Коноплева—от военной комиссии, Берг—в качестве представителя собрания уполномоченных и Ганжумов—в качестве коменданта Обуховского завода. Вопрос о выступлении был также отклонен большинством голосов, за исключением только голосов Семенова и Коноплевой. Разоружение минной дивизии, арест Лепнера и Постникова и другие разоружения полков, находившихся под влиянием с.-р-ов, лишили военную комиссию почвы для дальнейшей работы, и военную комиссию в Петрограде решено было ликвидировать (показания Семенова, т. I, л. 35, Коноплевой, т. I, л. 391, и ее же показания от 9 мая).

Этим заканчивается петроградский период работы с.-р. в 1918 г.

Одновременно, в качестве частного ответвления общественной работы, производилась организация боевых дружин, которым предназначалась роль боевых авангардов в момент вооруженного выступления (показания Семенова, т. 22). Организованы они были первоначально в декабре 1917 года для защиты Учредительного Собрания на случай его разгона. Первым организатором дружины был назначен, с ведома члена Ц. К. Герштейна, Паевский, его помощником член Учредит. Собрания Фомин. За непригодностью Паевский вскоре был отставлен и на его место назначен Кононов, а последнего заменил, также за непригодностью его, прапорщик Блюменталь, после чего руководство дружинами с конца марта взял на себя Семенов. Дружины были разделены по районам и во главе каждой дружины при Семенове стоял начальник, как при Кононове районный организатор. По показаниям Кононова, 1-е предложение собрать боевую дружину в декабре 1917 года было сделано ему членом Ц. К. Донским и Флекелем. Организаторами этих отдельных дружин у него были в Колпинском районе—Усов, в Алексеевском—Новиков и в Нарвском—Ветров, в Московском—Зеленков, в Выборгском—Томашевич, в Петроградском—Кузмин.

При Семенове начальниками дружины были: в Выборгском районе—Томашевич, в Невском—Сергеев и Федоров-Козлов, в Нарвском—Гладков, в Московском—Вакулин, в Обуховском—Гребенщиков, в Василе-Островском—Морачевский и в Колпинском—Усов. Кроме указанных лиц, организатором движения на Васильевском Острове был Зейман.

В связи с решением Ц. К. перенести центр тяжести военной работы на фронт и ликвидировать военную комиссию, было решено организовать из боевиков боевой рабочий отряд и также перебросить его на фронт. (Т. I, л. д. 21, 24, 29, 35, 54, 69, 91, 119).

Этими данными, выясненными предварительным следствием в отношении военно-боевой работы Ц. К. П. С.-Р. в Петрограде с 25 октября 1917 года до половины 1918 года, устанавливается характер этой работы, ее содержание, методы и конкретные деятели, а именно—из фигурирующих в деле члены Ц. К.: Гоц, Донской, Герштейн и Лихач. Члены иных организаций п. с.-р.: Семенов, Коноплева, Дашевский, Кононов, Ефимов, Усов, Козлов и Морачевский. Члены иных партий—Игнатьев.

III. Военная работа в Москве в 1918 году.

Чисто военная работа в Москве отнюдь не носила того размаха и размера, как работа в Петрограде. Отчасти это об'яснялось вообще ослаблением организации, отчасти

естественным развитием событий, все более и более выяснявшим действительную сущность эс-эров, в связи с резким поворотом их после Брестского мира в сторону союза с Антантой и проповедью нового возобновления войны. Солдатские массы за такую проповедь пойти не могли. В результате, начиная с Московского периода, после VIII Совета резко начинает изменяться и самый характер работы. Если Петроградский период представляет собою картину постоянного преобладания тенденции технически-заговорческой над тенденцией пропагандистской и агитационной, а связь с чуждыми по духу эс-эрам организациями, вроде Филоненковской или Ивановской, остается случайной, то в Московской и, в особенности, в последующий период второй половины 1918 года эта последняя становится преобладающей и, наоборот, работа самостоятельная по организации трудовых масс красноармейцев почти совершенно исчезает. Работа получает характер работы вместе с белогвардейцами, с белогвардейским материалом и на белогвардейцев, которым эс-эры приносят в дар весь свой громадный опыт конспиративной подпольной работы, систему явок, паролей, конспиративных квартир, переправляют белогвардейцев через фронт, снабжают паспортами и т. д. Одновременно еще более развивается тесный союз на верхах через Союз Возрождения и связь с союзниками. Вот почему в этот период почти невозможно различить связь с белогвардейцами и союзниками, и военную работу их поневоле приходится рассматривать и устанавливать совместно, как единый и нераздельный факт. В первое время Московского периода эта черта еще не была достаточно выпукло выявлена, что дает некоторую возможность их в определенной степени разграничить.

В Москве в первый период непосредственно после октябрьского переворота и до весны 1918 года военная работа, после страшного поражения, понесенного эс-эрами в момент поднятой ими кровавой борьбы за власть в октябрьские дни, велась, по показаниям свидетелей, довольно слабо, повидимому, без всякого плана, и находилась в хаотическом состоянии.

За этот период времени в Москве существовало несколько военных организаций, «откровенно реакционных», по характеристике Дашевского, и «квази-демократических». В этих организациях было довольно много эс-эрствующих элементов. Некоторые из наиболее активных членов правой группы фракции с.-р. Учредительного Собрания поддерживали связи с этими организациями, надеясь использовать их в борьбе с большевиками.

В Московском Комитете П. С.-Р. в то время видную роль играл Григорий Ратнер, который вел политическую работу среди рабочих. В конце января или в начале февраля бюро фракции п. с.-р. Учредительного Собрания обратилось в Московский Комитет с предложением прислать своего представителя в организуемую фракцией военную группу; Ратнер отправился с информационными целями и убедился, что никакой реальной работы фракция не ведет, но узнал, что у фракции все же имеется значительное количество оружия, в том числе пулеметы и средства к получению оружия через Брешко-Брешковскую из американских источников. Вскоре, однако, эта работа прекратилась и сама военная группа распалась. Руководителем всей военной работы в Москве с января был доктор Андрей Ильич Фейт. Кроме того, продолжали все еще иметься остатки военных организаций, со времени октябрьских дней,—эти организации также скоро распались, ввиду «отсутствия директив о вооруженной борьбе и неиспользования всех имеющихся в распоряжении сил, когда это можно было», как показывает участник этих организаций Несмеянов. (Т. I, л. д. 84, 163, т. I, 85, т. II, л. д. 7).

Конкретно, по показаниям Ратнера, работа велась Давыдовым, Агаповым—в качестве руководителя, Несмеяновым, Горьковым и Либеровым, у которого была явочная квартира для связи с провинцией.

Ц. К. П. С.-Р., получив сведения о составе Московских организаций и их недостаточной выдержанности в политическом отношении, решил положить конец этой «кустарной» работе и вызвал в Москву Дашевского, которому вместе с Моисеенко и Зензиновым было поручено пересмотреть весь личный состав офицерских организаций

и произвести в них основательную чистку; Дашевский вел организационную работу, Зензинов фактически уделял мало времени работе, Моисеенко же вел «высокую политику» и сносился с «верхами». Тогда же была им завязана довольно прочная связь с организацией полковника Ткаченко, генералом Болдыревым—впоследствии один из активнейших деятелей Союза Возрождения и член Уфимской Директории—и с Савинковскими организациями. Таким образом, работа «по чистке», видимо, привела не к разрыву, а еще к большему укреплению черносотенно-эс-эровского блока. Не случайный, а постоянный и систематический характер эти связи—следует полагать—начинают приобретать именно с этого момента.

Одновременно получает дальнейшее развитие и та часть военной работы, которая только в неясных еще контурах намечалась в Москве, а именно—по организации предательства и шпионажа в Красной армии.

Здесь начинается знакомство с Махиным, впоследствии известным предателем Уфы. Через Махина, занимавшего ответственный военный пост, начинается насыщение Армии «своими людьми», и, наконец, сам Махин получает директиву от Ц. К. п. с.-р., переданную Дашевским от члена Ц. К. Тимофеева,—принять назначение на Восточный фронт и действовать сообразно с обстоятельствами. (Т. I, л. д. 200).

По показаниям Дашевского, через того же Махина была организована «разведка», заключавшаяся в получении «информации по военным делам», и, при помощи связи с двумя телеграфистами, военная комиссия имела в своем распоряжении военные телеграммы и сводки.

Активными пособниками Дашевского были Минор и Агапов. После от'езда Дашевского в Саратов, работа на время заглохла и снова возобновилась только по приезде из Саратова Донского, вызванного в Москву Московским Бюро Ц. К.

Квартира члена организации Снежко-Блоцкого стала теперь явочной квартирой Донского. На самого Снежко-Блоцкого была возложена обязанность «добывать сведения о положении Красной армии на фронтах». «Эти сведения—говорит Снежко-Блоцкий,—были нам нужны потому, что мы в Советской России составляли как бы военный фронт во вражеском лагере». Для этой цели член Учредительного Собрания Толстов связал Снежко-Блоцкого с упомянутыми почтово-телеграфными чиновниками, которые за деньги доставляли военно-оперативные сводки о положении на фронтах. Деньги отпускал Донской. Помощником Снежно-Блоцкого был А. В. Вольский. Кроме того, Семенов свел его еще с одним сотрудником комендатуры штаба Красной армии, доставлявшим сведения о положении Красной армии в Московском районе.

Связь между Донским, как членом Ц. К.. и военными работниками держал Агапов. Помощником его и кассиром был Минор. Этот последний в свою очередь был связан с французской миссией и получал деньги от Союза Возрождения и французов. (Т. I, л. д. 156).

Сообразно изменившемуся характеру работы, основная работа теперь, по показаниям Ратнера, заключалась уже не в агитации и пропаганде среди солдатских масс, а переправке через фронт белогвардейских элементов через Саратов, где вел работу Дашевский. Перебрасывались, главным образом, кадровые офицеры. Ратнеру, бывшему недовольным таким поворотом вещей, Тимофеев указал, что им «нужны в Самаре не партийные товарищи, а деловые военные люди, без которых создать армию невозможно». (Т. I, л. д. 200).

Ввиду такого поворота работы центр ее поневоле перенесся в провинции и на фронты и работа в Москве свелась только к направляющему руководству и разрешению вопросов упомянутой «высокой» политики на заседаниях военных штабов, Союз Возрождения, «нотам» и «договорам» с «союзными державами».

Поскольку все эти факты уже не имеют непосредственного отношения к военной работе, как таковой, в ее понимании, согласно директивам IV Партийного С'езда и первого периода после Октября,—постольку указанные факты подлежат особому обследованию, совместно с обследованием связи отдельных деятелей партии эс-эр, с

контр-революционными организациями, и изучению и установлению таких же фактов сношений этих отдельных лиц с агентами иностранного капитала в России в лице представителей союзных миссий.

Из членов Ц. К. п. с.-р. за эту военную деятельность подлежат ответственности— Донской, Тимофеев и член Московского Бюро Ц. К. Ратнер; члены иных организаций п. с.-р.—Агалов, Либеров, Дашевский, Горьков-Добролюбов и Семенов.

IV. Военная и боевая работа организации п. с.-р. в связи с белогвардейскими организациями и союзниками. Финансирование п. с.-р. союзниками и белогвардейцами.

1. Петроградский период.

О первых шагах по установлению связи с буржуазными организациями выше уже упоминалось. В комитете Спасения Родины и Революции, организовавшийся в момент переворота и включавший в себя всех от к.-д. до с.-р., входили члены Ц. К. п. с.-р. Гоц и Авксентьев. «Президиум комитета,—говорит Игнатьев,—выделил военную организацию, в которую я первоначально не вошел. Руководителями всего дела были с.-р. и их же представитель Флекель (он же член Петроградского Комитета п. с.-р.) был управделом Комитета Спасения Родины и Революции». По показаниям Коноплевой, Флекель предложил ей нести активную работу в организации, от чего она тогда отказалась. Тот же состав Комитета подтверждает бывший меньшевик Гомбарг. К концу декабря 1917 г., по показаниям Семенова, Ц. К. официально через члена Ц. К. Гертейна предложил своей Военной Комиссии координировать свою работу с работой военного отдела Комитета Спасения Родины и Революции и наметить соответственно с этим отделом военный штаб. Факт совместных действий и совещаний по координированию работ вплоть до создания для обеих организаций одного боевого штаба в лице Параделова, Онипко и Семенова, также установлен выше. По сообщению Сомова, военный отдел Комитета имел в своем распоряжении ударную роту из офицеров белогвардейского типа.

В не раз уже упоминавшейся выше совместной работе с организацией Филоненко принимал то или иное участие, кроме Семенова, Леппера и Коноплевой, член Ц. К. Донской, у которого по этому поводу было свидание с Семеновым и Леппером в помещении Ц. К. по Литейному проспекту. Ц. К. п. с.-р. предложил выступить вместе с организацией Филоненко в момент переворота (т. I, лист 26). Имело место и свидание Донского с Филоненко. Эти показания Семенова подтверждаются Дашевским, характеризующим организацию Филоненко, как имевшую связь преимущественно среди офицеров и интеллигентских элементов полков. «Донской не мог не знать,—говорит Дашевский,—об этой стороне работы, тем более, что на каждом заседании Военной Комиссии присутствовал либо он сам, либо представитель Ц. К. Рабинович». Ту же связь подтверждает активный работник Военной Комиссии Келлер, который говорит: «через посредство этой организации мы влили своих людей в полки». Келлер участвовал в совещании, где присутствовал Филоненко, по разоружению Преображенского полка, на этом совещании намечался план действий. Ц. К. дал свою санкцию на выступление в случае вооруженного выступления полка. Допрошенный Игнатьев (том I, лист 262) также подтверждает эти факты.

Связь с организацией Иванова, установленная выше, конкретно осуществлялась Леппером. При первом же свидании с Леппером этот Иванов сообщил ему о своих переговорах с начальником Германского Генерального Штаба Людендорфом. Член Ц. К. Донской, которому было обо всем этом сообщено, передал решение Петроградского Бюро Ц. К. о том, что Бюро против политического соглашения, но считает нужным иметь связь для получения информации обо всех планах и действиях организации Иванова. Об этой же связи упоминают Коноплева и Дашевский.

Член Ц. К. Иванов также говорит, что связь с этой организацией имела место, при чем члены Ц. К. хотели выяснить план и силы этой организации, а через нее и намерения германского штаба. «На организацию,—говорит он,—мы смотрели как на врага и, конечно, желали знать силы и планы врага». Однако установленным фактом является не только информационный характер этой связи, но и политическое сотрудничество и даже финансирование Военной Комиссии с.-р. деньгами черносотенной германофильской организации Иванова (см. ниже). «Бюро Военной Комиссии вместе с Донским,—говорит Семенов,—решили предложить поехать в немецкую ставку Постникову. Постников резко высказался против, и вся история и поездка не состоялась». Таким образом дело зашло гораздо дальше только простой разведки. По показаниям Игнатьева и с.-р. Ганжумова, связь с этой организацией дошла до совместных совещаний по вопросу о совместном выступлении в момент брожения, имевшего место в минной дивизии. Игнатьев говорит, что на этом свидании, которое состоялось в квартире Ганжумова, были Игнатьев, Верховский и Семенов. Допрошенный Верховский показал, что связь с организацией Иванова и участие в совместных заседаниях им было произведено по предложению политического представителя военного штаба Союза Возрождения, в каковой, по показаниям Игнатьева, от с.-р. входили Гоц и Постников. На другом таком же свидании были Семенов и Коноплева в момент волнения среди рабочих Невского района. Этими изолированными фактами характеризуется отношение организации с.-р. и белогвардейских организаций в петроградский период. Как указано выше, гораздо более сосредоточенный и организованный характер эти сношения получили в Московский период. (Т. I, л. д. 405, 76, 337, 263, 27, 259).

2. Московский период.

Связь с Савинковской организацией.

По показаниям Перхурова, одного из виднейших деятелей Савинковской организации «Союза защиты родины и свободы», в этой организации имели место совещания ряд лиц, сочувствующих целям союза, и специальные совещания, посвященные выяснению вопроса об отношении партий к этому союзу. От партии с.-р. присутствовали генерал Болдырев и кто-то под названием Макарони. Болдырев обещал дать ответ от своих через две недели, на следующем совещании. (Т. II, л. д. 49—50).

«Связь с Савинковской организацией,—говорит член московского Бюро Ц. К. п. с.-р. Ратнер,—держалась непрерывно», и он, Ратнер, знал об этой связи, но верил, что таковая является информационной, хотя особенно твердой уверенности у него в этом не было. Дашевский по вопросу о связи с Савинковской организацией показал, что «наши взаимоотношения ограничивались персональной связью Моисеенко, бывшего в свое время участником Московской организации Савинкова в 1904 году». Этим отсутствие организационной связи об'ясняет партия, что «мы были в стороне от Ярославского восстания». Раза два или три у Моисеенко с Зензиновым происходили встречи с Савинковым. «Персональная связь с организацией Савинкова была лично и у меня. Я встречался несколько раз с видным работником Савинковской организации, Виленкиным, с целью использовать обширные его знакомства в офицерской среде. Я знал,—говорит Дашевский,—что он ведет работу среди военных и имел с ним дело не как с представителем организации». Далее Дашевский показывает, что одно время, в апреле месяце, в Москве находился эс-эр Калинин. «Калинин вскоре уехал в Казань. Не помню, кем было предложено привлечь его в нашу военную работу, и не помню, почему из этого ничего не вышло». Из обзора дела о Савинковской организации Союза Защиты родины и революции, однако, устанавливается, что некий Герцен, он же Ольгин, показал, что, вступивший в организацию Защиты родины и революции, он, Герцен, выехал в Казань по предложению Савинкова вместе с Виктором Ивановичем. «Это, кажется,—говорит

Герцен,—был Калинин. В Казани я попал к Иосифу Александровичу. Через Иосифа мы были связаны с правыми эс-эрами, при чем Борис Алексеевич (Савинков) мне говорил, что мы будем работать вместе с правыми эс-эрами». В том же деле Спасения родины и революции имеется письмо Герцена к Савинкову и к какому-то Николаю Сергеевичу, и в этом письме Герцен пишет: «Глубокоуважаемый Борис Алексеевич, истекает третий месяц со дня нашего свидания, но у меня еще до сих пор стоят ваши слова: доверие прежде всего. Я отправляю вас в Казань не в ссылку, а на работу; не бойтесь, что вы встретитесь с эс-эрами и вам придется работать вместе с ними. Помните одно, что мы должны доверять друг другу, это прежде всего». Далее Герцен говорит: «увы, для меня стало почти ясным, что местным людям, Иосифу Александровичу и Калинину, доверять все-таки нельзя. Нас встретил местный начальник боевой дружины п. с.-р. Иосиф Александрович и сообщил, что из Москвы везут 23 миллиона. У Виктора Ивановича (Калинин) немедленно созрел план о взятии этих денег. Я был отправлен обратно для разведки и мне было сказано: ни ползвука в Москве, иначе у вас вырвут кусок из-под носа». (Т. I, л. д. 202; т. I).

Этот характерный документ рисует, что савинковцы и эс-эры на практике работали уже в это время как единая организация. В своих показаниях дальше, Герцен указывает, что Виктор Иванович Калинин в Москве жил под фамилией Кудрявцева. В деле имеется документ о передаче Калинину определенной суммы денег обвиняемым Федоровичем (от показаний последний отказался).

Связь с Союзом Возрождения.

Наиболее систематический и организованный характер, не разделенной, слитой, совместной работы,—деятельность эс-эров по подготовке вооруженных восстаний, агитации среди войск и организации фронтов, получила с момента вхождения их в Союз Возрождения, с организацией такового весной 1918 года. Как указывает в своей брошюре Аргунов, отдельные, наиболее заинтересованные в этом об'единении против большевизма представители всех социалистических и несоциалистических партий начали вести переговоры самостоятельно, и этот метод дал вскоре весьма ценные результаты». При чем, с самых первых шагов своей деятельности в Союзе Возрождения, они вошли в частные сношения с представителями союзнических миссий в Москве, в Петрограде и Вологде, главным образом при посредстве французского посланника Нуланса.

По показаниям члена Союза Возрождения Кондратьева, члена Петроградского союза Игнатьева и самих эс-эров, антисоциалистический характер Союза Возрождения является установленным вполне. Его политическая платформа была направлена на создание временного правительства и свержение власти большевиков точно также, как равно на связь с союзниками и формальные переговоры о помощи войсками и деньгами. Во всяком случае, представляется установленным такой факт, что, несмотря на персональный характер вхождения отдельных лиц в союз, фактически это был все-таки оформленный блок партии. Это доказывает поведение того же эс-эра Кондратьева, который с того момента, как стал считать для себя невозможным примириться с платформой Союза Возрождения, ушел из союза, одновременно послав в Ц. К. п. с.-р. мотивированное заявление о своем выходе из партии, полагая, естественно, что «я должен был представлять на-ряду с другими в союзе голос партии с.-р.».

По показаниям Мельгунова, от партии с.-р. при образовании Союза Возрождения участвовали: Авксентьев, Аргунов, Сергей Маслов и Бунаков. В дальнейшем от них же входили Студенецкий и Кондратьев. Меньшевик Розанов (дело тактического центра, лист 21) показал, что эс-эры входили в петроградскую группу Союза Возрождения с ведома и разрешения своей местной организации, хотя официального полномочия от них не требовали, но «я знаю, что одобрение местной организации у них было и они понимали свою партийную дисциплину так, что без разрешения своей организации в Союзе Возрождения участвовать бы не могли». В политический центр Петроградского союза,

по показаниям Игнатьева, входили Гоц от эс-эров, от н.-с. Игнатьев и Брамсон, меньшевики Потресов и Розанов и кадет Пепеляев.

Практическая военная работа этого об'единенного политического центра, по показаниям Дашевского, сводилась к установлению связи, персонально поддерживаемой Моисеенко. Подробно характеризуя ту среду, с которой ему пришлось столкнуться после вызова его в Москву, Дашевский указывает, что те организации, чистить которые потом было поручено Моисеенко, состояли из организаций церковных приходов и домовых охран, и только организация полковника Ткаченко была крупной. Однако в противоречие этому показанию Дашевского, по показаниям Дедусенко, Моисеенко настолько глубоко ушел в работу Союза Возрождения, что даже при переговорах с ним он не мог понять, от какой организации Моисеенко работает, от партии с.-р. или от Союза Возрождения. (Т. I, л. д. 201, 205 и 354—6).

Тот же Дашевский указывает, впрочем, что такая же мешанина была не только в головах отдельных деятелей, но охватывала и целые организации. С одной стороны Ц. К. партии, с другой стороны, фракция с.-р. Учредительного Собрания были две конкурирующих организации, при чем большинство последней было значительно правее политической линии, установленной 4-м с'ездом партии, и считало совершенно необходимым тесное сотрудничество в борьбе против большевиков с такими буржуазно-демократическими организациями. Эта группа деятелей принимала особо близкое участие в деятельности Союза Возрождения. Ц. К. якобы смотрел на эту организацию «косо».

Та же неразбериха господствовала определенно и на местах, и уже постановление Вологодского Губкома по вопросу о допустимости вхождения Маслова в местный отдел Союза Возрождения является чрезвычайно характерным. Отдельным членам партии Губком постановил не чинить препятствия для участия их в работе Союза Возрождения с тем, что, если в эту организацию войдет член комитета, он должен будет механически выбыть из его состава. (См. выше, ч. I).

В Петроградском отделе Союза Возрождения связь с военной комиссией п. с.-р., по показанию Семенова, была установлена согласно директивам бюро Ц. К., при чем это было сделано через члена Ц. К. Гоца. Гоц от имени бюро Ц. К. предложил военной комиссии координировать свою работу с работой военного отдела союза. По этому вопросу о деятельности Петроградского отдела показывает Игнатьев, который, получив сведения о столкновениях с периферийными организациями п. с.-р., принял ряд шагов для контактирования работы. На переговоры явились Постников от с.-р. и заведующий броневым дивизионом Шкловский. Резолюцией было постановлено слить организации, об'единив их по районам и подчинив единому военному штабу, куда вошли он, Игнатьев, генералы Суворов и Верховский. Организация эс-эров оставалась самостоятельной в сфере внутреннего распорядка и расходования средств, но военное руководство, как в центре, так и в районах, должно было быть единым. Была произведена разбивка районов, назначены были коменданты, при чем в одних районах, как Выборгский, Литейный и Василеостровский, были оставлены коменданты Союза Возрождения, а местные ячейки эс-эров должны были подчиниться этим комендантам. В других районах остались коменданты из организации с.-р., которым были подчинены ячейки Союза Возрождения.

«Дня через четыре после совещания, ко мне пришел,—продолжает Игнатьев,—Гоц, который заявил, что он также входит в военный штаб Союза Возрождения, а через три дня состоялось первое заседание военного штаба, на котором присутствовали Верховский, Суворов, Постников, Гоц и я». (Т. I, л. д. 261).

Создание Всероссийского организационного руководящего центра. Военно-белогвардейская и союзная работа партии с.-р.

С момента окончательного оформления политического центра Союза Возрождения в Москве кончается период кустарничества и начинается период правильно организован-

ной и поставленной работы. Эта работа идет сразу в двух направлениях: с одной стороны, работа чисто-военного характера по установлению фронтов, усилению белогвардейского элемента, созданию новых организаций внутри, в тылу, и практическое руководство контр-революционной работой на фронте и в тылу; и с другой стороны, другая работа по координированию этой деловой работы с высокой политикой в союзных миссиях, при чем партия с.-р., в лице отдельных членов, принимает самое непосредственное и живое участие в этой работе.

Из докладной записки т. председателя Уфимского городского комитета партии с.-р. видно, что этот представитель Уфимского комитета приезжал в Москву осенью 1918-го года и вел переговоры с Донским, Морозовым и Горьковым, которые обещали переправить на фронт как членов Учредительного Собрания, так и лиц вообще необходимых для государственной работы; при этом Донской высказал свое соображение о необходимости средств: на организацию этой переправы и для дела военной и партийной работы исчислялась необходимая сумма в 2 миллиона рублей.

В армию Алексеева, по показанию того же представителя, в то же время среди других были посланы Руднев и Бунаков; затем Донской просил назначить представителя от Всероссийского Временного Правительства. У Донского состоялось свидание с представителем штаба армии Алексеева, штаб-офицером Гаевским, на котором произошел обмен информационными сведениями, при чем Гаевский сообщил, что в армии Деникина насчитывается около 120 тысяч человек, что там войско стоит за поддержку Учредительного Собрания и что в силу этого Временное Правительство может рассчитывать на поддержку этой армии. В свою очередь Гаевский просил Уфимского представителя передать Верховному Главнокомандующему Всероссийского Временного Правительства, чтобы в армию Деникина было командировано специальное лицо из военных для координирования работы разобщенных армий, и для этого был установлен особый шифр. «Военное дело,—сообщал далее Уфимский уполномоченный в своем докладе, — поставлено у нас так, что по всей территории заложена масса ячеек и разных организаций, которые в любой момент могут создать организованные выступления и будут содействовать различным выступлениям против Советской власти. Прежде всего, организационная работа среди крестьянства,—заканчивает докладчик,—идет успешно». (Т. I, л. д. 6—7).

Факт этих изменнических сношений при помощи особых курьеров с представителями Алексеевской армии подтверждает Ставская. Семенов сообщил ей, что Донской предполагает отправить на фронт кого-либо за обещанными деньгами. Было решено послать ее, и она 18 октября выехала на фронт вместе с указанным выше Уфимским представителем, у которого была связь для переправы через фронт.

Тот же представитель Уфимского городского комитета говорит: «в Москве я передал акт об образовании Всероссийского Временного Правительства членам Учредительного Собрания Маслову, Кондратьеву и Донскому. Устный доклад о положении дел на территории Всероссийского Временного Правительства мною был сделан непосредственно Московскому Отделу Ц. К. в присутствии Донского, Морозова и Горького, и Союзу Возрождения, где присутствовали Кондратьев (с.-р.), Филатьев (н.-с.) и Щепкин (кадет)».

Московское бюро Ц. К. эту работу по собиранию военных кадров и переброске их на фронте вело организованно и в числе отправленных, по словам Дашевского, были преимущественно молодые офицеры, среди которых попадались элементы явно черносотенные. В это как раз время, по рекомендации члена Ц. К. Тимофеева, помощником Дашевского и был назначен Минор. В брошюре Игнатьева имеется другое интересное указание о том, как далеко зашла в этот момент работа Союза Возрождения и деятелей партии с.-р.

Игнатьев сообщает об одном совещании в Москве, на котором персонально уже намечались члены будущего правительства в самый разгар Саратовского фронта. Эти-

ми членами предполагавшейся директории намечались: Алексеев, Болдырев, Авксентьев, Чайковский и друг., при чем Чайковскому было предложено ехать в Сибирь. Из предыдущего известно, что по постановлению Ц. К., с одной стороны, и Союза Возрождения, с другой, на север для организации правительства выехали Лихач и Дедусенко. Игнатьев показывает о том, как из Вологды приезжали в Петроград представители и указывали на то, что у них все готово для переворота и не хватает только будущих министров.

Связь с союзниками составляла вторую часть работы и велась также лицами из деятелей Союза Возрождения и членами партии с.-р. О посылке от имени партии с.-р. свидетеля Закгейма с официальной нотой о том, что с.-р. считают Россию в состоянии войны с Германией и после Брестского мира, уже упоминалось выше, как равным образом приводились сведения, сообщенные Рене Маршаномо некоем Эрлихе, поддерживавшем, по поручению Нуланса, в 1918 году связь с партией с.-р. и имевшем личную связь с Черновым и Тимофеевым. Этот факт связи подтверждает равным образом, как выше указывалось, бывший офицер французской военной миссии Паскаль и бывший солдат миссии Гельфер.

Связь с союзниками выражалась в 4-х формах. С одной стороны, в области высокой политики и представительства интересов России перед иностранными державами; с другой стороны, в области взаимных договоров относительно военной помощи, контр-революционных выступлений в России, в частности—в определении сроков и времени английских десантов на Севере, в завязывании связи через миссии с чехословаками на Востоке и Юге. Третий вопрос касался финансовой помощи от союзников на контр-революционную работу в России и, наконец, четвертый предмет сношений—это была активная помощь от союзников по поручению подрывных материалов и производству взрывов жел.-дорожных путей и войсковых складов в тылу Красной армии и, обратно, по передаче союзникам шпионских сведений о положении Красной армии, получаемых при помощи нелегальных организаций партии с.-р. (т. I, л. д. 277; т. II, л. д. 13).

Первый пункт,—общие переговоры, дипломатическое представительство интересов России,—доказывается как самым фактом обращения от имени п. с.-р. с нотой, переданной Закгеймом, так и показаниями Рене Маршана, Эрлиха и Паскаля. Допрошенный по этому поводу Дашевский говорит, что он встречал у Тимофеева этого Эрлиха, хотя и не знает, какого именно характера были эти отношения. Тимофеев же рекомендовал Дашевскому Илью Минора.

Член п. с.-р. Святицкий показывает, что дипломатические сношения п. с.-р. с союзниками имели своим содержанием вопрос об Учредительн. Собрании, о власти в России и об отношении к Учредительному Собранию. Эти отношения вел член Ц. К. Тимофеев. Член Ц. К. Иванов подтверждает, что в мае и июне месяцах 1918 года в Петрограде и затем в Москве велись переговоры с союзническими миссиями о возможной помощи союзников в деле восстановления анти-германского фронта, при чем член Ц. К. Тимофеев делал в Ц. К. сообщения об этих переговорах. Уполномоченный Ц. К. Ратнер, будучи кооптирован в Московское бюро Ц. К. и оказавшись ближе к высокой политике, узнал определенно, как он говорит, что Ц. К. имеет связь с союзниками через Тимофеева и Гоца, при чем конкретно устанавливает факт поездки Гоца в Вологду к союзным представителям и переговоры Тимофеева с французским генералитетом в Москве. Член п. с.-р. Белецкий указывает, что на одном собрании в Саратове член Ц. К. Федорович сообщил об этих сношениях, при чем на вопрос о гарантиях, что французы не обратят войск против завоеваний революции, заявил, что, увы, гарантий нет никаких. (Т. I, л. д. 346).

По вопросу о материальной помощи со стороны союзников на военную контр-революционную работу в это время следует прежде всего остановиться на декларативном заявлении, помещенном в № «Революционной России», за подписью Чернова, что

получение денег от союзников является политическим самоубийством для партии и на такого же характера ответе, который, в свое время, получил член Московского бюро Ц. К. Ратнер. «От моих сотоварищей по Ц. К.,—говорит Ратнер,—на мои сомнения и попытку узнать сущность взаимоотношений партии с союзниками, мне отвечали, что я могу быть вполне спокойным за чистоту партийных риз и что никакого политического контакта и никакой финансовой связи у Ц. К. с союзниками быть не может». На деле вопрос стоял иначе. Игнатьев показывает, что вопрос о возможности пользоваться иностранными деньгами и вообще помощью союзников обсуждался с принципиальной стороны в ответственных политических кругах и в центральных партийных комитетах, и было признано допустимым для отдельных членов партии принимать участие в пользовании иностранными силами и деньгами в процессе борьбы с Советской властью. Эта постановка вопроса, по мнению Игнатьева, была признана более гибкой, не возлагающей ответственности на Ц. К., и лицемерие этой постановки не требует специальных доказательств (т. I, л. д. 171).

Другой факт получения денег от буржуазных организаций относится еще к деятельности Комитета Спасения Родины и Революции. Уже тогда Военная Комиссия получила первые 10—15 тысяч от Чайковского, при чем член Ц. К. Гершгейн одобрил взятие денег, и деньги были потрачены Семеновым на снабжение продовольствием отряда казаков, расположенных в Лесном. Допрошенный Дашевский подтвердил факт получения денег на военную работу. Тот же самый факт подтвердил и Наевский, указывая, что Ц. К. партии и Военная комиссия не гнушались этими деньгами. Затем, следует указать на показания Семенова из области деятельности Военной Комиссии по Петрограду, где говорится, что Гоцом, от имени бюро, было предложено военной комиссии, при координировании ее работы с работой военного Отдела Союза Возрождения, выработать смету, так как Союз будет финансировать Военную Комиссию. «Наши взаимоотношения с Союзом,—говорит Семенов,—заключались в том, что Союз нас субсидировал» Игнатьев говорит: «Я полагаю, что политическая честность требует открытого признания от всех участников работы этого периода: да, мы считали необходимым иностранную помощь и военными силами и деньгами, сначала получали деньги и расходовали их, затем получали и средства. Через меня лично,—говорит дальше Игнатьев—средства проходили три раза: первая сумма в размере нескольких десятков тысяч рублей мною получена из Москвы от Союза Возрождения, точного ее источника не знаю, по общему впечатлению не сомневаюсь, что она исходит от союзников. Вторая сумма была получена через генерала Суворова из союзнических источников. Третья сумма в 200—300 тыс.,—по справке генерала Суворова,—была передана представителем французской миссии непосредственно Центральной военной организации Союза Возрождения в Москве в лице Болдырева и Моисеенко, и Моисеенко через эс-эровскую связь направил эти деньги в Петроград для военной организации Союза Возрождения. Мною была получена только часть этой суммы, относительно остальной я просил выяснить Гоца, когда он отправился в Москву и имел об'яснение с членом Ц. К. Ивановым по поводу не поступившей по адресу суммы». Допрошенный Иванов показал: «у члена Ц. К. Игнатьева я, действительно, был в Москве в июне 1918 года по поводу денег, принадлежащих военному штабу Союза Возрождения, но тему разговора вспомнить не могу» (т. I, л. д. 28, 261, 257).

«Мне приходилось,—говорит Игнатьев,—выяснить с Гоцем ту долю, которая должна была быть передана полковнику Постникову для нужд военной организации партии с.-р.». Игнатьев же субсидировал на поездку из Вологды в Архангельск персонально Лихача, члена Ц. К. п. с.-р. Деньги были взяты от английского посланника Геллесни (т. II, л. д. 256).

Верховский показал, что сношениями военного штаба с союзниками ведал генерал Суворов и через кассира штаба Суворова военный Штаб получал денежные средства от союзнических миссий (т. I, л. д. 274).

Член Ц. К. Иванов указывает, что получение денег от союзников в Москве места не имело, кроме одного случая в провинции, где некоторая сумма была займообразно, в частном порядке, взята от французского вице-консула, и деньги ему были возвращены. По этому поводу член п. с.-р. Белецкий показывает, что однажды из Саратова в Петроград прибыл некий ответственный партийный работник Ананьев-Гусев, который «в разговоре со мной назвал меня наивным человеком и сообщил, что деньги партия с.-р. получает от французов». К этому следует добавить данные, установленные уже раньше по показаниям Коноплевой и Семенова, что деньги брали не только от союзников, но что деньги брались и у организации Филоненко и у организации Иванова, при чем в обоих случаях с санкции Ц. К., при циничном выражении Донского, находившего, что деньги не пахнут. Деньги от организации Иванова, в количестве 40—50 тысяч, возможно исходившие, следовательно, из немецкого источника, были переданы Лепнеру (т. I, л. д. 346).

Четвертая, самая преступная область работы, которая осуществлялась отдельными работниками партии с.-р. и Союза Возрождения при помощи французов, была подрывная работа по подготовке и организации взрывов. В августе 1918 года, по показаниям члена п. с.-р. Давыдова, Донским, членом Ц. К., ему было поручено организовать подрывную группу для порчи мостов и жел.-дорожных путей, обслуживавших Красную армию. Помощником его по организации этой группы был некий Глеб. Через Ц. К. этот Глеб получил связь с французской миссией. «Я лично,—говорит Давыдов,—совместно с Глебом встречался с двумя французами—Матеном и Анри. С Матеном у нас был разговор о снабжении нашей группы оружием, Матен обещал снабжать оружием и взрывчатыми веществами. С Анри Глеб встречался у Красных ворот. Глеб мне его указывал. Явочная квартира французов была у Мясницких ворот, в каком-то французском убежище «Азиль». Основную связь с французской миссией вело само Бюро Ц. К. Глеб далее назвал француза Фонтена, как лицо, состоявшее в миссии. Все эти данные подтверждает жена Давыдова—Липская-Давыдова, указывающая, что деньги от Матена были получены. Под именем Анри в то время, по словам свидетеля Маршана, работал агент французской миссии Виртамон. «Он занимался работой,—как говорит Маршан,—по разрушению жел.-дорожных мостов». В работе Виртамона принимал участие представитель английской военной миссии Райли, проходивший по делу Локарта, разбиравшегося в 1918 году в Верховном Трибунале. Цель работы этих союзнических агентов, как указывает письмо Маршана от 26 августа 1918 года, на имя Пуанкаре была сообщена на официальном собрании 24 августа в американском консульстве в присутствии английского консула Пуля и французского Гренара. Цель эта заключалась в задачах разрушить мост через реку Волхов, недалеко от Званки, приостановить подвоз в Петроград продовольствия и вызвать этим в Петрограде голодный бунт (т. I, л. д. 143, 149 и 253).

Как мотив допустимости принятия денег от французов—по показаниям Райнера—член бюро фракции Учредительного Собрания Павлов указывал на то, что Учредительное Собрание есть государственный орган, и посему оно имеет право заключать договор с иностранными государствами (т. I, л. 172).

При подробном обследовании в дальнейшем подрывной работы в Саратове эти факты были дополнены новыми аналогичного характера фактами—непосредственного участия, при помощи эс-эровской организации, союзнических миссий в деле разрушения материального достояния Советской Республики. Член бюро фракции Учредительного Собрания Розенблюм также показывает о тесном сношении фракции Учредительного Собрания с союзническими миссиями. Этими сношениями, независимо от Ц. К., ведали Бунаков и Авксентьев, при чем они делали в Ц. К. доклады о переговорах с союзническими миссиями (т. I, л. д. 268).

Дедусенко указывает, что политические директивы бюро фракции получало от Ц. К.; членами Ц. К., работавшими в Бюро, являлись Зензинов и Ельяшевич. Бюро фракции,—говорит Дедусенко,—поддерживало сношения с представителями союзнических миссий, но официально такие сношения являлись компетенцией Ц. К. Сношения поддерживали Бунаков и Авксентьев с французским консулом Массоном. Что же касается получения денег от Нуланса, то таковые деньги были получены Авксентьевым или Моисеенко, но в какой форме—Дедусенко не помнит. По показаниям Святицкого, даже неофициальная газета бюро фракции «Возрождение», под редакцией Бунакова, Вишняка и Руднева, финансировалась союзными источниками. По показанию Ратнер, все члены фракции получали крупное по тому времени жалованье—в 500 рублей в месяц, «но точного представления об источнике этих партийных средств,—говорит он,—у меня не было». По его же показаниям, Вольский в 1919 году рассказал ему, что партией были использованы союзнические деньги, полученные от комитетов Учредительного Собрания в Самаре, Уфе и Омске. «Первоначально,—говорит Ратнер,— Ц. К. стремился тщательно отделять работу Учредительного Собрания от чисто-партийной и не пользоваться для партийной работы союзническими деньгами, но комитет Учредительного Собрания, состоявший исключительно почти из членов п. с.-р., считал для себя, как для государственного органа, эту помощь со стороны союзников приемлемой, и использовал ее в самых широких размерах. После разгрома Уфимской директории и разрыва партии с союзниками эта щепетильность поневоле была оставлена, и грань между комитетом Учредительного Собрания и Ц. К. п. с.-р. была стерта». Документы в подтверждение этого факта мы находим в протоколах Ц. К. п. с.-р. об использовании денег, имевших в распоряжении Ц. К. и оставшихся от комитета Учредительного Собрания (т. I, л. д. 309, 235 и 187).

В таком масштабе, в таком направлении и такими средствами велась работа в период второй половины 1918 года в Москве. Это была работа, поставленная во всероссийском масштабе. Общий фронт английского, французского и вообще иностранного капитала, русской буржуазии и партии с.-р., не останавливающейся ни перед чем, ни в средствах, ни в способах борьбы, включая сюда и государственную измену путем сношения с армией Алексеева и организацию заговоров и получение денег, продажничество и военный шпионаж, организацию взрывов в тылу и разрушение путей сообщения на французские деньги, французскими техниками при помощи французских подрывных материалов,—таково было содержание «революционной» деятельности партии с.-р.

IV. Военная работа на Севере.

Военная работа на севере охватывает район Архангельска и Вологды и весь путь жел. дороги от Петрограда через Званку и от Москвы через Ярославль. Работа велась здесь такого же характера, что и в Москве, но сообразно с местными условиями принимала более конкретный, утонченный и деловой характер, поскольку близость к фронту требовала дела. В Вологде, по показаниям Дедусенко, во главе Губернского комитета стоял Маслов и имелась военная организация, во главе которой стоял эс-эр Турба. Последний имел связь с представителем английской миссии Геллеспи. От Геллеспи получались деньги. Военная организация вела подготовку восстаний в Вологде и Архангельске. Эти действия предполагалось координировать с действиями союзнического десанта. Дня за три—четыре до переворота, в Архангельск приехал, в качестве представителя Ц. К., член Ц. К. Лихач и принял участие в создании правительства после ухода Советской власти. Военная организация Союза Возрождения в Вологде полностью совпадала с местной военной организацией п. с.-р.,—говорит Дедусенко. Геллеспи остался в Вологде нелегально. Член Воло

годского Губкома н. с.-р. Бессонов показал, что во главе военной организации стоял с.-р. Мощенко в качестве военспеца, техническую сторону вел Турба. Факт получения денег был зафиксирован даже в постановлениях Губкома: ввиду англійско-французского происхождения денег, таковых от военной организации решено было не брать. Однако эс-эр Бессонов показывает: что «Вскоре после моего приезда, Мощенко, почуя у меня, показал пачку в 40—50 тыс. керенок, только что полученных». Раскрытая в 1918 году показаниями ее участников белогвардейская организация устанавливает, что таковая находилась в связи с неким доктором Ковалевским в Петрограде. Этот Ковалевский, по показаниям полковника Кураченко, формировал русскую армию в Петрограде. Пароль и все внешние признаки, приспособленные для опознания друг друга, — говорит Кураченко — были у эс-эровской организации и у этой белогвардейской организации одни и те же. О том же Ковалевском указывает Игнатьев в своей брошюре, что он был связан с англійским генералом Пулем через Вологду (т. I, л. д. 309; т. II, л. д. 79).

По показаниям Игнатьева, военная организация Союза возрождения совпадала с организацией н. с.-р. также и в Архангельске.

Представительство организации доктора Ковалевского в Петрограде и в Архангельске было возложено на проживающего там, под именем Томсона, Чаплина. Тот же Кураченко (дело Кураченко, № 35, т. III, лист 55-й), показывает, что Ковалевский передал ему 400 рублей в виде подъемных и дал пароль и условные знаки: так, приезжая на станцию, он должен был обращаться к человеку с золотой пуговицей с вопросом, в котором упомянуть цифру 13 и получить ответ, в котором была бы цифра 57. От Ковалевского он получил 37 тыс. рублей для содержания добровольческой англійской армии. На станции «Дикой» он встретился, по показанию человека с золотой пуговицей, с некоей Марией Алексеевной, которая предложила ему работать в эс-эровской организации.

Юнкер Четвериков, член организации Кураченко, показал (дело Кураченко, том III, лист 5-й), что вместе с ним приехал из Вологды представитель вологодской эс-эровской организации и привез различные продукты, при чем специально посланные люди от каждой партии должны были собраться у десятого столба в лесу, недалеко от полотна жел. дороги.

Состав лиц, которые транспортировались, таким образом, на фронт, состоял, по показаниям Бессонова, из сюсюкающих белоподкладочников с французским романом в кармане, и почти сплошь это было офицерство, настроенное частью монархически.

Подробные данные о белогвардейской организации дает в своих показаниях белогвардеец Оленгрен. В организации, говорит он, можно было заметить разногласия; имелись группы, представляющие монархическую ориентацию, эс-эровскую и т. д. Связывала их лишь одна цель. Из англичан ему также был известен Геллеспи. Одним из приемочных пунктов была дача Дикая. Там останавливались и ночевали и не эс-эры, а эс-эрка Мария Алексеевна и Сидоров доставляли в организации хлеб и продовольствие.

По показаниям Дедусенко, Чайковский привез известие, что скоро нужно ждать союзнического десанта, в половине июля. В Архангельске, за неделю, когда было получено сведение о скором десанте, все живущие в городе члены Учредительного Собрания составили комитет членов Учредительного Собрания, хотя сами себя комитетом не называли. Когда Игнатьеву на следствии был задан вопрос, известно ли ему, что Маслов и Дедусенко вели переговоры в Архангельске с союзниками от имени комитета членов Учредительного Собрания, Игнатьев заявил: если это так, то выходит, что Маслов и Дедусенко одновременно действовали от двух политических организаций: от комитета Учредительного Собрания и от

Союза Возрождения. Это только определенное политическое двурушничество, столь характерное для партии с.-р. в процессе русской революции.

Связь эс-эровских организаций с организациями белогвардейскими и с иностранными миссиями, факт получения ими денег наглядно представляются, таким образом, твердо установленным, равно как и наличное участие в этом членов Ц. К. Лихачаи Гоца (т. I, л. д. 261).

V. Военная работа на Поволжьи.

После VIII совета партии с.-р., когда центр тяжести работы был перенесен на окраины для подготовки вооруженных восстаний, центром военной работы стал Саратов. Руководителями военной работы там был Донской, а с августа его сменил Дашевский. Саратовский, вообще Поволжский фронт сделался основным фронтом и основной базой для контр-революционной работы эс-эров. Первопачально был разработан широкий организационный план на Поволжьи, сводившийся в основных чертах к связи с восставшим Уральским казачеством, в войсковом правительстве которого был один эс-эр, и к организации массовых крестьянских восстаний в Саратовской и Пензенской губерниях, поддерживаемых выступлениями сформированных в Саратове боевых частей и офицерских дружин, для чего Ц. К. П. С.-Р. в Москве был отправлен в Самару Вольский, и в Вольск—Несмеянов. Но эти надежды не имели реальных результатов, крестьянские восстания быстро ликвидировались, Уральские же казаки медлили самостоятельным походом на Саратов, проявляли нерешительность и не надеялись на свои силы (т. I, л. д. 35, 217).

Тогда и был широко использован единственный, оставшийся путь коалиции с беспартийными и монархическими организациями.

Саратов был избран, в результате докладов с мест на 8-м Совете партии, как наиболее соответствующий по оппозиционному настроению центр. Уральские казаки обратились в то время к членам Учредительного Собрания с призывом явиться к ним в Уральск и там повести свою работу, при чем войсковой круг заключил союз с областным комитетом партии с.-р. Тогда-то, как описывает это Лебедев в своей книге: «Борьба русской демократии против большевиков», и было решено переправить оппозиционные партийные демократические организации за Волгу, о чем были поставлены в известность и союзники, вместе с которыми и был выработан план создания Волжского фронта, как базы оппозиции против Германии. С этими целями в Саратов и выехали, по показаниям Дашевского,—Вольский и Буревой, а позднее Донской (т. I, л. д. 211).

С этими же целями была установлена упомянутая выше связь с Махиным. Член Ц. К. Веденяпин, по собственным показаниям, получил временный пропуск в Самару от Ц. К. только с условием, чтобы он принял участие в движении, когда оно там начнется. Тот же Веденяпин моментально по приезде вошел в сношение с чехо-словацким командованием—Чечеком и Медеком. Как уже выше устанавливалось в общей части, свержение Советской власти в Самаре было произведено целиком беспартийными подпольными организациями во главе с полковником Галкиным (т. I, л. д. 295).

Показаниями отдельных деятелей Саратовской организации, имеющимися в деле о Саратовской организации правых эс-эров, разбиравшемся в Верховном Трибунале в 1917 г., устанавливается, что содержание работы военной организации сводилось к следующему: во-первых, попытка организации подрывной работы. Для этого имелось в виду создать особую группу и перебросить ее ближе к прифронтовой полосе в целях дезорганизации этой полосы, а в тылу Красной армии нужно было попытаться использовать эту группу в самом Московском районе для противодействия продвижению отсюда на фронт в особо важный момент особо важных воинских эшело-

вок. Организация группы была поручена старому эс-эру, боевику-каторжанину, с которым сносился член Ц. К. Тимофеев. Основная работа заключалась в переброске и собирании военных кадров и переброске их на восток. «С большими мытарствами удалось организовать квартиру для явки на Зубовском бульваре,—говорит Дашевский,—через различных партийных товарищей я получая указания относительно лиц, пригодных для пересылки на восток, небольшими группами в 3—5 человек. Я приглашал их на другой день на явочную квартиру для вручения им проездных документов, явок и паролей и денег,—весьма мизерное количество. Направлялись они все в Саратов. Партийных людей среди этой публики почти не было. Все это была преимущественно офицерская молодежь, все были без политической подготовки, но глубоко возмущенные насилием большевиков. Иногда попадался среди них элемент черносотенный. Документы собирались из различных учреждений другими членами партии и сочувствующими».

В средине августа 1918 г. Дашевский выехал в Саратов, чтобы сменить Донского. «Тотчас по приезде в Саратов я вошел,—говорит он,—в состав Поволжского областного комитета партии с.-р. Первоначально намечавшийся план организации восстания по всему Поволжью оказался невозможным. В сентябре мы пришли к заключению, что единственным путем к освобождению Саратовской губернии является движение к ней армии Учредительного Собрания, и потому послали с настоятельным требованием гонца в Самару. Военная работа практически свелась к обслуживанию антибольшевистского фронта уральских казаков. С этой целью при помощи командира кавалерийского полка Бредихина предполагалось организовать переход его полка на сторону казаков и открыть им фронт. Но план этот рухнул, благодаря провалу офицера, выдавшего Бредихина (т. I, л. д. 217).

Второй способ—это было пополнение людьми новых войсковых частей в Саратове при помощи фальшивых документов. Третья работа заключалась в получении секретных военных сведений и передаче их по ту сторону фронта в Уральск и Самару. Установлена была связь через радио-станцию, с целью дезорганизации тыла большевиков имелось в виду, наконец, организовать взрывы железнодорожных мостов и крушение поездов с боевыми припасами и воинскими частями. Допрошенный Рейснер показал, что явка проезжающих происходила у Альтовского, что во главе организации стоял Донской, а позднее — Дашевский. Во главе работы по информации и шпионажу стоял Устинов, находившийся в связи с Бредихиным. Рейснер дополняет показание Дашевского, указывая, что для исполнения планов прибыли члены п. с.-р. Белецкий, Фалунин, Швырков, Нечкин и находившиеся на Саратовском фронте Аксенов, Доброхотов и др. Эта организация была ликвидирована в Саратове в октябре полевым контролем 4-й армии. Арестованный и допрошенный тогда Васильев (дело Саратовской организации, л. 27) указал, что он вместе с Аксеновым ездил в Саратов в какое-то французское консульство. Допрошенный Аксенов (лист 23) показал, что организация имела встречи в библиотеке и что он просил Альтовского оплатить ему расходы по перевозке сербского консула, указывая, что тот был переправлен по поручению французского правительства, на что Альтовский отвечал отказом, говоря, что партия с.-р. не обязана оплачивать поездки консулов. В то время следствием было установлено, что в числе работников организаций имеется некий Куликовский, прибывший из Москвы. Под этой фамилией работал в Саратове, по его теперешним показаниям, Дашевский.

Подробную картину отправки из Петрограда в Саратов антисоветских элементов рисует допрошенный тогда же Максимов. «В Петрограде,—говорит он,—я познакомился с неким шофером Шалинским, который пригласил меня к себе. Когда я у него был, к нему явился прилично одетый господин, назвавшийся Ганжумовым. Ганжумов спросил меня, не ищу ли я места, и предложил встретиться в Петровском парке». Через неделю по указанию Ганжумова, Макси-

мов встретился с Еленой Александровной Ивановой, которая увела его в отдельную комнату и сказала ему: Вы поедете в Москву, а там вас переправят в Саратов,—выдала ему документ на имя Слепцова и двести рублей денег. Далее он встретился с Григорием Ивановичем Васильевым, который дал ему адрес в Москву к Нине Васильевне; в Москве он встретился с Михаилом Петровичем (Дашевский), который заявил, что он должен будет уехать в Саратов, и дал пароль: «привет от Леонида Аркадьевича и ответ: как здоровье его племянницы».

По показанию Святицкого, так был отправлен, при содействии эс-эровской организации, генерал Болдырев, разрабатывавший в Москве план восстановления Восточного фронта против Германии. Активными работниками по созданию ячеек в частях Красной армии были в это время Белецкий, направленный в Саратов Ц. К., и Тисленко (Истомин). Целью их было укрепление связи в Саратове с электротехническим батальоном. Проведение этой связи в Саратове Семенов передал Тесленко, а позднее Рейсперу. Установлен был контакт с командиром минно-подрывной роты эс-эров Ефимовым, откуда добывали подрывные снаряды. Для организации взрыва мостов был послан в Аткарск Виктор Шкловский с частью, прибывшей из Петрограда, броневой дивизии, а в Покровск был послан офицер-сапер (т. I, л. д. 241, 59, 35, 217, 443).

В прифронтовых городах организованы были боевые группы, долженствующие активно действовать при подходе к этим городам армии Учредительного Собрания. Так, в Казань были направлены Гвоздь, Вакулин и Федоров, в Саратов—Зеленков и Козлов, в Саратов же приехал и Семенов.

Это делалось по эту сторону фронта; в то же время по ту сторону фронта немедленно после создания Самарского правительства была учинена самая тесная связь с союзниками. В Самаре находился в то время представитель Франции Гине, с которым связался Вольский. Денежной и финансовой частью комитета Учредительного Собрания ведал здесь Брушвит, а потом Раков. Остатки денежных сумм переданы в Ц. К. партии с.-р. (т. I, л. д. 35).

VI. Военная работа на Юге.

Выше уже установилась связь через штаб-офицера Гаевского Союза Возрождения и деятелей партии с.-р. с армией Алексеева. Член Ц. К. партии с.-р. Иванов показал, что действительно весной 1918 года Ц. К. посылались работники на Дон и на Кубань с целью информации, как говорил Ц. К., ибо Ц. К. желал знать, что происходит в этих районах, хотя Иванов указал, что характер движения на Юге, как антидемократический, для Ц. К. был тогда уже ясен. В протоколах Ц. К. мы находим три указания относительно этих командировок. Это постановление о посылке Гершгейна и Рихтера на Украйну, поездки делегации к эстонцам и эстонскому краевому правительству, и сведения о посылке делегации в информационных целях на Кубань. В августе 1918 года, по показанию Ратнера, из Екатеринодара в Москву приехал член Учредительного Собрания от Воронежской губернии Хреновский, который в его, Ратнера, присутствии сделал доклад донскому о своих переговорах от имени партии с.-р. с генералом Алексеевым, имевших целью установить с добрармией единую линию поведения. Рейснер, кроме того, показал, что, сидя в тюрьме вместе с Дашевским, он узнал от последнего, что арестованный в Саратове при раскрытии Саратовской организации Поляков, в действительности, был Хреновский, только что приехавший в Саратов из поездки на Дон и на Кубань, где он вел, согласно директивам комитета, переговоры с Алексеевым и Деникиным об установлении единого фронта против большевиков. «У Хреновского,—говорит Рейснер,—по словам Дашевского, переговоры с Деникиным оставили неблагоприятное впечатление, а переговоры с Алексеевым дали положительные результаты». Допро-

шенный Дашевский подтвердил, что в первых числах октября 1918 года в Саратове, за полчаса до его ареста, к нему пришел один товарищ, сообщил ему пароль и сказал, что он явился из поездки на Дон и на Кубань, куда он был послан членом Ц. К. Допским для информации и переговоров с Красновым, Алексеевым и Деникиным о возможности совместной борьбы против большевиков, при чем Алексеев высказался положительно по вопросу об Учредительном Собрании. Для дальнейших переговоров Алексеев прислал одного из своих штаб-полковников и «я их обоих должен был переотправить в Самару. В конце нашего разговора явились агенты военного контроля и я и товарищ были арестованы. Этот товарищ был Хреновский» (т. I, л. д. 210, и т. III, л. д. 131).

В отношении юга устанавливается, впрочем, что деятельность эс-эровской организации была совершенно определенной с самого начала. Уже в момент посылки Герштейна и Рихтера для переговоров с Центральной Украинской Радой, им было поручено формирование верных Учредительному Собранию частей старой царской армии. В этой работе Герштейн получил поддержку со стороны Украинской Рады и со стороны французской миссии. Для санкции договора с Россией был вызван из Петрограда Руднев.

О связи юго-восточного комитета Учредительного Собрания Шрейдера, Березовского, Бабина-Корня и др., через Екатеринодарскую организацию с.-р., говорилось выше. По показаниям Иевлева и Ратнера, указанная выше группа сносилась, в лице Шрейдера, с генералом Драгомировым. Бабин-Корень принимал горячее участие в формировании отрядов генерала Гинилорыбова. О военной работе партии с.-р. на Украине показывает Блюмкин, допрошенный по делу Пашутинского, недавно разбиравшемуся в Харькове в Украинском Верховном Трибунале. «Пашутинский был руководителем боевой тройки на Украине,—говорит Блюмкин,—тройка имела целью организацию повстанчества против гетманского режима. Работа выразилась в двух-трех взрывах поездов, но и то не воинских, а пассажирских. По настоянию одного из членов Ц. К Броуна было избрано одно лицо для проверки работы тройки, при чем выяснилась связь ее с румынским атташе, с различными добровольческими организациями и получение денег в размере 200.000 руб. от Алексеева. Тогда поднялся вопрос об упразднении тройки, против чего резко выступали Фундаминский и Буначов, утверждая, что там, где террор, там и грязь».

Наиболее подробные показания по этому поводу дает Ратнер, который подробно ознакомился с работой военной комиссии, при чем установлено было, что она работает об'единенно с местным Союзом Возрождения. На предложение размежеваться ему ответили, что это физически невозможно, ибо военные организации слиты, личный состав группы и агентура в военных частях об'единены. Руководитель комиссии Герман заявил, что французская военная миссия оказывает денежную поддержку этой организации, и он считает эту поддержку вполне приемлемой. Отчетности никакой нет. По своему составу военная организация носила определенно черносотенный характер. Эта организация оказалась неспособной на активную борьбу, и когда место германофильских черносотенцев заняли черносотенные русские организации, она заявила, что две трети лиц, входящих в организацию, выступать в таком случае не будут. При приближении войск Петлюры был поставлен вопрос о захвате власти в Киеве военной организацией. Всеукраинский комитет от военной борьбы отказался, и председатель Киевской думы отказался подписать воззвание, а военная комиссия заявила, что рассчитывать на активную работу не приходится, несмотря на наличие хороших сил в войсковых частях. Ратнер поставил перед областным бюро определенную задачу организации свержения старой добрармии. Комитет членов Учредительного Собрания отнесся к этому определенно отрицательно, а областное бюро неодобрительно. Нежелание бороться мотивировалось опасностью разгрома добрармии со стороны большевиков, надеждой на демократизацию добровольческой армии и не-

желанием переходить на подпольное положение. В конце концов Ратнеру было предложено Бабиным-Корнем отказаться от мандата Ц. К. и Ратнер должен был уехать. Доложив о всем виденном Донскому и требуя решительных мер в отношении украинских и екатеринодарских эс-эров, Ратнер соответствующего удовлетворения не получил (т. I, л. д. 173).

Показаниями Краковецкого еще раз подтверждаются вышеприведенные данные о деятельности Герштейна на Украйне и, в частности, его связь с французской миссией.

На основании изложенного подлежат ответственности по обвинению в сношениях с союзническими миссиями, организации военной работы и сношении с белогвардейцами члены Ц. К. — Гоц, Донской, Герштейн, Лихач, Тимофеев, Раков, Федорович, Ведеяпин, Гендельман, уполномоченный Ц. К. Ратнер, Артемьев, Морозов и члены иных организаций — Иванова Е., Злобин, Дашевский, Семенов, Коноплева, Агапов, Альтовский, Утгоф, Ефимов, Игнатьев и Горьков.

VII. Террористическая борьба против Советской власти за период 1918 г.

Позиция партии с.-р. по вопросу о террористической борьбе против Советской власти представляется, согласно официальным документам и заявлениям партии, совершенно категорической, ясной и определенной. В прокламации-протесте, обращенном к Совету Народных Комиссаров от 5 декабря 1920 года по поводу постановления об об'явлении арестованных членов партии с.-р. заложниками на случай возможных покушений Ц. К. П. С.-Р. заявлял:

«Партия с.-р. в своей борьбе с диктатурой коммунистической партии никогда не прибегала к террору. Ц. К. партии не раз открыто заявлял об этом в связи с попытками правящей партии и ее органов политической репрессии приписать партии с.-р. участие в террористических актах. Эта позиция партии с.-р. подтверждается всей ее деятельностью на протяжении трех лет большевистской диктатуры.

«Не допуская возможность кровавой расправы над членами партии с.-р., находящимися в тюрьме, Ц. К. предупреждает, что личную ответственность за жизнь узников он возлагает на ответственных руководителей власти и коммунистической партии, и что, в случае если угроза, содержащаяся в правительственном сообщении, будет осуществлена, Ц. К. будет вынужден прибегнуть к оружию для защиты жизни и человеческого достоинства членов партии» (приложение, т. I, л. д. 71).

Равным образом всякий раз, когда имел место террористический акт, такой как убийство Володарского 20 июня 1918 года и покушение на тов. Ленина 30 августа того же года, на следующий же день в печати появлялось торжественное заявление П. С.-Р. о ее полной непричастности к покушению или убийству.

Совокупность этих фактов, несмотря на ряд косвенных доказательств, опровергавших таковые, не давала возможности для соответствующих органов формально колебать доверие к подобным заявлениям партии. У широких слоев существовала все же уверенность, что партия с.-р., как целое, в лице ее ответственных руководящих элементов, во всяком случае такого метода борьбы по отношению к Советской власти не применяет, и что заявления ее ответственных руководителей вполне заслуживают доверия и метод политического двурушничества, обмана и двуязычия, при всех условиях, партии социал-революционеров чужд.

Так искренно полагали не только широкие массы трудящихся, но и ряд ответственнейших работников партии с.-р., о чем свидетельствуют показания такого ответственного работника в партии, как уполномоченный Ц. К. и член Моск. Бюро Ц. К. Гр. Ратнер, который показал: «По вопросу о покушении на Ленина, как это ни стыдно и ни странно для столь ответственного работника, каким я был в то время, я должен признать, что в течение всего времени... я абсолютно верил, что выстрел в

Ленина был индивидуальным актом озлобленной фанатички...» «Такое раз'яснение в самой категорической форме дали мне, после выстрела в Ленина, Донской, Артемьев, Злобин, Морозов, которые на столько близко стояли к работе Ц. К., что не могли не знать истинного положения вещей».

Партия террора не применяет, самое большое лишь допуская угрозу таковым,—таков должен был быть, казалось, единственный вывод из всех приведенных формальных заявлений и деклараций партии.

Этому формальному выводу из формальных заявлений предварительное следствие по данному делу считает должным противопоставить следующие фактически установленные следствием данные.

Первое заявление о возможности и допустимости террора, как метода борьбы по отношению к Советской власти, было сделано и затем соответственно опубликовано в официальном органе партии официальным докладчиком Ц. К. партии, В. Черновым, в заключительном абзаце его доклада «по текущему моменту» на IV с'езде партии с.-р. в ноябре 1917 г. Заканчивая свой доклад о предполагаемой тактической линии партии, Чернов заявил:

«Я не сомневаюсь, что при такой линии поведения... если мы найдем правильный путь тактики в Учредительном Собрании, то либо не воспоследует попытки покуситься на существование последнего, либо, если таковая попытка воспоследует, она сорвется к сраму и беде тех, кто на нее осмелится. В тот момент, когда кто-нибудь на это осмелится, я думаю, партия с.-р. не скрывала и не скрывает, что все ее силы физические и революционные, которые будут в ее распоряжении, она противопоставит всякой узурпации, всякому покушению на права народа, как она это делал прежде при предыдущих покушениях на право народа» («Дело Народа», № 222).

Это откровенное заявление о том, как будет действовать партия, если кто-либо покусится на ее фетиш—Учредительное Собрание, отнюдь не может быть, однако, рассматриваемо, несмотря на общеизвестный факт любви Чернова к фразе, только как хвастовство и фраза. Произнесенная на с'езде она может быть трактуема только как заявление программного характера, и никак не иначе.

Последнее тем более, что, во-первых, оно никем не было опротестовано из членов с'езда и, во-вторых, оно было еще раз подтверждено—и на этот раз в гораздо более категорической форме —другим ответственным представителем и лидером партии, А. Р. Гоцем, в его письме, направленным им на имя президиума IV с'езда—сам Гоц в это время отсутствовал в Петрограде,—оглашенном на с'езде и затем опубликованном точно так же в центральном органе партии. В этом письме Гоц писал («Дело Народа», № 220):

«Но я верю, что «поднявший меч от меча и погибнет». Безудержный поток насилий, разливающийся из Смольного, разобьется об организованную волю народных масс. А если Смольные самодержцы посягнут и на это высшее завоевание революции, тогда я уверен, партия социалистов-революционеров вспомнит о своей старой испытанной тактике, вдохновляемой лозунгом: «по делам вашим воздастся вам»...

С горячим приветом А. Гоц».

Гоц—не болтун, в отличие от Чернова, и это заявление, опять-таки никем не опротестованное и, наоборот, официально распубликованное в органе партии, является судебным фактом, мимо которого нельзя пройти молчанием при обследовании трактуемого вопроса.

Следует совершенно определенно, таким образом, установить, что к концу декабря и началу января 1918 г., в период острой борьбы и сгущения атмосферы вокруг вопроса о том, быть или не быть Учредительному Собранию, двумя ответственными представителями партии были сделаны заявления программного характера, равнозначащие официальному заявлению партии о допустимости террористической борьбы против Советской власти в случае, если таковая «покусится на права народа», воплощенные в Учредительном Собрании.

При таком положении вещей должно было создаться настроение, благоприятное для террористических актов, в среде наиболее экзальтированных членов партии, даже если бы партия, как таковая, еще формально не приняла никакого решения по данному вопросу в его конкретной, а не абстрактной постановке. К моменту же приближения конфликта в Учредительном Собрании и подготовки к таковому с обеих сторон, вопрос о терроре тем самым ставился сам собой в порядке дня. Это логическое построение находит свое подтверждение в следующих свидетельских показаниях (т. I, л. д. 31).

По показаниям Коноплевой, мысль о терроре неразрывно возникала сама собой прежде всего у боевиков, организацией которых занялась партия с конца декабря на случай разгона Учредительного Собрания. «Позже,—говорит Коноплева,—к этой работе присоединились экспроприации и террор».

Организатор боевых дружин Кононов, стоявший во главе этого дела с февраля 1918 г. и несший их до конца марта или начала апреля, также, согласно с Коноплевой, показывает, что от «членов военной комиссии и от членов Ц. К. я знал, что боевая дружина будет заниматься таким же делом, которым она занималась во время царизма, а именно—террористическими актами».

Зайдя за несколько дней до отъезда Совета Народных Комиссаров в Москву в редакцию «За народ», он, Кононов, встретил там, Леннера, которому заявил, что хорошо бы было не выпустить Совнаркома в Москву путем повреждения или взрыва паровоза или пути,—на что, якобы, Леннер ему ответил: «это мы сами знаем» (т. I, л. д. 124).

Эти показания характеризуют, как выше было указано, настроения, которые господствовали в тот момент в эс-эровских кругах. Однако уже в этот момент эти настроения начали принимать и совершенно отчетливые организационные формы. Характерным для этого момента является пока что их разрозненный и частный, а не официально-партийный, характер, какой имела инициатива отдельных террористических выступлений в тот момент.

Так, первая попытка организации террористических актов, как устанавливает следственный материал, принадлежала не Ц. К. партии или особо созданной с его ведома и под его наблюдением организации, а Петроградскому губернскому комитету партии, по его личной инициативе, за свой страх и риск.

По показаниям Семенова, к нему обратился от имени Петроградского комитета член этого комитета Эстрин с просьбой помочь ему достать пуд пироксилина для какого-то важного дела. «Впоследствии,—говорит Семенов,—я узнал от Коноплевой, что Петроградский губернский комитет в одном из своих заседаний обсудил вопрос о террористических актах и связанные с этим организационные вопросы и поручил организацию этого дела Эстрину» (т. I, л. д. 31).

Допрошенная по этому поводу Коноплева показала, что, действительно, на одном из заседаний Петроградского губернского комитета, членом которого она состояла, был поднят вопрос об организации террористических актов против Совета Народных Комиссаров. Этот вопрос был поднят Брюлловой-Шаскольской, председательницей комитета. На заседании при обсуждении вопроса присутствовали Брюллова, Шаскольский, Эстрин и 2 незнакомых Коноплевой представителя от уездов. План состоял в том, чтобы устроить крушение поезда Совнаркома при выезде его в Москву, для чего предполагалось использовать партийных рабочих Невскозаставского района. План был принят всеми против Коноплевой. В другом месте своих показаний свое голосование против плана губкома Коноплева об'ясняет неконспиративным характером постановки вопроса.

Этот, возникший по частной инициативе, план остался, однако, только в пределах Ц. К. Переговоры по этому делу с Центральным Комитетом партии, и, в частности, с членом Ц. К. Гоцем и уполномоченным Рабиновичем, вел тот же Эстрин (показания Коноплевой).

К этим двум свидетельствам следует присовокупить, наконец, третье, которое уже никак не может быть заподозрено в каком бы то ни было пристрастии или желании сгустить краски против партии с.-р. Таковым свидетельством является показание члена Ц. К. П. С.-Р. Иванова Николая, который по этому поводу показал.

«Наше намерение путем порчи пути или взрыва паровоза помешать спокойному от'езду Совнаркома в Москву должно было носить демонстративный характер. Эта попытка не получала осуществления ввиду недостаточной подготовленности дела и преждевременного от'езда Совнаркома» (т. I, л. д. 307).

Показания боевика Тисленко, опубликованные в заграничной прессе («Голос России»), направленные к тому, чтобы опорочить показания Семенова, тем не менее, также устанавливают тот же факт, что мысль об организации такого покушения имела место и что он, Тисленко, предпринимал ряд конкретных шагов для ее осуществления, в том числе провез для этой цели 6 пудов динамиту. Разноречa в деталях, эти показания, нуждающиеся в тщательной проверке, тем не менее являются в достаточной мере ценными, как показания о самом факте попытки такого покушения.

В дополнительных показаниях Коноплевой устанавливаются сверх того еще и иные подробности. Допрошенная Коноплева показывает, что в одной из бесед своих с Рабиновичем, с которым она познакомила Эстрина, Рабинович сообщил ей, что Эстрину не было дано окончательного ответа на вопрос о попытке взрыва поезда Совнаркома, ибо на Эстрина не надеялись как на боевика. Рабинович рассказывал Коноплевой, что они с Гоцем решили испытать Эстрина и однажды предложили ему отправиться на митинг и стрелять в Троцкого, который должен был там выступать. Эстрин отказался, что заставило Гоца и Рабиновича прекратить с ним вообще переговоры на эту тему.

Поскольку эти показания не противоречат показаниям Иванова и Тисленко, постольку может быть признано для этого периода совершенно точно установленным:

1. Что партийные организации правых эс-эров в этот период в лице их руководящих организаций, а именно Ц. К. в лице Гоца, Иванова и уполномоченного Рабиновича, и Петроградский Губернский Комитет в лице Брюлловой-Шаскольской, Шаскольского и Эстрина, замыслили и предприняли ряд мер по организации покушения на крушение поезда Совнаркома при его от'езде в Москву.

2. Что для этого ими был предпринят ряд организационных шагов.

3. Что об этом готовящемся покушении знали, кроме иных лиц, также Семенов, Коноплева и Тисленко.

4. Что покушение не удалось по независящим от воли данных лиц обстоятельствам.

Этими сравнительно недостаточными и неполными сведениями приходится ограничивать круг добытых данных по этой попытке за исследуемый период. Самым важным моментом из установленных данных следует считать факт осведомленности Ц. К., в лице его ответственнейших работников, о самом замысле, если даже отвергнуть или счесть недоказанным вопрос об участии со стороны Ц. К. Осведомленности после показаний Иванова отрицать нельзя. А раз так, то немедленно встает вопрос об отношении Ц. К., как целого, к такого рода актам. Руководящий орган политической партии не мог не иметь, он обязан был иметь по сему поводу суждение. На этот вопрос официальные протоколы Ц. К. хранят вполне понятное молчание, однако живые люди и, в частности, тот же Иванов и ряд других членов Ц. К. дают следующие показания.

Иванов Н., что он сам поставил вопрос о применении террора на одном из заседаний Ц. К. в конце января или начале февраля 1918 г., при чем был по этому вопросу поддержан Черновым. В другом месте Иванов говорит, что вопрос, в конце концов, был решен отрицательно (т. I, л. д. 307).

Член Ц. К. Буревой также говорит об этом заседании, относя его, однако, к концу февраля. «В своей речи по этому вопросу,—говорит Буревой,—Виктор Чернов, возражая противнику террора Сунгину, указал, что в гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство зарвавшегося комиссара может быть целесообразно. Чернов внес затем,—показывает Буревой,—резолюцию, которая была так расплывчато средактирована, что Сунгин усмотрел в этой резолюции возможность истолкования ее партийными организациями в смысле признания террора, и потому внес поправку о безусловной недопустимости террора. Поправка была отвергнута, после чего Сунгин вышел из состава Ц. К. Сам Буревой говорит, что он голосовал за террор и против Сунгина! (т. I, л. д. 232).

На заседании, по показаниям Буревого, участвовали Чернов, Рихтер, Тимофеев, Тетеркин и Веденяпин.

Допрошенный Ракитников подтверждает как факт, такого обсуждения вопроса в Ц. К., так и то, что большинство было против террора; называть имена участвовавших в голосовании он отказывался; сам он голосовал против террора (т. I, л. д. 163).

Член Ц. К. Веденяпин подтверждает факт ухода Сунгина из Ц. К. в связи с резолюцией Ц. К. о вооруженной борьбе (т. I, л. д. 290).

На основании этих данных следует, таким образом, установить:

1. Что действительно имел место факт обсуждения вопроса о применении террора в руководящем органе партии—ее Ц. К.

2. Что позиция партии была по этому поводу двойственна, т.-е. такова, что давала отдельным членам партии в известных условиях, точно не установленных, возможность совершать индивидуальные террористические акты.

3. Что эта неопределенность позиции послужила причиной выхода из состава Ц. К. одного из его членов, именно Сунгина.

4. Что большинство Ц. К. было против как формального разрешения террора, так и его безусловного формального запрещения. Эта позиция молчаливого санкционирования и официального отрицания была, как будет установлено дальше, действительной позицией Ц. К., как официального органа, во все последующее время, при чем еще более виртуозно была затем «углублена» и «развита» со стороны отдельных наиболее ответственных, фактических руководителей террористической работой партии Ц. К. Политическая и моральная оценка подобной позиции, как не входящая в задачи уголовного обвинения, оставляется сейчас в стороне.

1. Первая попытка покушения на т. Ленина.

2-я попытка организации террористического акта относится к марту месяцу 1918 г. и носит уже гораздо более серьезный и организованный характер, хотя инициатива и тут продолжает носить еще частный характер, исходит на этот раз от Коноплевой.

«Придя к мысли, — говорит Коноплева, — о необходимости террора.... я обратилась к представителю Ц. К. при Военной Комиссии Рабиновичу с предложением организовать дело покушения на Ленина, беря на себя роль исполнительницы» (т. I, л. д. 67).

Считаясь, однако, с серьезностью такого акта, она обратилась за санкцией в Ц. К. «В то время,—говорит она,—в Петрограде было несколько членов Ц. К.; остальные члены Ц. К. и бюро Ц. К. находились в Москве. Я виделась несколько раз с Гоцем, который в то время был ответственным членом Ц. К. в Петрограде. Он высказался положительно, но заявил, что такое большое по своим результатам дело он на свою ответственность не может взять и что он запросит бюро Ц. К. в Москве. С этой целью был послан в Москву Рабинович, который, в случае согласия бюро, должен был выяснить вопрос о руководителе боевой группы». В дополнительных показаниях от

24 марта 1922 г., более подробно останавливаясь на этом факте, Коноплева сообщила: «...я старалась добросовестно проверить себя. С Рабиновичем я виделась очень часто. Через некоторое время Рабинович свел меня с членом Ц. К. Гоцем. Встреча с Гоцем произошла на квартире Архангельского по Литейному проспекту. В беседе со мною Гоц указал на огромную важность террористического акта, как дезорганизующего ряды большевиков, и на то, что этот акт может пробудить силы партии и народных масс. Он также считал, что акт должен носить форму акта индивидуального. После свидания с Гоцем началась подготовка к акту. Рабинович с одной стороны, я с другой стороны старались подобрать людей в боевые отряды. Рабиновичем были приглашены в боевую организацию Ефимов и Иванова. Вскоре Иванова отошла от боевой организации,—остались я, Ефимов и Рабинович, как руководитель. Мы с Ефимовым ездили за Невскую заставу, где он обучал меня стрельбе из револьвера, полученного мною от Рабиновича» (т. I, л. д. 380, 381).

Из этого показания устанавливается, что: 1) подготовлявшееся покушение получило характер официально организуемого особо уполномоченными для сего членами Ц. К. партии дела, 2) что вся эта работа происходила со специального ведома Ц. К. и 3) что лицами, на которых лежит уголовная ответственность за посредничество между Ц. К. и непосредственными исполнителями, являлись члены Ц. К. Гоц и уполномоченный Ц. К. при военной комиссии при Ц. К. Рабинович.

Когда подоготовка покушения наладилась и Коноплева и Иванова устанавливали путем посещения митингов, где бывает тов. Ленин,—Совнарком выехал в Москву. Тогда Рабинович, по совету Гоца, отправился в Москву. «По возвращении из Москвы,—показывает Коноплева,—он сообщил, что бюро Ц. К. считает акт индивидуальным и выделил для руководства работой группы члена Ц. К. Рихтера, который должен к нашему приезду подготовить всю техническую сторону, произвести слежку, собрать все необходимые сведения, где живет и бывает Ленин, а нашим делом будет выполнение акта. Кроме того, он добавил, что у Гоца сначала был проект предложить это дело опытному террористу Моисеенко, который отказался».

Такие факты, сообщенные односторонним показанием Коноплевой, подлежат проверке основным следственным производством. В этой области в распоряжении следствия имеется статья, помещенная в «Голосе России», вышеупомянутого Рабиновича под заглавием «Как это было». В этой статье Рабинович, во-первых, не отрицает того факта, что он входил в военную комиссию от Ц. К. П. С.-Р. для связи между нею и Ц. К., и, во-вторых, будучи заинтересован как член Ц. К. в реабилитации Ц. К., заявляет, что в данном случае Коноплева действовала самостоятельно. Однако Рабинович не отрицает своей поездки в Москву для выяснения точки зрения Ц. К. и заявляет, что Коноплева искажает факты, будто бы он привез из Москвы санкцию Ц. К., утверждая, что он привез отрицательный ответ. Как аргумент, дающий ему право называть сообщение Коноплевой неверным, Рабинович выставляет то обстоятельство, что Коноплева ссылается на мертвых, не живых свидетелей, так что проверить правильность ее ссылки возможности нет, ибо «мертвым телом хоть забор подпирай». Такое утверждение Рабиновича весьма ценно в том отношении, что оно подтверждает общую обстановку покушения так, как она обрисовывается Коноплевой, т.-е. факт предварительного его сношения с Ц. К. и, следовательно, осведомленность Ц. К., факт поездки Рабиновича в Москву, следовательно, осведомленность бюро Ц. К. в Москве. В той части, в которой Рабинович опровергает утверждение Коноплевой и говорит, что он привез отрицательный ответ, опровергается живым, не мертвым человеком в лице обвиняемого Ефимова, члена боевой группы, который показал, что в марте 1918 года «член Учредительного Собрания Рабинович предложил мне поехать в Москву. Он указал мне, что поездка имеет целью террористический акт, но какой именно, не помню сказал ли он мне; Рабинович сказал, что подробные инструкции я получу в Москве от члена Ц. К. Рихтера». Эта часть показания Ефимова целиком совпадает с показа-

нием Коноплевой. «Вместе со мной поехала как руководительница дела Коноплева,—говорит Ефимов,—мы заехали в Москве к Рихтеру, на его квартиру, который должен был приготовить для меня и Коноплевой комнаты. От Рихтера я узнал о плане покушения на Ленина и о том, что моя роль в этом деле должна была сводиться к слежке за Лениным. Коноплева должна была быть исполнительницей покушения. В разговоре с Рихтером я выяснил,—говорит Ефимов,—что план покушения исходит от Ц. К. п. с.-р.» (т. I, л. д. 88 об.).

Такой категорический и совершенно точный характер показания Ефимова опровергает полностью статью Рабиновича и указывает, что Ц. К. в Москве был полностью в курсе всего вопроса о покушении. Наконец, в очной ставке вместе с Коноплевой Ефимов показал, что Рабинович, после приезда из Москвы, куда он ездил для выяснения решения Ц. К. о применении террора по отношению к Советской власти, «передал мне, что Ц. К. п. с.-р. дал свою санкцию на совершение террористических актов против Ленина и Троцкого. Я согласился на принятие участия в деле покушения исключительно ввиду решения Ц. К. о применении террора» (т. I, л. д. 97).

Этого мало, Ефимов показывает и больше. Передопрошенный он показал, что не только с Рабиновичем были у него переговоры, «я имел разговор в Петрограде, с Гоцем, до своего отъезда в Москву с Лидией Коноплевой. Из разговора с ним я узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но я тогда не знал, против кого персонально будет направлен акт. Все указания я должен был получить в Москве от члена Ц. К. Рихтера... и только в Москве я узнал от Рихтера о плане покушения на Ленина и Троцкого» (т. I, л. д. 90).

Эти совершенно категорические показания устанавливают осведомленность двух членов Ц. К. одного по Москве, другого по Петрограду, и третьего лица, специально выделенного Ц. К. для связи с военной комиссией, Рабиновича. При таких условиях, показание Рабиновича об отрицательном ответе Ц. К. является явно несоответствующим действительности.

Описывая в своих показаниях свою поездку в Москву, Коноплева далее сообщает: «В марте я с Ефимовым выехала в Москву. Приехав в Москву, мы направились на квартиру Рихтера и оттуда на снятую им квартиру по Большому Успенскому пер., д. 9. Из разговора выяснилось, что в смысле подготовки им ничего не сделано. Помощь его выразилась только в том, что он достал мне для отравления пуль яд «кураре» и познакомил меня с молодым человеком, которого хотел привлечь для слежки. Мы с Ефимовым тогда сделали попытку наладить дело со слежкой сами, но, не зная города, убедились, что толка, при такой постановке дела, не будет. Скоро приехал в Москву Гоц; он пришел ко мне на квартиру, и я передала ему о положении дел, об отсутствии помощи со стороны Рихтера, о невозможности вести слежку без помощника и при отсутствии руководителя. Гоц сказал, что дело приняло затяжной характер, момент упущен и предложил ликвидировать дело» (т. I, л. д. 381).

Ефимов, подтверждая эти показания, говорит, что за это время «пару раз ходил к Боровицким воротам Кремля для наблюдения за выездами Ленина», при чем сообщил, что «если он делал первые шаги в деле слежки за Лениным, то это исключительно в силу партийной дисциплины». Ефимов далее показал, что он имел в Москве беседу с другим членом Ц. К. Тимофеевым, которому сообщил об отсутствии у него и Коноплевой денег на обратную поездку в Петроград. При своей встрече с Тимофеевым в конце марта 1918 года на Арбате, вблизи особняка Второва, «я с ним,—говорит Ефимов,—имел очень краткий разговор и сказал, что мы уезжаем обратно ввиду того, что покушение на Ленина не удалось» (т. I, л. д. 88, 96).

Этим устанавливается связь с этим покушением уже третьего члена Ц. К. После Рихтера, Гоца и Тимофеева, Коноплева указывает четвертого члена Ц. К., также посвященного в дело ее с Ефимовым. Она говорит, что на пар-

тийной явке, в Шименовском переулке (адрес узнал Ефимов), она встретила члена Ц. К. Веденяпина. «Из разговора моего с ним я поняла, что ему была известна цель приезда моего в Москву. Вместе с Ефимовым я была на квартире Веденяпина на Новинском бульваре, где встретила другого члена Ц. К. Тимофеева. Тимофеев говорил, что момент для террористической работы еще не созрел, но не исключена возможность ее» (т. I, л. д. 381).

Дополнительно Коноплева показала, что у нее был разговор с Веденяпиным. Веденяпин знал о ликвидации дела и, «видя мое тяжелое состояние из-за ликвидации, старался меня ободрить» (т. I, л. д. 408).

Допрошенный Веденяпин показал, что о поездке Коноплевой он не помнит и заявляет, что никаких разговоров с ней о терроре у него не было. Однако Ефимов утверждает, что вместе с Коноплевой виделся с Веденяпиным, был у него на квартире и, кажется, получил от Веденяпина деньги на обратный проезд из Москвы в Петроград.

Итак, в первом покушении на Ленина в марте 1918 года принимали участие: во-первых, Рабинович, в качестве прикомандированного от Ц. К. к Военной комиссии руководителя работы последней, привезшего специальную санкцию на акт из Москвы, во-вторых, в качество непосредственного руководителя, назначенного Ц. К. и передавшего Коноплевой яд «кураре»—член Ц. К. Рихтер, в-третьих, члены Ц. К. Тимофеев, Гоц и Веденяпин, знавшие о готовящемся покушении, при чем Гоц знал о поездке Рабиновича в Москву за санкцией. Коноплева и Ефимов устанавливаются в качестве исполнителей.

Итак, 4 члена Ц. К. Рихтер, Гоц, Тимофеев и Веденяпин уличаются этими данными в официальном, если не руководстве, то полной осведомленности о готовящемся покушении. Форма, в которой имел быть совершен террористический акт, устанавливается, как акт индивидуальный, не связанный с деятельностью партии, как таковой, но, тем не менее, совершенный с ведома партии, ее благословения и под ее руководством.

2. Убийство тов. Володарского.

Володарский был убит 20 июня 1918 года. Однако организация его убийства началась гораздо раньше. На этот раз организатором убийства был Семенов, вернувшийся в Петроград из Москвы, куда он возил деньги, экспроприированные на ст. «Буй» (см. ниже). Деньги были переданы на происходившем в Москве с 7 по 14 мая 8-м Совете партии. В Петрограде в то время находились из членов Ц. К.—Гоц, Иванов, Ракитников, Донской и Раков. Это устанавливается прежде всего показаниями Дзеруля, показавшего, что в Петрограде остались Гоц, Донской и Ракитников. Допрошенный же Ракитников показал, что из членов Ц. К. в то время были в Петрограде Ратнер, Тимофеев, Донской и Гоц. Таким образом, пребывание Ракитникова в то время в Петрограде представляется полностью установленным (т. II, л. д. 30, т. I, л. д. 160).

Инициатива покушения здесь исходит от Семенова. Семенов изложил мотивы убийства Донскому. Донской определенно и раньше стоял на точке зрения признания террора и сказал, что передаст этот вопрос на разрешение Ц. К., при чем, вероятно, Семенову придется говорить лично с Гоцем. «На другой день,—продолжает Семенов,—у меня было личное свидание с Гоцем в помещении книгоиздательства «Революционная Мысль» на Литейном, где Гоц от имени Ц. К. сообщил, что Ц. К. относится к террору положительно. Я спросил, как смотрит на террор Виктор Чернов. Гоц ответил, что Чернов уже давно сторонник террористических действий. На мой вопрос, на кого следует организовать акт в первую очередь, Гоц указал, на Зиновьева и Володарского. Я просил Гоца

помочь мне тем или иным путем установить, где живут Зиновьев и Володарский. Гоц сказал, что в этом мне, возможно, поможет Зейман и что он лично переговорит об этом с Зейманом. Я был,—говорит Семенов,—у Зеймана. У Зеймана был уже разговор с Гоцем. Зейман был, видимо, против террора. Он предложил притти еще раз и на втором свидании заявил, что он ничего не узнал о том, где живут Зиновьев и Володарский. Я решил,—говорит Семенов,—к нему больше не обращаться».

Тогда-то Семенов и начал, после получения санкции Ц. К. через Гоца, организовывать центральный боевой отряд при Ц. К. для совершения террористических актов. В отряд вошли: Козлов-Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванова (т. I, л. д. 32).

Эти показания Семенова, устанавливающие совершенно определенно соучастие Ц. К. в террористической деятельности по совершенно ясному и определенному плану и старой схеме, обычной для террористической работы, подтверждаются следующими об'ективными свидетельствами и показаниями иных людей.

По вопросу о составе центрального боевого отряда допрошенный Федоров-Козлов показал, что в боевую дружину он вступил в 1918 году, что в центральную боевую дружину он был приглашен Григорием Ивановичем Семеновым. Далее Федоров-Козлов показал: «Я, как и все другие боевики, был уверен в том, что Ц. К. партии с.-р. признает необходимым совершение террористических актов и экспроприаций против Советской власти» (т. I, л. д. стр. 78).

Второй боевик, Усов, подтвердил, что перед поездкой Семенова в Москву в Петрограде вообще говорили в эс-эровских кругах о терроре, и указал, что действительно он входил в центральный боевой отряд вместе с Зеленковым.

Елена Иванова отрицает свою причастность к боевой работе и от дачи показаний отказалась.

Коноплева же показала, что действительно Центральный боевой отряд был создан по возвращении Семенова из Москвы в связи с данной членом Ц. К. Гоцем санкцией партии. «Для проведения акта в Петрограде остались,—говорит она,—Семенов, Иванова, Козлов, Сергеев и я. Собрания группы происходили на моей квартире на Васильевском Острове, 11 л., дом 46» (т. I, л. д. 388).

Неразъясненным здесь остается вопрос относительно участия в деле Зеленкова и Усова, которых не называет Коноплева. Однако при допросе Усова по этому поводу выяснилось, что в то время Семенов вызвал «нас с Зеленковым и об'явил нам, что надо поехать в Москву... через несколько дней он дал нам провизионки и мы уехали в Москву». Отсюда выясняется, почему Коноплева может не называть Усова и Зеленкова. Допрошенная по этому поводу, она показала: «Относительно Усова я знаю, что он в то время был командирован в Москву вместе с Зеленковым в распоряжение Гвоздя, выехавшего в Москву несколько раньше». Аналогично с этим Усов показал: «Я в это время вместе с Зеленковым был послан Семеновым в Москву, чтобы получить директивы от Гвоздя для работы по слежке за Лениным и Троцким». Наконец, вновь допрошенный по этому вопросу Семенов сказал: «Усов в слежке за Володарским участия не принимал, ибо я отправил Усова и Зеленкова в Москву в распоряжение Гвоздя. Через Усова и Зеленкова я передал Гвоздю о необходимости начать подготовительную работу по организации террористических актов на Ленина и Троцкого. У него была связь с членами Ц. К., но персонально с кем, не помню».

Невыясненной остается только роль участия Ивановой в этом акте. Однако и эта роль выясняется последующими показаниями других лиц (см. ниже).

По поводу участия Ивановой, Коноплева показала, что она неоднократно видала Иванову на заседаниях боевой группы. «Она же, Иванова, поручила мне после убийства Володарского проверить правильность имевшегося у нее адреса Бокия, который работал в то время в Петроградской Ч. К. Она указала

мне адрес на Васильевском Острове, Средний проспект, я ходила по этому адресу и выяснила, что на этой квартире жил какой-то родственник Бокия».

Семенов показывает: «Слежку за Володарским Иванова вела, она ходила по моим указаниям на митинги, где предполагались выступления Володарского. Иванова сказала, что берется установить адрес Володарского через супругу Бокия, эс-эрку, которую она знала по каторге. Иванова говорила мне, что она ходила к жене Бокия, но что ей не удалось ничего выяснить».

Наконец, Федоров-Козлов показал, что он встречал Иванову вместе с Коноплевой, хотя не знал, входила ли Иванова в состав боевого отряда и участвовала ли она в деле покушения на Володарского.

Прикосновенность Ивановой к покушению, таким образом, этими показаниями должна быть признана установленной.

Переходя к описанию покушения, Семенов показал, что он назначил исполнителями акта рабочих Сергеева и Козлова, хотя, по показаниям Козлова, последний и не знал, что ему тоже намечалась роль убийцы. «Место для выполнения акта,—говорит далее Семенов,—мы старались выбрать на окраине города, чтобы покушавшийся мог легко скрыться, и решили действовать револьверами. Коноплева передала мне яд «кураре», оставшийся у нее от времени мартовского неудавшегося покушения на Ленина. Я хотел отравить пули ядом и сделал это на квартире Козлова. «Я твердо помню,—говорит Семенов,—что в первый раз я отравил пули на квартире Федорова-Козлова за Невской заставой». Козлов не помнит этого. Продолжая свои показания, Семенов сообщил, что так как Зиновьев почти не выезжал из Смольного, а Володарский бывал часто на митингах, и так как по техническим собраниям его убить было легче, то решено было убить его первым. «Мы выбрали место на дороге из Петрограда на Обуховский завод у часовни, на повороте дороги. Решили остановить там автомобиль Володарского, думая набросать для этого на дороге битого стекла или гвоздей и испортить этим шины или бросить ручную бомбу перед автомобилем». Произведя всю подготовительную работу, Семенов сообщил об этом Гоцу. Коноплева показывает, что Гоц предложил выждать некоторое время, сказав, что срок покушения он укажет. «Не дожидаясь указания срока, член боевого отряда Сергеев, — говорит Коноплева, — с разрешения Семенова, встретив Володарского, выстрелом из револьвера убил его». Допрошенный по этому поводу Семенов показал, что когда покушение на Володарского технически было подготовлено «я запросил Гоца, считает ли Ц. К. возможным выступить немедленно для выполнения акта, Гоц от имени Ц. К. предложил мне еще некоторое короткое время выждать» (т. I, л. д. 32 и 388).

Оба показания, таким образом, совпадают и, тем не менее, есть основания их опровергнуть, что никаких логических оснований для сомнений здесь подыскать нельзя. Чрезвычайно характерными эти сообщения Коноплевой и Семенова являются в том отношении, что оба ничего не говорят о прямом запрещении со стороны Гоца и содержат только указание на необходимость выждать. Дальнейшие же имеющиеся в распоряжении следствия свидетельства, идущие со стороны сторонников партии с.-р. и ее заграничных союзников слова Семенова, подтверждают целиком. «На другой день Сергеев отправился посмотреть, как проедет автомобиль Володарского в месте, которое мы наметили для акта,—говорит Семенов.—Уходя, Сергеев, спросил у меня, как поступить, если представится удобный случай убить Володарского. Я ответил, что надо действовать. Автомобиль Володарского действительно остановился невдалеке от намеченного места, когда там был Сергеев. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу Сергееву. Сергеев выстрелил несколько раз и убил Володарского. На выстрел сбежались люди и бросились за Сергеевым... Он бросил английскую военного образца бомбу, преследующие растерялись. Сергеев бросился через забор, переплыл Неву и скрылся. Дня через 2—3

я его отправил в Москву. Эти дни он скрывался здесь в квартире Козлова, а затем в квартире Морачевского». Убийство было совершено раньше, чем последовало разрешение Гоца. Дело убийства было неожиданностью для самого Семенова. Это показывает Козлов, который в этот день был с Семеновым на Николаевском вокзале, где также выступал Володарский, и, вернувшись к себе на квартиру скоро увидел пришедшего к нему Сергеева, рассказавшего ему о совершенном акте, после чего они вместе отправились к Семенову, где и ночевали. Вскоре после этого Семенов отправил Сергеева в Москву (т. I, л. д. 39).

На другой день появилось официальное сообщение Ц. К. о непричастности партии к покушению. «Это заявление,—говорит Семенов,—было для нас неожиданным и морально огромным ударом. Я виделся и говорил с Рабиновичем, и, как представитель Ц. К., Рабинович от имени Ц. К. мне заявил, что я не имел права совершать акта и должен был, согласно последним указаниям Гоца, ждать». Подтвердив отречение Ц. К. от убийства Володарского, Коноплева показала: этот акт произвел тяжелое впечатление на весь отряд и в особенности на Сергеева, который, благодаря отказу партии, оказался в положении простого убийцы. «Того же дня,—говорит дальше Коноплева,—я встретила на Литейном в явке «Дело Народа» Рабиновича, который выразил негодование на то, что акт был произведен преждевременно, и передал приказание Семенову от имени Ц. К. о немедленном выезде группы из Петрограда» (т. I, л. д. 389).

Приведенные таким образом факты устанавливают прежде всего совершенно ясную связь боевой группы с членами Ц. К. Гоцем и Рабиновичем, при чем как до покушения, так и после. Затем связь не только в смысле организационном, но и в смысле руководства покушением и указания сроков покушения.

Оставляя в стороне вопрос, который ставится в показаниях Коноплевой о состоянии членов боевого отряда после отречения Ц. К. и оставаясь только в плоскости установления фактов, прежде всего обращает здесь внимание помещенная в «Голосе России» № 901 от 25 февраля 1922 года статья Чернова под заглавием «Иудин поцелуй». В этой статье Чернов дает следующие интересные подробности о поведении Гоца непосредственно в день убийства и на другой день после убийства. Этими показаниями, исходящими непосредственно от самих цекистов, подтверждаются полностью слова Семенова. «Эс-эр Постников,—пишет Чернов со слов Постникова,—на другой день после убийства прибежал к Гоцу и спросил, в чем дело. Гоц ответил, что рабочий, эс-эр по убеждению, имевший одно очень серьезное поручение, был свидетелем того, как у Володарского испортился автомобиль, не стерпел (курсив Чернова) и выстрелил в него, считая его виновником многих жестокостей. В присутствии Постникова тут же было написано заявление о непричастности партии к этому акту». О выговоре, который сделал Рабинович Семенову и Коноплевой на другой день после убийства, также говорит Чернов. Объяснения Чернова устанавливают, таким образом, во-первых, что Гоц был осведомлен о некоем серьезном поручении, которое было возложено на Сергеева, во-вторых, что Гоц был осведомлен, что убийца эс-эр и что он рабочий в то время, как это обстоятельство не могло быть ему известно, если он ранее не был об этом осведомлен, так как Сергеев не был арестован в момент покушения и его личность не была установлена. Наконец Гоц был осведомлен о том, что Сергеев «не стерпел», чем и вскрыл содержание серьезного поручения, которое последний имел.

Далее Чернов приводит следующие слова Гоца, переданные ему Постниковым: «знаете, если бы другое положение, то по нашим традициям... за такое самовольство человека, стоящего на революционном посту, следовало бы расстрелять». Гоцу, видимо, также был известен пост, на который был поставлен Сергеев. Мотивы, по которым Гоц дал распоряжение Семенову подождать с исполнением акта, также оказались совершенно далекими от мотивов принципиальных против акта. Вина Семенова и Сергеева, как оказывается из той же статьи, не в том,

что они совершили акт, а в том, что они совершили его преждевременно. «Убийство было несвоевременным,—говорит статья Чернова,—ибо оно нанесло ущерб избирательной кампании эс-эров на выборах в Петроградский Совет». О тех же мотивах впоследствии говорит Ратнер.

После совершения убийства вся группа выехала, действительно, немедленно из Петрограда. Допрошенный по этому поводу Ефимов показал, что он знал, что убийство Володарского было совершено боевым отрядом. То же показывает и Зубков. Исключение составляет лишь один Ракитников, который говорит, что от Гоца он узнал в июле 1918 года, что позиция Ц. К. по вопросу о терроре не изменилась и что Ц. К остался, как и был раньше, против террора (т. I, л. д. 90—91).

Из этого показания ясно, что по отношению к Ракитникову Ц. К. продолжал линию той же конспирации, которую поддерживал и до самого последнего момента по отношению большинства членов своей партии. В такой же степени важными для опровержения показания Ракитникова являются показания Григория Ратнера: «Я находился во время убийства Володарского в Бутырской тюрьме,—говорит Ратнер.—Сидевшие в тюрьме в чрезвычайно консперативной форме узнали, что убийство Володарского связано с партией. Член Ц. К. Евгения Ратнер на вопрос мой об участии партии в убийстве Володарского ответила кратко «наши». По выходе из тюрьмы я узнал от Артемьева,—говорит Ратнер,—что Ц. К. дал предварительную санкцию на убийство Володарского» (т. II, л. д. 193).

Артемьев от дачи показаний отказался.

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что руководящие члены Ц. К., начиная с Чернова, знали о деятельности Центрального боевого отряда и одобряли террор. Об этом говорит также член бюро эс-эровской фракции Учредительного Собрания Гоз-иблюм, указывая, что Чернов был сторонником немедленного террора. Не скрывал эту точку зрения и член Ц. К. Тимофеев. Наконец, тот же Ратнер показал, что, при свидании в августе 1918 года с Донским, последний на вопрос, было ли убийство Володарского партийным актом, неопределенно улыбнувшись, сказал приблизительно следующее: «Было дело». Таким образом в убийстве Володарского принимали участие и были во всяком случае о нем осведомлены: Гоц, Донской, Евгения Ратнер, Григорий Ратнер, Рабинович, Семенов, Коноплева, Сергеев, Федоров-Козлов, Усов, Зейман, Моравчевский и Елена Иванова, при чем из членов Ц. К. Гоц указал лиц, подлежащих убийству. Рабинович от имени Ц. К. делал Семенову внушение за производство акта преждевременно. Организатором актов был Семенов, участвовали в слежке Коноплева, Федоров-Козлов и Иванова, а исполнителем акта был Сергеев, укрывателями Сергеева были Моравчевский и Федоров-Козлов.

3. Покушение на Зиновьева и убийство Урицкого.

Урицкий был намечен, как жертва террористического покушения, одновременно с Зиновьевым и Володарским. Эти имена были указаны нам Гоцем от имени Ц. К.,—говорит Коноплева. Зейман по указанию Гоца должен был установить местожительство Володарского и Зиновьева. Слежка за Урицким была специально поручена Коноплевой, которая специально для этого сняла квартиру против квартиры Урицкого,—говорит Семенов. Допрошенная Коноплева подтвердила эти показания Семенова и сказала, что она, после убийства Володарского, осталась в Петрограде и повела работу по подготовке покушения на Урицкого; «для этой цели была мною снята комната на 9-й линии Васильевского Острова, против дома, где жил Урицкий. Я бывала в его квартире, так как хозяйка ее была зубным врачем». К ней она ходила лечить зубы. Помощник Коноплевой был Зейман. «В средине июля,—продолжает Коноплева,—мною была дана Семе-

нову телеграмма, что покушение на Урицкого можно произвести, но в это время я была вызвана в Москву». По отъезде ее слежка за Урицким была передана боевику Зейме. Он вскоре уехал и работа прекратилась. При проверке этого показания Коноплевой, Семенов показал, что руководство слежкой за Урицким Коноплева передала по его директиве боевику Зейме, который в то время был начальником Василеостровского района. Урицкий был впоследствии убит Каплиссером, которой, по словам Коноплевой, не имел отношения к боевому отряду (Т. I, л. д. 22, 389, 36).

В отношении фактов, на которые ссылается Коноплева, установлено, что Коноплева действительно послала в Москву телеграмму на имя Калашниковой на Ярославский вокзал (см. показания Семенова об адресе для телеграмм) и что телеграмма эта не была получена и Коноплева была вызвана в Москву самостоятельно. Но относительно роли и степени участия партии с.-р. в убийстве Урицкого, несмотря на показания Коноплевой, следствием установлено, что Каплиссер все же находился в тесной связи с организацией партии с.-р. входил в организацию Филоненко (см. выше) и в свое время он был одним из назначенных военных комендантов партии с.-р. в Выборгском районе при подготовке попытки восстания и был на одном из заседаний военного штаба за Невской заставой. По этому же поводу произведенное расследование по делу убийства Урицкого не даст оснований утверждать о прямой связи совершенного убийства с Ц. К. партии с.-р., но оставляет открытым вопрос о полной непричастности Ц. К. к этому убийству. Санкция на убийство, во всяком случае, своевременно, как это указывает Коноплева, была дана.

Таким образом, участником и организатором покушения на Зиновьева и Урицкого оказался Гоц, член Ц. К., давший санкцию на террор. Организатором покушения оказались: Семенов, Коноплева и Зейме. Исполнительницей акта должна была быть Коноплева.

При обзоре этих актов, непосредственная связь Ц. К. с подготовительной и последующей работой представляется установленной несомненно, и вся декларация партии о непричастности ее к убийству Володарского остается прямою и самой неприкрашенной ложью.

4. Второе покушение на Ленина.

Выше было сказано, что параллельно с работой в Петрограде велась работа в Москве оставленным там специально для этой цели Гвоздем и посланными ему в помощь Усовым и Зеленковым. Эта посылка была сделана с ведома Гоца и Донского, при чем Гвоздь был связан с членами Ц. К. в Москве. Впоследствии, по приказанию Рабиновича о выезде боевой группы из Петрограда, в Москву приехали: Семенов, Иванов, Козлов и Сергеев, ранее еще была вызвана немедленно после убийства Володарского в Москву и Коноплева. Работа Зеленкова, Усова и Гвоздя заключалась в ознакомлении с Москвой и в слежке за автомобилями ответственных работников Коммунистической партии. Коноплева приехала после 20 июля. Работа, однако, не пошла, и сам Семенов вскоре выехал в Саратов для организации партизанских отрядов. Работа возобновилась только после его нового свидания в Саратове с Донским, где последний, как член Ц. К., санкционировал инициативу Семенова по возобновлению террористических актов.

Допрошенный Усов показал, что, приехав вместе с Зеленковым в Москву, он не получил от Гвоздя никаких конкретных указаний, и они бесцельно с Зеленковым шатались по Москве, пока Зеленкову это не надоело и он уехал в Петроград. «Как-то утром ко мне на квартиру,—говорит Усов,— явился Семенов и сообщил, что приехали из Петрограда он, Сергеев, Федоров-Козлов, Коноплева и Елена Иванова». Таков и был состав боевой группы (Т. I, л. д. 108).

Факт официального отказа Ц. К. партии с.-р. от участия в убийстве Володарского вызвал решение центральной боевой организации отодвинуть террористическую работу на задний план и заняться военной работой в Москве и других городах Республики. Тогда-то и выехал Семенов в Саратов. В Саратове Семенов передумал и пришел к мысли о неизбежности террористической борьбы. После этого он еще раз изложил свой взгляд Донскому. «Донской опять-таки,—говорит Семенов,—всецело разделил мою точку зрения».

Далее Семенов показал: «Вернувшись в Москву, я запросил у Гоца мнение Ц. К. Из беседы с ним, я был у него на даче под Москвой, по Казанской жел. дор., выяснилось, что Гоц стоял на той точке зрения, что политическая обстановка достаточно созрела и что убийство Троцкого и Ленина можно и следует осуществить немедленно. На вопрос об отношении в будущем к этому Ц. К., Гоц ответил, что намеченные террористические акты имеют такое большое политическое значение, что Ц. К. ни в коем случае не выступит после них с таким заявлением, с каким он выступил после убийства Володарского, но может быть, что Ц. К. не сразу по тем или иным практическим соображениям, но возможно через некоторое короткое время открыто признает акт делом партии» (т. I, л. д. 36).

Беседу по тому же поводу с Гоцем имела и Коноплева тоже под Москвой, по Казанской жел. дор., на даче. По вопросу о террорестической работе им было высказано следующее положение: ситуация совершенно изменилась, идет открытая борьба с большевиками, существуют фронты и теперь целесообразны и нужны террористические акты. Теперь уже можно террористическую борьбу вести от имени партии. Покушения на Ленина и Троцкого партия признает своим делом, если не сейчас, то немного позднее (т. I, л. д. 392).

Наконец, Усов показывает, что однажды на явке в книгоиздательстве «Революционная Мысль» он встретил там Сергеева, Иванову и Донского. Между ними,—говорит Усов,—шли прения, кого нужно убить в первую очередь: Троцкого или Ленина. Елена Иванова предлагала Троцкого, а Донской и Семенов были за убийство Ленина» (Т. I, л. д. 109, 110).

Четвертый боевик, Пелевин, показывает, что ему в то время уже было известно от Семенова, от Каплан и Коноплевой, что бюро Ц. К. в Москве санкционировало террор и экспроприации по отношению к Советской власти. «Я старый эс-эр,—говорит Пелевин,—и иначе я бы не согласился никогда на применение таких террористических приемов. Я это знал от Семенова, от Фанни Каплан и от Лидии Коноплевой».

После санкции Ц. К., переданной Гоцом Семенову, последний сообщил об этом членам боевой организации на собрании членов боевой организации, и последние тогда потребовали, чтобы Ц. К. определенно заявил, что он не отречется от актов. Согласно этого решения Семенов снова отправился к Гоцу на дачу и предложил дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени Ц. К., что Ц. К. не отречется от акта. Гоц дал от имени партии честное слово, что Ц. К. не заявит о непричастности партии и признает акт открыто немедленно или через некоторое время (Т. I, л. д. 36).

На основании этого показания устанавливается: во-первых, связь боевой группы непосредственно с Ц. К. через Семенова, во-вторых, осведомленность об этом членов Ц. К. Гоца и Донского, в-третьих, полная уверенность всех боевиков, что они действуют с санкции Ц. К., и, в-четвертых, формальная гарантия, данная Ц. К. о том, что он на этот раз не отречется от акта.

Этим, однако, не исчерпываются все об'ективные свидетельства о связи Ц. К. с боевой группой. На вопрос о составе центрального боевого отряда Коноплева показала, что состав в то время, в конце июля, был следующий: Семенов, Иванова, Усов, Козлов, Зубков, Зеленкова и она — Коноплева. В начале августа в отряд вошли Новиков, Королев и Киселев (Т. I, л. д. 392).

Далее Семенов показал: «Дашевский, которому было известно, что я являюсь руководителем террористической группы, сообщил мне, что в Москве есть группа с.-р., которая ведет террористическую работу самостоятельно, без контакта с Ц. К., предложил мне попытаться соединиться с этой группой лиц и познакомил меня с руководительницей этой группы. Этой руководительницей была Фани Каплан» (Т. I, л. д. 36).

Соответственно с этим допрошенный Дашевский показал, что совершенно случайно от одного из товарищей он узнал, что к нему обратилась Фани Каплан с просьбой о содействии, и что она имела в виду покушение на Ленина. Это было приблизительно в июле 1918 года. После знакомства своего с Каплан, Дашевский и сообщил об этом Семенову, указывая на чрезвычайную опасность самочинного выступления Каплан, и предложил войти в сношения с Каплан. По этому поводу Коноплева, допрошенная по этому же вопросу, показала, что действительно в числах между 10 и 12 августа в отряд была принята Фани Каплан. Семенов, подтвердив вхождение той же Каплан, сказал, что Каплан рассказала ему, что до вступления она через кого-то предлагала Ц. К. убить Ленина и Троцкого, при чем Семенов смутно припоминает, что Гоц на одном из свиданий говорил ему, что к нему обращалась Каплан с предложением убить Ленина и Троцкого, и что Ц. К. тогда ей отказал, считая Каплан истеричкой. Далее Семенов показал, что Каплан сказала ему, что она обращалась со своим предложением к Вольскому и к члену бюро фракции Учредительного Собрания Павлову и к Савинкову (т. I, л. д. 203, 204 и 392).

Допрошенный по этому поводу Вольский подтвердил, что он, действительно, встречался с Каплан два раза в мае месяце 1918 года, при чем Каплан говорила о том, что она хочет совершить террористический акт против представителей коммунистической партии. В группу Каплан,—говорит дальше Семенов,—входило три человека: бывший матрос Пелевин, Рудзиевский и эс-эрка Маруся (т. I, л. д. 37).

Допрошенный Пелевин показал, что он познакомился с Каплан у Рудзиевского, где собиралась группа людей, решивших организовать вооруженную борьбу с Советской властью, и что вскоре он и Каплан отошли от Рудзиевского и стали принимать участие в слежке за Троцким (Т. I, л. д. 83).

Таким образом, суммируя все эти показания, из которых ни одно не только не противоречит другому, но все в совокупности полностью подтверждают одно другое, устанавливается:

во-первых, связь группы Каплан с группой Семенова, совпадающая во времени и датами, в числе сотрудников и прочих мелочах;

во-вторых, связь Каплан с Ц. К. и связь Ц. К. с Семеновым; кроме того, подтверждается состав центрального боевого отряда и полная согласованность всех его действий с Ц. К.

Одновременно, совершенно точно устанавливается также характер отношений Ц. К. к этому акту при наличии полной согласованности показаний всех участников боевой группы. Отношение Ц. К. к Семенову и Семенова к Ц. К. устанавливается равным образом из показаний и Коноплевой и Семенова. Характерен ответ Ц. К., данный в лице Донского и Гоца. Они признавали акт своевременным, они указывали на возможность террористической борьбы с развитием борьбы и установлением фронтов и они допускали возможность отсрочки признания акта по некоторым соображениям тактики молчаливого санкционирования, с отложением вопроса об официальной ответственности и об открытом признании до удобного времени. Эта позиция, о которой, в свое время, согласно показывали и Иванов, и Ракитников, и Буревой.

Ту же позицию подтверждает и Пелевин, который показывает, что на собрании боевиков, после того, как Семенов сообщил о разрешении Ц. К., боевики

все же потребовали более формальной гарантии, после чего Семенов отправился еще раз к Гоцу, где последний заверил его честным словом, что Ц. К. не заявит о непричастности партии к покушению. О каких-либо мерах препятствий со стороны Ц. К. при наличии его полной осведомленности о готовящемся акте, нет ни одного намека ни в одном из показаний ни одного из участников группы.

В дальнейшем устанавливается еще более убедительный факт. Семенов показывает: «Так как Ленина было легче убить технически, мы решили убить его при отъезде с митинга из револьвера». Москва разделяется территориально на 4 части, назначаются 4 исполнителя акта, на каждом более или менее крупном митинге обязательно дежурит кто-нибудь из боевиков. Районный исполнитель ждет неподалеку от митинга, в условном месте, и, как только Ленин приезжает на митинг, дежурный боевик сообщает районному исполнителю. Районный исполнитель является и выполняет акт. Исполнителями были назначены Каплан, Коноплева, Козлов и Усов. Фактическую сторону этого дела целиком подтверждают показания члена боевой группы Усова, который говорит, что он стал руководствоваться газетами, где периодически помещались об'явления о митингах. Семеновым было решено посылать на эти митинги террористов и разведчиков. «Помню слова Ивановой о том, что Центральному Комитету весьма желательно, чтобы исполнителем был обязательно рабочий. Все высказались, чтобы исполнителем был я. Это поддержала Иванова, которая считала меня очень честным и самоотверженным человеком»,—говорит Усов (Т. I, л. д. 112).

Допрошенный Зубков показал, что в деле покушения его участие выразилось в том, что он ходил по митингам следить за тем, на какие митинги приезжает Ленин. Допрошенный Федоров-Козлов показывает, что вместе с Каплан и Лидией Коноплевой он принимал участие в слежке за Лениным и состоял в числе исполнителей акта на Ленина вместе с Каплан и Коноплевой (т. I, л. д. 78 и 136).

Иванова от дачи показаний отказалась, но Коноплева показала то же самое, что остальные три. Но когда в первую неделю боевики, вооруженные револьверами, были распределены по митингам, и один боевик, намеченный отрядом, встретив Ленина, в него не выстрелил, на вторую неделю состав был изменен; «были назначены в качестве исполнителей только Фани Каплан, я и Козлов»,—говорит Коноплева. Таким образом, из первых четырех оказывается, по показаниям Коноплевой, исчезнувшим Усов.

Согласно показаниям Семенова и показаниям самого Усова, причина была именно та, на которую указывает Коноплева; Усов показал, что, переживая в это время ломку и не веря в правоту дела, он, получив револьвер, пошел в Александровский Народный дом, уже вовсе не думая стрелять в Ленина; «я не знал,—говорит Усов,—где правда, и потому не мог стрелять и, когда пришел к своим, они меня своим уже не считали, и я стал думать, как бы вообще уйти из организации. Допрошенный Семенов показал, что после того, как Усов покушения не сделал, он Усова исключил (Т. I, л. д. 113).

Второй исполнитель, Козлов, как это установлено следствием, поступил равным образом точно так же, как и Усов. Допрошенный он показал, что принимал первоначально участие в слежке за Лениным и состоял в числе исполнителей акта. В тот день, когда стреляла в Ленина Каплан, он также был на митинге в Хлебной Бирже, встретил там Ленина, но в него также не выстрелил, не решился. Оказались более «твердыми» только Коноплева и Каплан.

К этому времени относятся показания еще одного важного об'ективного свидетеля относительно связи Ц. К. с боевой организацией. К этому времени руководителем Московского отряда Ц. К. являлся Донской, вызванный из Саратова. Между ним, Семеновым и Каплан имело место свидание на бульваре у Смоленского рынка. Здесь Донской говорил открыто, что Ц. К. безусловно признает акт делом партии. Подтверждением могут служить показания Ставской, приехавшей в Москву после покушения на Ленина и имевшей по поводу покушения беседу с Донским. Ставская показала: «я встретилась

в Москве с Донским, который отрекомендовался мне членом Ц. К., представляющем Ц. К. в Москве. На вопрос о причастности партии с.-р. к покушению на Ленина он ответил, что Ц. К. знал о подготовляющемся покушении, не мог удержать Каплан и не мог открыто признать акта покушения делом партии, боясь подвергнуть партию репрессиям со стороны Советской власти. В беседе со мною,—говорит Ставская,—он отнюдь не возражал против применения террора как орудия борьбы с большевиками и предложил мне направиться в боевую группу при Ц. К., возглавляемую Григорием Ивановичем Семеновым. Донской дал мне определенно хороший отзыв о Семенове. Донской сказал мне, что Фани Каплан состояла в боевой группе Семенова и что я могу от последнего узнать все подробно о Фани. Этим свидетельством, которое не может быть опровергнуто ничем, связь Ц. К. с покушением на Ленина установлена точно и бесповоротно.

Самое покушение на Ленина рисуется допрошенными в следующем виде. Семенов показывает, что, после исключения Усова из состава исполнителей, он рассылал боевиков на все митинги и прежде всего в тот район, где, по его мнению, было больше всего шансов на приезд Ленина. На завод Михельсон он послал старого эс-эра боевика Новикова, а Каплан дежурила недалеко от завода, на Серпуховской площади. Усов подтверждает фактическую сторону покушения и то, что при Каплан, в качестве разведчика, был Новиков. В материалах дела Каплан (лист № 7) имеется показание помощника военного комиссара 5-й Московской Советской дивизии, Батурина, задержавшего Каплан после покушения и удостоверяющего, что она находилась вблизи Серпуховской площади недалеко от места совершенного покушения.

Коноплева показывает, что Ленин приехал на завод Михельсон и дежуривший там боевик Новиков дал знать Каплан, которая при выходе Ленина в него стреляла. Пули были отравлены ядом кураре. В каждом револьвере было отравлено по 3 пули. Допрошенный по этому поводу Семенов удостоверяет, что пули он отравил лично на квартире Федорова-Козлова, который при этом присутствовал и это также подтверждает.

Осмотром вещественных доказательств по делу о покушении на Ленина, а именно: поднятого на месте преступления револьвера системы Браунинг, семи имевшихся в обойме пуль, трех пустых гильз от выстреленных пуль, и осмотром извлеченных после ранения пуль, устанавливается, что семь пуль целы и никаких надрезов не имеют, из извлеченных же пуль одна из трех разрезана на-крест. Допрошенный Козлов, который должен был стрелять в этот день на Хлебной бирже, говорит: «У меня был с собою испанский браунинг. Пули были отравлены Семеновым. Отравление происходило на явочной квартире группы в Сыромятниках. Семенов надрезал пули перочинным ножом и посыпал их каким-то порошком». Допрошенная на следующий день после совершения покушения Каплан (дело покушения Каплан, лист 25 и л. 28) показала: «Я приехала на митинг в 8 час. вечера. Кто дал мне револьвер—не скажу». При первом допросе она показала, что она Самарское правительство принимает всецело и стоит за союз с союзниками против Германии и что она совершила акт, как акт индивидуальный.

На основании изложенного устанавливается, что о готовившемся покушении знали члены Ц. К. Гоц и Донской, что санкция дана ими от имени Ц. К., что Гоц дал, кроме того, честное слово, что акт будет признан, что то же заверение дал Донской Каплан, что все боевики были убеждены, что действуют согласно санкции Ц. К., при чем это разрешение обеспечили себе особым договором. В результате на другой день после покушения последовало новое официальное заявление от имени партии, что она абсолютно никакого участия в покушении на Ленина не принимала.

Этот отказ, по словам Коноплевой, произвел ошеломляющее впечатление на отряд. Боевик Пелевин по этому поводу показывает, что отказ партии произвел ужасающее впечатление. «Люди шли на смерть—говорит Пелевин—от имени Ц. К., и этот Ц. К. отказывается от собственного дела». Боевик Зубков показывает, что заявление Ц. К. нас возмутило и произвело удручающее впечатление. Семенов показывает, что отказ партии произвел на нас ошеломляющее впечатление (Т. I, л. л. 83, 38).

Последующее развитие событий рассеивает, однако, последнюю тень сомнений относительно действительной роли Ц. К. и рассеивает версию о возможности обмана боевиков со стороны Семенова. Пелевин в марте 1919-го года встретился в тюрьме с Донским и имел с ним по этому поводу беседу. Донской, по словам Пелевина, не дал ему прямого ответа на вопрос о поведении Ц. К. и сказал, что об этом будет поднят вопрос на ближайшем с'езде партии. Семенов говорит, что он встретился, он и Новиков, потом с Донским, которому заявил, что считает подобное поведение Ц. К. трусостью. Донской указал, что Ц. К. считал необходимым сделать такое заявление, потому что в противном случае партия подверглась бы разгрому красного террора (Т. I, л. д. 83).

В деле имеется далее показание Григория Ратнера, который говорит, что до момента разоблачения Семенова он думал, что выстрел в Ленина был актом индивидуальным, ибо такое раз'яснение дали ему в совершенно категорической форме Донской, Артемьев, Злобин и Морозов.

Тот же Донской, однако, в августе 1918 года будто бы на вопрос о принципиальном отношении партии к террору ответил: принципиально террор, конечно, по отношению к большевикам приемлем, но это вопрос тактики в каждом конкретном случае». На вопрос, можно ли это понимать, как директивы, Донской в ответ рекомендовал соблюдать лишь абсолютную конспирацию. Такова была тактика Ц. К. и конспирировал Донской, как видно, от того же Ратнера (Т. I, л. д. 184).

К той же категории показаний относительно позиции Ц. К. и действительного положения дел относится показание Ставской, о котором говорилось выше.

В качестве противного доказательства имеется единственная помещенная за границей статья Тисленко, описывающая время непосредственно после покушения, и, с другой стороны, переписка Чернова с Коноплевой, равным образом опубликованная в печати. Вчитываясь внимательно в эту переписку и показания Тисленко, прежде всего устанавливается, что Коноплева рассказывает о своей встрече с Черновым, имевшей место в 1919 г. в Трубниковском переулке, в Москве. Эту встречу подтверждает и Чернов. На этой встрече Коноплева, по ее словам, горячо возмущаясь, запросила Чернова о поведении Донского и Гоца. Чернов подтверждает также, что чем-то Коноплева была недовольна Однако по поводу рассказанного Коноплевой,—говорит Чернов,—он предложил ей сообщить об этом нарушении партийной этики и дисциплины со стороны Донского в особо созданную 9-м Советом партии следственную комиссию и ставит Коноплевой в упрек, что она туда не обратилась. Этим показанием, подтверждающим уже установленный факт, только дается еще одна лишняя характеристика двуличной позиции Ц. К., ибо, конечно, ни о каком специальном расследовании со стороны следственной комиссии о действиях Донского по этому вопросу речи не могло быть, поскольку сам Ц. К., в том числе и Чернов, были прекрасно обо всем происшедшем осведомлены (см. «Голос России»). В показаниях Тисленко, помещаемых им со специальной целью опорочения показаний Семенова и Коноплевой, основным фактом является подтверждение им, Тисленко, тех же фактов, о которых показывает Семенов и Коноплева в до мелочей правильно изложенных показаниях.

После покушения на Ленина, по показанию Коноплевой, под влиянием отказа партии от признания акта, центральный боевой отряд стал распадаться, настроение у всех было чрезвычайно угнетенное, и на общем собрании был поставлен вопрос либо о роспуске группы, либо о продолжении деятельности. Эти факты Тисленко в своих показаниях целиком подтверждает. По этому поводу,—говорит дальше Коноплева.—специально в Пензу, где в то время находился Ц. К., выехал один из членов боевой группы. Тисленко точно так же этот факт подтверждает и говорит, что выехал специально он, Тисленко. По показаниям Семенова, Тисленко привез оттуда ответ, что Ц. К. не считает возможным дальнейшее произведение террористических актов от имени партии, но не возражает против индивидуальной работы

с тем, чтобы она ни в какой мере с именем партии связана не была. По общему впечатлению Ц. К. находился в то время в состоянии паники от об'явленного красного террора (Т. I, л. д. 392, 393).

По показаниям Семенова, по этому поводу у него имелся разговор с Донским, при чем Донской высказался против того, чтобы боевая группа называлась даже группой членов партии с.-р., мотивируя это тем, что вся партия будет поставлена этим под удар. Донской предлагал поэтому воспользоваться каким-нибудь другим названием, ничего не говорящим о причастности к партии с.-р., вроде «народных мстителей» или «черных масок». Это предложение было принято боевиками, как насмешка и издевательство. Так показывает Семенов.

Ответ, привезенный Тисленко от Гоца, по заявлению Семенова, гласил, что группа может существовать и работать при условии, чтобы не было видно связи с партией. В этом пункте показания Тисленко расходятся. Тисленко утверждает, что он привез ответ, категорически запрещающий террористические действия, с угрозой Ц. К. в противном случае принять свои меры. И далее Тисленко делает вывод: «ему казалось, что и раньше у Семенова не было санкции от Ц. К.». Насколько правильны предположения Тисленко о том, что ему «казалось», устанавливается всем предыдущим изложением. Если же сопоставить полное совпадение изложения фактов Тисленко и Семенова, кроме самого последнего факта ответа, станет ясным, что показание Тисленко не может быть признано достоверным уже по тому, что оно не имело под собою никаких других об'ективно-подтверждающих его содержание фактов. Показание Тисленко представляется явно инспирированным с совершенно определенной целью реабилитации партии. В особенности падает все значение показаний Тисленко при сопоставлении их с показаниями Ставской, которые были приведены выше о ее беседе с Донским. В добавление к показаниям Ставской следует добавить показания члена Ц. К. Иванова о том, что он впоследствии слышал, что Каплан имела санкцию от имени Бюро Ц. К. на производство террористических актов против деятелей Советской власти.

5. Покушение на тов. Троцкого.

Одновременно и параллельно с организацией покушения на жизнь тов. Ленина шла подготовка акта против тов. Троцкого. Об этом, как установлено уже выше, были осведомлены и Гоц и Донской. Слежка за Троцким велась одновременно за в'ездом в Кремль, в Военный Комиссариат и в военные учреждения в районе Никитской улицы, Георгиевского пер. и Садовой. В бытность Семенова в Саратове, он уж тогда выставлял убийство Троцкого на первый план, считая его актом военно-стратигическим, который сыграл бы огромную роль на фронтах, оставив Советскую армию без руководителя. Слежка велась и по деревне Тарасовке, по Ярославской ж. д., где Коноплева поселилась под именем Лидии Николаевны Поповой. Однако попытки установить путем слежки регулярность выездов т. Троцкого не дали никаких результатов. Одновременно, еще до вступления Каплан в центральную боевую организацию, Пелевин, по его показаниям, также производил слежку за Троцким. Дача Троцкого должна была находиться возле так называемой «Соломенной избушки», вблизи радио-телеграфа. «Я отправился туда,—говорит Пелевин,—никакого радио-телеграфа не нашел и квартиры Троцкого не мог разыскать». Это происходило приблизительно в июле и в начале августа 1918 года» (Т. I, л. д. 388).

У Семенова был другой план: параллельно с подготовкой убийства Ленина «я наметил план— говорит Семенов—произвести крушение поезда Троцкого. Для этого была использована подрывная группа, в которую вошли: Зубков, Иванова, Томашевич, Рудаков и Карсавин. Группа прошла технический курс подрывного дела под руководством эс-эра, под кличкой «Глеб», работавшего в подрывной группе военной организации. Допрошенная Коноплева показала, что

в сентябре 1918 года летучим боевым отрядом была сделана попытка произвести покушение на Троцкого. «В Москве, на вокзале, дежурили я, в качестве исполнительницы террористического акта, и Королев, а несколько членов отряда с Ивановой, составлявшие подрывную группу, поехали по Казанской дороге, чтобы подготовить крушение поезда на ст. Люберцы» (Т. I, л. д. 37, 395).

Соответственно с этим Зубков показал, что действительно он, Усов и Иванова Елена выехали на линию жел. дороги, около станции Томилино, для устройства крушения поезда, в котором должен был ехать Троцкий. Исполнительницей должна была быть Иванова, у которой была пироксилиновая шашка. Мы продежурили,— говорит Зубков,—всю ночь безрезультатно, никакого поезда мимо не прошло (Т. I, л. д. 138).

Об участии Елены Ивановой в работе террористической группы в это время показывает равным образом и Козлов.

По показаниям Семенова, Коноплева и Королев должны были стрелять в Троцкого на вокзале, а остальные организовать взрыв. Ни то, ни другое покушение не удалось, так как поезд ушел с Нижегородского вокзала.

Коноплева подтверждает, что она действительно дежурила первую ночь на Казанском вокзале, а вторую на Николаевском вокзале. Таким образом, по поводу этого покушения представляется установленным получение санкции на производство акта, данной Гоцом и Донским. Участники покушения были: Семенов, Коноплева, Иванова, Зубков, Королев, Томашевич, Рудаков и Карсавин. Фактическими исполнителями были назначены Коноплева, Королев и Иванова (Т. I, л. д. 392).

Подлежащими ответственности по террористической деятельности, таким образом, являются из фигурирующих по делу: члены Ц. К.—Гоц, Донской, Тимофеев, Веденяпин, Иванов Н., Артемьев, Е. Ратнер, члены иных организаций— Семенов, Коноплева, Зубков, Федоров-Козлов, Усов, Ефимов, Иванова Елена, Ставская, Пелевин, Дашевский и Моравчевский.

VIII. Работа боевой группы по экспроприации.

Одновременно с террористической работой производилась, равным образом с ведома Ц. К. партии и приблизительно той же группой лиц, работа по организации вооруженных ограблений и экспроприаций денежных средств для пополнения кассы партии с.-р. Первая мысль о производстве экспроприаций возникла в той же военной комиссии Ц. К. на одном из заседаний начальников районных дружин в конце 1917 г. в Петрограде, когда был поставлен вопрос о принципиальной допустимости экспроприаций. Согласно показаниям Семенова, все высказались положительно, при чем Семенов для производства экспроприаций намечал создание особого отряда из лучших боевиков. Активными помощниками его в этом отношении были Лидия Коноплева и Елена Иванова. И тут точно так же, как в вопросе о терроре, Семенов предварительно считал необходимым запросить мнение Ц. К. у члена Ц. К. Донского, который заявил, что Ц. К. принципиально отрицает экспроприации, но, принимая во внимание безвыходное финансовое положение партии и учитывая необходимость дальнейшей работы, признает экспроприации в данное время допустимыми, но производство их от имени партии считает недопустимым, и, если кто-нибудь из боевиков провалится на экспроприации, то должен впредь фигурировать, как уголовный преступник. Семенов с такой постановкой вопроса согласился. Эта постановка, аналогичная с постановкой вопроса о терроре, санкционированного в качестве индивидуального акта, характеризует, что и в этом втором практическом вопросе своей «боевой деятельности» Ц. К. стоял на той же позиции лжи и обмана, которую он усвоил себе в вопросе о подготовке и организации убийств (Т. I, л. д. 29).

В одной из дальнейших бесед с Семеновым член Ц. К. Донской указывал на пустоту партийной кассы, говоря, что он сам лично готов пойти с боевиками на какую-нибудь экспроприацию. Равным образом, член Ц. К. Гоц, встретившись с Семеновым в редакции «Дело Народа», сам спросил его о том, как обстоит дело с экспроприациями, указывая на катастрофическое денежное положение партии. Третий член Ц. К. Николай Иванов также выражал желание войти в боевой отряд и лично принимать участие в экспроприациях. Допрошенный по этому поводу Иванов показал: «я считал допустимым совершение экспроприации в советских учреждениях и с некоторыми оговорками я считал бы возможным и совершение частных экспроприаций. Мое предложение о моем вступлении в боевую организацию было отклонено Ц. К.» (Т. I, л. д. 304).

Наконец, точка зрения Ц. К. партии с.-р. на экспроприацию, а равно тактика его в этом вопросе характеризуется показаниями Белецкого,—ответственного организатора Колпинского районного комитета партии с.-р.,—который, по предложению Петроградского комитета партии с.-р., выдвигал из Колпинской организации партийных работников в военную комиссию при Ц. К. и который рекомендовал Усова в состав центрального боевого отряда. Именно Усову было предложено Белецким «проявить» деятельность колпинских боевиков устройством какой-либо экспроприации, на что Белецкий получил раз'яснения, что производство экспроприации возможно только в контакте и при посредстве центрального боевого отряда, руководимого Ц. К. партии. Тот же Белецкий, по показаниям Усова, принял впоследствии от последнего перед отправлением Усова партийный билет для передачи в комитет партии и знал, что принимающие в экспроприации участие эс-эры должны фигурировать, в случае провала, в качестве уголовных преступников.

Эти ценные показания удостоверяют, что так же, как и по вопросу о терроре, Ц. К. имел суждение об экспроприациях и разрешил этот вопрос в положительную сторону; что позиция Ц. К. в этом вопросе и тактика были аналогичны с тактикой и позицией по отношению к террору. В деле имеются показания Дедусенко, аналогичные в этом отношении с показаниями Ратнера по вопросу о терроре. «Я не слышал,—говорит Дедусенко,—чтобы партия эс-эров занималась эксами. Мое глубокое убеждение, что, если бы вопрос о получении средств путем эксов стал в бюро фракции Учредительного Собрания, он встретил бы резко отрицательное отношение». В противовес этим показаниям Коноплева показывает, что при свидании своем с Гоцем в Москве в конце июля 1918 г. последний также высказался за эксы (т. I, л. д. 367).

1. Проект экспроприации кассы государственных театров в Петрограде.

Эта первая попытка экспроприации носит совершенно неорганизованный характер. Согласно показаниям Виктора Рейзнера, решение произвести экспроприацию в театральной кассе было принято военной комиссией по предложению Коноплевой. Однако участники этого проекта, Томашевич, Елена Иванова, Гладков и Рейзнер,—постановили командировать последнего к Рабиновичу, руководившему деятельностью военной комиссии от имени Ц. К. партии с.-р. для того, чтобы выяснить отношение Ц. К. к этому проекту экспроприации. Ответ, данный Рабиновичем, вполне совпадает с общей позицией Ц. К. по вопросу об экспроприациях, изложенной выше обвиняемыми Ивановым Николаем и друг. со слов Донского и Гоца. Ответ Рабиновича сводился, согласно показаниям Рейзнера, к тому, что Ц. К. не возражает против производства экспроприации, но не согласится признать своей причастности к ней «по многим уважительным причинам» (Т. I л. д. 30).

Технические трудности помешали военной комиссии осуществить намеченную экспроприацию, о чем, кроме Рейзнера, показала и Коноплева, подтвердив свое участие в попытке экспроприации Театральной Кассы.

2. Проект экспроприации кооператива на углу Пантелеймоновской и Моховой.

Экспроприация эта должна была иметь место в кооперативе на углу Пантелеймоновской и Моховой. Инициатива таковой была выдвинута членом Ц. К. Донским, который случайно в разговоре с одним из служащих кооператива, эс-эром, узнал, что скоро там будет сумма в 200.000 рублей. Донской предложил этому служащему сообщить ему о дне получения денег для производства экса. Тот согласился и указал день, в который ожидались деньги. Семенов, Гвозд, Усов и Тисленко собрались в указанный день в помещении клуба Лаврова, куда должен был прийти служащий, чтобы сообщить привезли ли деньги; служащий не явился, и от проекта пришлось отказаться, так как служащий, по словам Донского, струсил. Допрошенный по этому поводу Усов отозвался запамятованием.

3. Экспроприация у торговца в Лесном.

Первая произведенная экспроприация была совершена у торговца в Лесном. В ней участвовали Гвозд, Калховский, Усов и кто-то четвертый, не указанный Семеновым. Явились под видом обыска, взяли 15—20 тысяч. Семенов сообщил Донскому, что экспроприация произведена, но, имея в виду незначительность экспроприации, не указал, где. Деньги он, по указанию Донского, сдал члену Ц. К. Ракову, при этом Раков, как говорит Семенов, был осведомлен об их происхождении. Допрошенный Усов в настоящее время ничего не помнит об этой экспроприации. По поводу этой экспроприации, произведенной у частного лица, в своей полемике в связи с данным процессом в «Голосе России», Чернов ставит ее особо в вину Семенову, как таковую, которую он скрыл от Ц. К. Как видно из показания Семенова, которое могло быть подтверждено членами Ц. К. Раковым и Донским, если бы последние от показания не отказались, устанавливается, что о сокрытии в данном случае говорить нельзя.

4. Экспроприация в комиссариате продовольствия в Петрограде.

Первый проект этой экспроприации относится к февралю 1918 года, сама экспроприация произведена была в мае. Один служащий в Комиссариате Продовольствия в качестве артельщика, служащий там по предложению Донского, чьей фамилии Семенов не помнит, сообщил, что он едет для закупки продовольствия в Астрахань с крупной суммой денег. Семенов решил произвести экспроприацию по пути следования из Комиссариата Продовольствия на Николаевский вокзал. Необходимый для нападения автомобиль взялся раздобыть Колховский (по делу не фигурирует), для чего он, явившись в Михайловский манеж, куда он имел право входа, как какой-то ремонтный мастер, сел на один из стоявших автомобилей и уехал. Пункт нападения был намечен за Дворцовым мостом; около моста ждали: Семенов, Сергеев, Усов, Гвозд и Зеленков. Но когда Колховский под'ехал с автомобилем, артельщик уже проехал. Автомобиль был оставлен для нужд военной организации и спрятан в сарае одного из знакомых Гвозда в Невском городском районе. Допрошенный по этому поводу Усов 7 мая полностью подтвердил показание Семенова.

Вторая попытка экспроприации была произведена уже при участии Ефимова, который показал, что по указанию Семенова он вступил в состав охраны Комиссариата Продовольствия для выяснения вопросов о возможности совершения экспроприации. «Я узнал о поездке,—говорит Ефимов,—нескольких артельщиков в Астрахань за фуражем и должен был поехать в составе охраны, предупредив Семенова о моменте от'езда». Но Семенова Ефимов, однако, не известил, не желая, как он

говорит, рисковать жизнью этих людей. Другим мотивом отказа было его нежелание фигурировать, в случае провала, в качестве уголовного. Этими показаниями Ефимова подтверждаются вышеизложенные показания Семенова о содержании его переговоров с Донским и Ц. К. партии. Допрошенный по поводу этих фактов Семенов подтвердил, что он действительно предложил Ефимову поступить в Комиссариат Продовольствия. Ефимов в то время как раз вернулся из Москвы в Петроград после его попытки организовать покушение на Ленина вместе с Коноплевой и Рихтером, чем об'ясняется то, что он не вошел в боевую группу, организовавшую убийство Володарского. Семенов подтвердил и тот факт, что Ефимов обещал сообщить о дне командировки артельщиков и что он этого не сделал и что мотивы, изложенные Ефимовым, были действительно те, на которые он ссылается в своих показаниях (Т. I, л. д. 89).

Третья попытка той же экспроприации увенчалась успехом, так как вернувшийся к этому времени из Астрахани первый артельщик снова собирался в командировку в Саратов и сообщил о дне выезда. Гвозд, Семенов, Усов, Сергеев, Тисленко и Зеленков сели в поезд и около станции «Буй» вошли в купэ, где ехали артельщики с охраной, навели револьверы на стражу, отняли от артельщиков деньги, остановили поезд тормозом и скрылись. Из переименованных лиц по данному делу проходит только Усов, который, будучи допрошен по этому поводу, показал, что накануне Пасхи 1918 г. к нему в Колпино приехал Зеленков и сказал, что Семенов велел ему обязательно явиться завтра в Ц. К. Явившись туда, он нашел там Семенова, Зеленкова, Тисленко, Гвозда и Елену Иванову, и там Семенов об'явил им о предстоящем эксе. В 3 часа 15 мин. дня они выехали. В первую ночь экс не состоялся, на вторую ночь он был произведен между станциями Буй и Чали. Денег было взято около одного миллиона. Далее Усов показал, что после экса он с Зеленковым и Сергеевым поехал обратно в Петроград, а Семенов, Гвозд и Тисленко—в Москву, сдать деньги Ц. К. Приехавши лично в Москву через несколько дней и явившись в Ц. К., Усов встретил здесь Елену Иванову, которая передала ему от имени Ц. К. глубокую благодарность (Т. I, л. д. 31 и 107).

По показанию Семенова он явился в Москву, на заседавший в Москве в то время 8-й Совет партии, и доложил о происшедшем Донскому. Донской при Семенове подошел к Чернову и Зензинову и сообщил им об экспроприации денег. Деньги, по указанию Донского, Семенов сдал кассиру Ц. К. Евгении Ратнер. Допрошенная по этому поводу Ратнер отвергает показания Семенова и заявляет, что никаких экспроприированных денег от него не получала и сама его впервые встретила на 9-м Совете партии 25 мая 1919 года (см. Саратовское дело, из которого явствует, что Семенов в это время сидел в тюрьме). Слова Семенова, в опровержение показания Евгении Ратнер, подтверждает Дашевский, который показывает, что именно накануне 8-го Совета партии к нему явился приехавший из Петрограда Семенов, сообщил о совершенной экспроприации у какого-то артельщика Продовольственного Комиссариата и просил его разыскать приехавшего на 8-ой Совет члена Ц. К. Донского для передачи денег. Дашевский свел Семенова с Донским (Т. I, л. д. 31 и 203).

Третьим об'ективным свидетелем того же самого факта является Григорий Ратнер, который со слов Евгении Ратнер после 8-го Совета партии узнал об усилении партийной кассы в связи с удачной операцией боевой группы где-то в Костромской губернии в размере одного миллиона. Таким образом о данной экспроприации были осведомлены члены Ц. К.: Донской, Чернов, Зензинов и Евгения Ратнер, при чем деньги были переданы члену Ц. К. Евгении Ратнер, о чем она впоследствии сама и сказала брату своему Григорию Ратнер (Т. I, л. д. 187—191).

В противоположность Петроградскому Комитету, Московской Комитет партии с.р. в феврале месяце 1918 года, по показаниям Григория Ратнера, отрицал якобы боевую работу и вооруженную борьбу с Советской властью. Однако при фракции П. С.-Р. Учредительного Собрания в Москве существовала военная группа, куда было предложено Московскому Комитету послать своих представителей. Во главе этой группы стоял доктор Павлов. И там, именно в этой группе, в присутствии Григория Ратнер обсуждался вопрос о возможности экспроприации, при чем в частности об экспроприации денег при перевозке их в Народный Банк. Однако развитие экспроприаторской работы в Москве началось только с августа 1918 г., параллельно с организацией покушения на Ленина и Троцкого. Особенное развитие эта деятельность приняла после покушения и совпала с моментом разложения боевого отряда после отказа Ц. К. партии от признания покушения на Ленина делом партии и спорами внутри самой боевой группы относительно дальнейшей работы в связи с решением части боевиков, именно: Семенова, Коноплевой, Ставской, Королева и Маруси совершать и дальше террористические акты изолировано, с молчаливой санкцией Донского, Гоца, Тимофеева и Евгении Ратнер, которым был послан при посредстве Тисленко письменный запрос.

Экспроприации производились при условии, чтобы акты не совершались от имени партии. Донской выразил полное одобрение этой мысли и сам предложил сделать экспроприацию в кооперативе об-ва льноводства, где, как он узнал через кого-то из работавших в кооперативе, должна скоро быть крупная сумма денег. Донской дал Семенову письмо к работавшей в этом кооперативе с.-р-ке Ремянниковой, жене Лихача, с просьбой оказать содействие.

Однако полученные сведения были недостаточны и проект осуществить не удалось.

5. Проект экспроприации кассы Губпродкома.

К сентябрю месяцу относится еще попытка произвести экспроприацию в Московском Губпродкоме. Боевик Пелевин указал Семенову уголовника, у которого можно приобрести специальный аппарат для расплавливания замка несгораемого шкафа. Донской был осведомлен об этом проекте и дал деньги на покупку аппарата. Допрошенный по этому поводу Пелевин показал, что приобрел аппарат с кислородом для расплавливания замка несгораемого шкафа, который был куплен за десять тысяч и принесен к нему, Пелевину, на квартиру. В самом эксе принимали участие кроме Пелевина, Семенов, Коноплева и несколько других боевиков, фамилии которых Пелевин не помнит. Охрана Губпродкома, по показаниям Семенова, была подкуплена. Начальник охраны сам привел Козлова и Зубкова к кассе, а Семенов, Королев, Зеленков, Усов, Коноплева и Иванова стояли вооруженные у входа. Козлов и Зубков расплавили замок наполовину, однако для дальнейшего не хватило кислорода в аппарате и все пришлось бросить. Пелевин, вторично допрошенный, назвал фамилию этого начальника охраны—Морозов. Допрошенный Козлов-Федоров показал, что он вместе с другим боевиком, фамилии которого он не помнит, вошел внутрь помещения, чтобы расплавить замок; остальные дежурили на улице. В аппарате кислорода не хватило, пришлось дело оставить (т. I, л. д. 40, 392 и 82).

Допрошенный Усов также подтверждает обстоятельство этого экса. Ц. К. отпустил, по его словам, 15 тысяч на покупку аппарата. Допрошенный Зубков также подтвердил, что он вместе с Федоровым-Козловым пытался расплавить замок несгораемого шкафа. Допрошенный Усов отрицает свое участие в данной экспроприации (Т. I, л. д. 111).

6. Экспроприация на даче, под Москвой, по Ряз.-Уральск. дороге.

Следующая, совершенная экспроприация имела место под Москвой по Рязано-Уральской дороге на станции, которую участники назвать не могут, не помнят. Допрошенный по этому поводу Федоров-Козлов показал, что во время экспроприации купец умер от разрыва сердца. Денег было взято немного. Эта частная экспроприация была совершена по указанию того же уголовного преступника, который продал Семенову аппарат для расплавления замка в Губпродкоме. Экспроприация была совершена также под видом обыска, на который явились Семенов, Усов, Козлов, Зеленков, Пелевин. Результат экспроприации был так ничтожен, что Семенов об этом Донскому не сообщил и деньги оставил в боевой организации. Факт этой экспроприации подтверждает Усов, как равным образом и Пелевин (т. I, л. д. 82 и 112).

7. Экспроприация в 9-м почтово-телеграфном отделении.

Следующая экспроприация была совершена в 9-м почтово-телеграфном отделении на углу Тверской улицы, при участии Семенова, Зубкова, Усова, Зеленкова и Королева. Ограбление произошло утром, в 10-м часу. У экспроприаторов были револьверы и гранаты. Денег было взято от 140 до 150 тысяч. Связь с начальником упомянутого почтово-телеграфного отделения была установлена Пелевиным. Последний, будучи допрошен по этому поводу, показал, что, так как он часто приходил на почту для получения денег для эс-эровской газеты «Труд» в 1911 году, то в конце августа 1918 г. он спросил у начальника Отделения, можно ли рассчитывать найти в кассе деньги и ими овладеть. Тот сказал, что денег в кассе Отделения скопляется до 200 тысяч и что он укажет день, когда в кассе будут деньги, за что просил себе часть. Начальник отделения получил из награбленных денег 7—8 тысяч.

Дополнительными данными и обзором дела Моск. Угол. Розыска, приобщенными к данному производству, установлено, что экспроприация имела место 4-го октября 1918 года. Взятые деньги, по показанию Коноплевой, были переданы ею на конспиративную квартиру боевой группы и, с согласия Донского, оставлены для нужд отряда (т. I, л. д. 393).

8. Проект экспроприации в Главсахаре.

Равным образом, Пелевин же был связью между группой и главным бухгалтером Главсахара через некоего знакомого, проживавшего по Больш. Козихинскому пер., д. № 29, кв. 7. Вопрос шел об ограблении кассы Главсахара. Семенов нашел, однако, при осмотре помещения план неисполнимым, и его оставили. Это показание подтверждает Семенов. После этого Пелевин указал, что тот же бухгалтер Главсахара предложил учинить вооруженное нападение на артельщика Главсахара и за предупреждение о месте нападения просил 20% взятой суммы. Это показалось неприемлемым, и группа отказалась от этого акта. Козлов также показывает, что знал о готовящейся экспроприации в Главсахаре, при чем указывает, что в декабре 1918 года инициатива этой экспроприации была подана Донским, предложившим использовать для этого Московских боевиков из подрывного отряда Давыдова. Коноплева вошла по этому поводу в переговоры с Пелевиным и для работы был привлечен, кроме других, Штальберг из подрывной группы. Юрий Штальберг вел переговоры с кассиром Главсахара, Коноплева также виделась с кассиром.

9. Проект организации экспроприации золота по Александровской ж. д.

Арест Семенова положил конец дальнейшим экспроприациям. Незадолго до ареста у него был проект экспроприации золота, которая назначалась для передачи Германии по Брестскому миру, для чего предполагалось учинить крушение поезда, по Александровской жел. дороге. Было произведено обследование ж.-д. полотна. С.-р. Чернявин (по делу не фигурирует), служащий в Управлении Александровской дороги, должен был сообщить о дне, когда пойдет поезд с золотом, а шоффер, сочувствующий с.-р., должен был подать к месту крушения автомобиль какого-то комиссариата и увезти золото (т. I, л. д. 41).

10. Проект экспроприации в Калуге.

Коноплева также ездила в Калугу для обследования помещения продкома и условий экспроприации к с.-р., служившему в Калужском Губпродкоме, которого она нашла через некую Глафиру Иванову, явку к которой Коноплева получила от Елены Ивановой. Коноплева явилась к этому с.-р. от имени Михаила Ивановича Львова. Экс не был совершен. Позже Коноплева познакомилась на партийной явке с самим Михаилом Ивановичем Львовым. Допрошенный Львов отрицает свое причастие к этому делу.

Подлежащими ответственности по организации и участии в вооруженных ограблениях являются из фигурирующих по делу: члены Ц. К. Донской, Ратнер Евг., Гоц, Иванов Н., Раков и члены иных организаций—Семенов, Коноплева, Усов, Ефимов, Иванова Е., Пелевин, Федоров-Козлов, Зубков, Львов, Дашевский.

IX. Подрывная работа Моск. группы.

Учрежденная на четвертом с'езде п. с.-р. военная комиссия при Ц. К., выродившаяся впоследствии в боевую группу, послужила источником для дальнейшей экспроприационной деятельности п. с.-р. и дала главных деятелей и исполнителей подрывной группы партии с.-р. Последняя группа была также организована с ведома и санкции Московского Бюро Ц. К. По этому поводу Дашевский, член Военной Комиссии, показывает, что в марте месяце военной комиссией он был направлен в Москву для образования военной комиссии при Ц. К. в Москве. В средине августа 1918 г. Дашевский выехал в Саратов для того, чтобы сменить члена Ц. К. Донского. С момента приезда Донского начинается деятельность подрывной группы. По показаниям Семенова, подрывная группа имела своей задачей устройство и организацию взрыва мостов, железнодорожных линий, имеющих военно-стратегическое значение, уничтожение, спуск под откосы поездов, перевозивших снаряды и людей на фронт для Красной армии и военные эшелоны (т. I, л. д. 200).

Во главе этой группы стоял член партии с.-р. Михаил Александрович Давыдов, бывший офицер. Помощник Давыдова, фамилии которого Семенов не помнит, изготовлял подрывные снаряды. От него Семенов узнал, что часть подрывного материала, гремучую ртуть, пироксилин, запалы, адскую машину с часовым механизмом, группа получила от Французской Миссии через агента, работавшего в разведке Москвы. Центром подрывной группы была постоянная дача на станции Томилино, по Казанской дороге, где жил Давыдов с женой и где группа собиралась. Допрошенный по этому поводу Давыдов показал, что, действительно, в августе месяце 1918 г. началось его непосредственное сношение с Донским, как главой бюро Ц. К. партии с.-р. в Москве. Первая встреча была у с.-р. Агапова, где и произошло знакомство с Донским. Предложение организации подрывной группы

для указанных выше целей было сделано Донским; эта работа была предложена от имени Бюро Ц. К. По показаниям Давыдова, в группу входили Глеб Васильевич Глебов, Штальберг, занимавшийся приготовлением взрывчатых веществ, Жидков, Кочетков, Зобов и Сергей Тимофеевич Гаврилов. Все эти работники были старыми членами п. с.-р. Явочная квартира Штальберга находилась в фотографии Улитина в районе Долгоруковской улицы между Садовой ул. и Бутырской тюрьмой (т. I, л. д. 141).

В этой деятельности п. с.-р. обращают на себя внимание две стороны: с одной стороны, деятельность, как таковая, с другой—источник получения взрывчатых веществ, а именно Французская Военная Миссия (см. выше).

Давыдов, как непосредственный начальник подрывной группы, показывает: связь с Французской Миссией Глеб получил от Бюро Ц. К., о чем мне и сообщил лично. Давыдов встречался вместе с Глебом с двумя французами, с Мартеном, среднего роста, бритым темным блондином, и с Анри, худощавым брюнетом, на Страстном бульваре, где и был разговор с Мартеном о снабжении группы оружием. С Анри встреча была у Красных ворот. Явочная квартира у французов была у Мясницких ворот, в каком-то французском убежище «Азиль». От французов было получено 2 револьвера и три коробки с взрывчатым веществом. Давыдов далее показывает, что он лично докладывал Донскому об этой работе и о связи с французами, а также о получении от них подрывного материала.

Сопоставление этих обстоятельств с производством по делу Локарта, разбиравшимся в Верховном Трибунале 27 ноября—3 декабря 1918 года, устанавливает (осмотром 5-й страницы 1-го тома дела Локарта), что первого сентября в здании французской гимназии по Милютинскому пер., д. № 18, был обыск у проживавшего там и вскоре скрывшегося французского гражданина Анри Вертмана. При обыске, кроме всего другого, был найден шифр и в трех банках из-под кофе и одной простой жестяной банке—18 фунтов 48 зол. пироксилина и 39 капсюль от динамитной шашки (т. V, л. 4). Согласно показания гражданина Ренэ Мартена от 24 марта 22 года, Вертман является как раз тем лицом из Французской Миссии, которое фигурирует по показаниям Давыдова под именем Анри. Эта компания работой по разрушению железных дорог и разрабатывала планы разрушения мостов вокруг Петрограда, на Волхове, по Николаевской дороге и у Званкова по Северной дороге. Она докладывала на собрании в Американском Консульстве о своей работе в присутствии мистера Пуль. Эти собрания происходили в присутствии самого Маршана, и об этом факте в свое время Маршан заявлял в письме к президенту Французской республики от 24 сентября 1917 года. По показаниям того же Маршана, кроме Вертмана, связь с с.-р. поддерживали еще два сотрудника Французской Миссии—Эрлих и Шарль Дюма, которым принадлежит инициатива взрыва флота в Кронштадте при помощи партии с.-р. Указанный Эрлих поддерживал связь с членом Ц. К. Тимофеевым (т. I, л. д. 252).

Это последнее обстоятельство, в свою очередь, подтверждает допрошенный по указанию Маршана гражданин Паскаль, который показал, что в Москве заготовкой гранат и бомб ведал Лоран, а Вертман имел запас взрывчатых веществ. Свои доклады Давыдов делал непосредственно Донскому либо Агапову, от которых и получал директивы (Агапов от показания отказался). Допрошенная по этому же вопросу жена Давыдова Ванда, первоначально отказавшаяся от показаний, затем показала, что группа, действительно, состояла при Московском бюро Ц. К., что директивы Давыдов получал от Донского и Агапова и что французы, действительно, имели связь с Давыдовым и «Глебом». Сам Донской приезжал к ним в Томилино осенью и в начале зимы 1918 года два-три раза. На некоторых собраниях Давыдова присутствовала лично, на этих собраниях обсуждались дальнейшие мероприятия. Давыдова называет при этом

фамилию Снежко-Блоцкого, как участника совещаний группы к концу ее существования. Допрошенный по этому вопросу Снежко-Блоцкий также подтвердил, что он, действительно, был связан с воени. организац., которой руководил Агапов, состоявший в боевом штабе и служивший связью между группой и членом Ц. К. Донским. Кроме этих лиц, доселе не фигурировавших в предыдущем изложении, в ту же подрывную группу входила часть боевой организации. Коноплева по этому поводу показала, что она знала о существовании подрывной группы от Семенова и Ивановой и на явке у Донского была познакомлена с Давыдовым и Агаповым, при чем Давыдов был указан ей Донским, как руководитель подрывного отряда. Из разговора с Давыдовым Коноплева узнала, что их группа имела дачу в Томилине и что жена Давыдова, по его словам, принимала активное участие в работе подрывной группы. Тогда же Коноплева показала, что ей было сообщено о произведенном этой группой крушения санитарного поезда. Давыдов, наоборот, категорически отрицает этот факт, указывая, что членами группы было разобрано несколько деревянных мостиков недалеко от Москвы по железнодорожной линии, с целью порчи пути и задержки воинских поездов. Связь с железнодорожниками была получена через Московское бюро Ц. К. Конкретно Давыдов показал, что Глеб и Жидков совершили поездку в Каширу, где предполагали испортить путь и устроить крушение поезда со снаряжением для Красной армии. Покушение не удалось, вследствие опоздания подрывного материала (т. I, л. д. 279, 152, 156).

О взрыве санитарного поезда имеется еще косвенное показание Ставской, которая подтвердила существование при Ц. К. подрывной группы и деятельность в ней Штальберга и которая говорит, что от Семенова и Ивановой Елены она узнала о взрыве санитарного поезда, совершенного подрывной группой. О попытке той же подрывной группы овладеть вагонами с взрывчатым веществом, стоявшими на пути у станции Голицыно, показывает Зубков, введенный Семеновым в подрывную группу. Зубков вместе с Королевым и Усовым ездили в Голицыно, вагонов не нашли и с первым поездом вернулись обратно. Давыдов и Усов показание Зубкова подтверждают (т. I, л. д. 138).

Семенов показывает, что им были предоставлены для этого дела боевики, по просьбе Штальберга, во главе с Зубковым, но что дело до конца доведено не было.

Конец деятельности группы относится к декабрю 1918 года, когда, по показаниям Давыдова, он был вызван Донским или Морозовым, членом Ц. К., в бюро Ц. К., где в присутствии Донского, Морозова и Артемьева ему, Давыдову, было об'явлено, что группа Ц. К. распускается за бездеятельностью (т. I, л. д. 142).

Подлежащими ответственности по подрывной работе московской группы являются члены Ц. К.: Донской, Морозов и Артемьев и члены иных организаций: Дашевский, Агапов, Зубков, Усов, Коноплева, Семенов и Ставская.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Часть резолютивная)

Из всех упоминаемых в деле лиц постановлением распорядительного заседания Судебной Коллегии Верховного Трибунала В. Ц. И. К. от 23 мая 1922 года выделено производством дело в отношении: Авксентьева, Зензинова, Аргунова, Бунакова, Постникова, Минора, Мартьянова, Руднева, Вишняка, Соколова, Д. Коварского, Брушвита, Климушкина, Нестерова, Гутовского, Шрейдера, Томашевича, Тисленко, Чернова, Архангельского, Махина, Рабиновича, Параделова, Толстова и Лебедева, как находящихся за границей, Кашина, как находящегося в Д.-В. Р., и Онипко, Калинина, Мерхалева, Ананьина-Гусева, Павлова, Рихтера, Фортунатова, Бочарникова, Хреновского, Естрина, Брюлловой-Шаскольской, Сергеева, Зеймана, Зейме, Гвозда, Королева, Рудзиевского, Новикова, Гладкова, Карсавина, Колховского, Глебова, Штальберга, Зобова, Гаврилова, Архипова, Болдырева, Бианки, Блюменталя, Вакулина, Ветрова, Гинзбурга, Германа, Гонжумова, Гребенщикова, Донченко, Егорова, Зайцева, Изотова, Кузьмина, Мавринского, Мартынова, Никанорова, Смиренина, Тягунова, Усенко, Шкловского, Яковлева, Устинова, Полковникова, как неразысканных.

Прекращено производством дело в отношении: Флекеля, Моисеенко, Шаскольского, Зеленкова, Рудакова, Черняева, Брудерера, Ковалева, Карпова, Сургучева, Фомина, Циона, Жидкова за смертью.

Выделено, равным образом, дело в отношении: Чайковского, Паниной, Пальчинского, бывш. кн. Львова, Коновалова, Карташева, Суворова, Филоненко, Дана, Мартова, Абрамовича, Мазуренко, Борисова, Пепеляева, Синани и Хабулари, как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей.

В отношении: Ельяшевича, Дзеруля, Бермана, Гомбарга, Городского, Сотникова, Ракитина-Броуна, Бессонова, Борисенко, Кононова, Закгейма, Снежко-Блоцкого, Святицкого, Розенблюма, Давыдова, Давыдовой, Дедусенко, Келлера, Паевского, Соколова, Несмелянова, Фейта, Верховского, Краковецкого дело прекращено по амнистии постановлением Судебной Коллегии от 20 мая, как лиц, давших соответственную подписку в том, что с момента амнистии 27 февраля 1919 года они не принимали и не принимают участия в контр-революционной деятельности право-эс-эровских организаций. Равным образом, по тем же основаниям прекращено дело в отношении Рейснера, Белецкого, Ракитникова, Буревого и Вольского, как амнистированных в свое время в 1919 году и как лиц, в отношении коих остальные улики по обвинению их в причастности к террористическим актам или вооруженным ограблениям оказались недостаточными.

В отношении: Юдина, Тяпкина, Тагунова, Игнатьева и иных лиц, связанных с делом Сибирского Крестьянского Союза, дело выделено в особое производство.

Равным образом, также выделено в особое производство дело Всеукраинского Комитета в отношении Иевлева, Бабина-Корня, Евменьева и др.; в особое производство также выделено дело по обвинению Дербера, Юдина и Краковецкого за контр-революционную деятельность в Сибири, а также дело по обвинению Игнатьева, Дедусенко и иных лиц в контр-революционной деятельности на Севере; дело Майского, Авксентьев-

ева, Зензинова и друг. по обвинению их в контр-революционной деятельности в Самаре. Уфе и Поволжьи, и дело по обвинению Подбельского и других в контр-революционной деятельности в Тамбовской губ.

Подлежат суду Верховного Трибунала В. Ц. И. К:

Члены Ц. К. П. С.-Р. и члены Московского Бюро Ц. К. партии: Гоц, Донской, Тимофеев, Герштейн, Лихач, Иванов, Ратнер Евгения, Раков, Федорович, Веденяпин, Гендельман, Морозов, Артемьев и Ратнер Григорий, как члены Ц. К., руководившие контр-революционной деятельностью партии с.-р. по подготовке вооруженного свержения Советской власти как до амнистии 19-го года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу акта об амнистии, таковая на них распространена быть не может.

Иванова, Львов, Ефимов, Зубков, Пелевин, Усов, Козлов, Дашевский, Коноплева, Семенов, Ставская, Морачевский, как лица, непосредственно причастные к организации террористических актов и вооруженных ограблений, каковые деяния амнистией не покрываются, и Агапов, Злобин, Альтовский, Утгоф-Дерюжинский, Либеров, Горьков, Берг, как лица, отказавшиеся дать подписку и тем самым исключившие себя из амнистии, и Игнатьев, не подлежащий амнистии ввиду его личного признания в том, что и после февраля 1919 года в течение всего 1919 года на Севере и в течение 1920 года в Сибири он вел контр-революционную вооруженную борьбу против Советской власти и тем самым исключил себя из амнистии.

I.

На основании изложенного предаются суду Верховного Трибунала В. Ц. И. К. по обвинению в деяниях, изложенных выше в исторической и особенной частях обвинительного заключения следующие лица:

1) Гоц Абрам Рафаилович, Донской Дмитрий Дмитриевич, Герштейн Лев Яковлевич, Лихач Михаил Александрович, Иванов Николай Николаевич, Ратнер-Элькинд Евгения Моисеевна, Раков Дмитрий Федорович, Федорович Флориан Флорианович, Веденяпин Михаил Александрович, Гендельман-Грабовский Михаил Яковлевич, Морозов Сергей Владимирович, Артемьев, Николай Иванович, Ратнер Григорий Моисеевич, Тимофеев Евгений Михайлович, по обвинению в том, что Гоц, Донской, Веденяпин и Гендельман, будучи избраны в Центр. Ком. партии с.-р. на III с'езде партии в июне 1917 г. и переизбраны в тот же Ц. К. на IV с'езде в декабре 1917 г., и Донской, Герштейн, Лихач, Иванов Н., Ратнер-Элькинд, Раков, Федорович, Тимофеев, будучи избраны в Ц. К. в декабре 1917 г., и Артемьев, Морозов и Ратнер Григорий,—в Московское бюро Ц. К., в течение первой половины 1918 г. и вплоть по день ареста и затем, после такового, до X Совета партии в августе 1921 г., будучи руководящими деятелями и ответственными вождями указанной партии, направляли деятельность этой партии в сторону использования всех ее средств и сил на свержение завоеванной пролетарской революцией власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании конституции Р. С. Ф. С. Р. Рабоче-Крестьянского правительства, для чего:

1. Подготовляли и организовывали вооруженные восстания против Советской власти в Петрограде и в Москве, создавая специальные военные организации и дружины, входя для этого в связь и контакт с иными контр-революционными организациями, принимая от них в тех же целях финансовую помощь и организуя совместно технические органы для вооруженного мятежа в виде боевых штабов, комендантур и проч. и поддерживая всеми средствами, кои имелись в их распоряжении, мятежи и восстания, где бы таковые ни возникали.

2. От имени партии входили в сношения с представителями международного капитала в лице официальных представителей капиталистических государств Антанты, в момент, когда последние находились в состоянии войны с Р. С. Ф. С. Р., способствуя последним в захвате ими территорий Советской Республики, доставляя им сведения и информируя их о внутреннем положении страны и пользуясь от них военной, финансовой и технической помощью.

3. Входили с той же целью в сношения с белогвардейским командованием вооруженными силами, направленными против Советской Республики, именно с генералами Красновым, Алексеевым и Деникиным и возникшими на окраинах Р. С. Ф. С. Р. буржуазно-националистическими к.-р. центрами, именовавшими себя правительствами Украины, Кубани, Дона, способствовали всеми средствами укреплению возникавших контр-революционных центров, в особенности в Самаре, на Севере и в Уфе и в Омске,— под именем «Правительства Членов Учредительного Собрания» и направляемой последними вооруженной борьбе с Советским правительством, путем государственной измены, шпионажа и предательства.

4. Организовали и руководили деятельностью боевых групп, специально созданных для учинения террористических актов против деятелей Советской власти, взрывов железнодорожных путей и вооруженных ограблений советских учреждений и частных лиц, используя получаемые таким образом средства на продолжение той же контр-революционной работы.

При этом:

1. Член Ц. К. П. С.-Р. Гоц лично агитировал в войсках после переворота октябрьских дней, выступая на митингах в Царском, в Могилеве и в Пскове с призывом к противодействию власти, подготовлял и участвовал в организации юнкерского восстания 29 октября в Петрограде, подписывал приказы о выступлении юнкеров для открытой вооруженной борьбы с властью Советов, участвовал в заседаниях военной комиссии и заседаниях бюро воен. комиссии, равно как на совместных заседаниях военной комиссии и военного отдела Союза Возрождения с целью свержения Советского правительства, участвовал в заседаниях Военного штаба Союза Возрождения вместе с представителями других, входивших в указанный союз, контр-революционных организаций для совместной подготовки вооруженных выступлений в целях свержения Советской власти, входил для той же цели в качестве члена в Комитет Спасения Родины и Революции, получал деньги для той же цели на контр-революционную работу Военной Комиссии от Военного отдела Союза Возрождения и, сверх того, в феврале 1918 года, являясь ответственным членом Ц. К. П. С.-Р. в Петрограде, по предложению Лидии Коноплевой организовать покушение на жизнь Ленина, не только дал на то свое личное согласие, но и обещал ей получить официальную санкцию Ц. К. на означенный акт, во исполнение чего, перед от'ездом членов Ц. К. П. С.-Р. из Петрограда в Москву, передал Коноплевой санкцию Ц. К. на организацию покушения на тов. Ленина, а затем после от'езда Ц. К. П. С.-Р. в Москву посылал за вторичной и окончательной санкцией Ц. К. на производство террористического акта члена П. С.-Р. Рабиновича Бориса. Через того же Рабиновича в то же время вел переговоры с членом Петроградского Губернского Комитета Естриным по вопросу об организации взрыва поезда, на котором следовал Совнарком в Москву в марте 1918 года, и что, в целях испытания Естрина, предложил ему произвести выстрел в Троцкого при выступлении последнего на митинге в Александринском театре в Петрограде. В апреле 18 года при разговоре с Семеновым дал последнему санкцию от имени Ц. К. на производство террористических актов против ответственных работников Советской власти и сам указал Зиновьева и Володарского, как лиц, против которых, в первую очередь, должны быть организованы террористические акты и, лично сговорившись с эс-эром Зеймео том, чтобы последний

узнал местожительство Зиновьева и Володарского, указал Семенову упомянутого Зейме для получения Семеновым от него необходимых адресов, что потом в июле 1918 года, будучи осведомлен о готовящемся покушении на тов. Володарского и фактически руководя таковым покушением путем назначения сроков такового, после совершения убийства дал директиву о немедленном переезде членов Центрального боевого отряда из Петрограда в Москву для укрывательства как физического убийцы Володарского, так и соучастников убийства, что в конце июня и в начале июля 1918 года вновь подтвердил от имени Ц. К. санкцию на производство покушения на Ленина и Троцкого и, наконец, дал от имени Ц. К. П. С.-Р. санкцию на производство экспроприаций в советских учреждениях и у частных лиц.

2. Донской Дмитрий Дмитриевич, член Ц. К. П. С.-Р., руководил военной комиссией после разгона Учред. Собрания, представлял Ц. К. партии в Совете Военной Комиссии из представителей ее отделов 1918 года, присутствовал от Ц. К. на совещании военной комиссии в связи с разоружением Преображенского полка, при чем входил в сношение с контр-революционной организацией Филоненко и дал санкцию от имени Ц. К. на сношение с контр-революционной организацией Иванова и на сношение с германским штабом Людендорфа, для чего посылал в ставку эс-эра Постникова. Затем в Москве вел военную работу, присутствовал при докладе представителями Уфимского комитета и участвовал в иных сношениях руководящих организаций П. С.-Р. с иными эмиссарами и курьерами, в том числе участвовал при совещании с представителем ген. Алексеева, штаб-офицером Гаевским, равно как принял доклад Хреновского о поездке к тому же генералу Алексееву и доклад Ратнера о ревизии Украины, а равно вел ту же контр-революционную военную работу в Саратове и, сверх того, в апреле 1918 года, дал обратившемуся к нему Семенову свое согласие на производство террористических актов против ответственных членов Советской власти и связал Семенова с членом Ц. К. П. С.-Р. Гоцем в целях получения от последнего официальной санкции на означенные деяния; что в июне 1918 года вновь подтвердил Семенову в Саратове санкцию Ц. К. на производство террористических актов и согласился с предложением организации покушения на Ленина и Троцкого; в июле 1918 года, находясь в Москве в качестве ответственного члена Ц. К., зная и руководя деятельностью Центр. Боевого отряда, имел свидание незадолго до покушения на Ленина с исполнительницей покушения Каплан по вопросу о готовящемся покушении; давал Семенову от имени Ц. К. санкцию на производство террористических актов против Ленина, Троцкого, Володарского, Зиновьева и Урицкого, кроме того, дал Семенову официальную санкцию на производство экспроприаций из советских учреждений и у частных лиц и не только сам выражал готовность принять участие в экспроприациях, но и содействовал их осуществлению, а именно: а) в феврале 1918 года вел переговоры со служащим кооператива на углу Пантелеймоновской и Моховой в Петрограде об организации экспроприации, для чего связал Семенова с означенным служащим, б) связал Семенова с эс-эром, служащим в Комиссариате продовольствия в Петрограде, в целях организации через него экспроприации у артельщика этого Комиссариата при командировке последнего с суммами денег и впоследствии, после ограбления, предложил Семенову передать экспроприированные суммы казначею Ц. К. Евгении Ратнер, в) указал Семенову работавшего в кооперативе льноводства эс-эра, чтобы при его содействии произвести экспроприацию в этом учреждении, г) дал Семенову деньги на приобретение специального аппарата для расплавления замка несгораемой кассы в Московском Губпродкоме, д) знал об экспроприации денег в 9-м почтово-телеграфном отделении в Москве и дал распоряжение об оставлении экспроприированной суммы в распоряжении Центр. Боевого Отряда, е) кроме того, находясь в Москве в июле 1918 года в качестве ответственного

члена Ц. К., организовал через Агапова специальную подрывную группу во главе с Давыдовым, каковая группа имела целью организацию крушения военных поездов и взрывов жел.-дорожных мостов. Кроме того, во 1-х, принимал доклады от Давыдова о ходе работы, давал последнему указания, в каковых целях три раза приезжал на конспиративную квартиру подрывной группы в селе Томилине, во 2-х, знал и содействовал связи подрывной группы с агентом французской миссии Анри Вертманом, в целях получения денежных средств и подрывных материалов.

3. Иванов Николай вел личные переговоры и об'яснения с Игнатьевым по поводу распределения денег, переданных от Союза Возрождения для финансирования военной комиссии; в области террористической деятельности и организации вооруженных ограблений по личной инициативе внес вопрос о применимости террора на обсуждение Ц. К. в феврале 1918 г., отстаивал эту точку зрения в Ц. К. П. С.-Р., при чем не только выставлял свою кандидатуру для работы в означенной области, но и высказывал свою точку зрения на допустимость террора и экспроприаций начальнику Центр. Боевого Отряда Семенову, чем подстрекал последнего к совершению террористических актов и экспроприаций.

4. Герштейн состоял уполномоченным Ц. К. при Военной Комиссии по подготовке вооруженных восстаний в Петрограде; лично агитировал после переворота в войсках в Могилеве и командировал для такой же агитации Паевского в Везенберг; предложил, в качестве первого инициатора, организовать боевые дружины; санкционировал, как член Ц. К., получение денег от Союза Возрождения для финансирования Военной Комиссии; в качестве делегата Ц. К. и особо уполномоченного, вел военную работу на Украине по формированию вооруженных сил против Советской власти и переговоры с Радой по вопросу о заключении договора на предмет совместных действий против Советского правительства и сносился по тому же поводу с французской миссией.

5. Тимофеев вел сношения в московский период работы через Дашевского с военными работниками по переброске на антисоветский фронт белогвардейского офицерства; имел сношения, через Илью Минора и непосредственно, с союзными миссиями в Москве и Петрограде, о чем докладывал специально в Ц. К. в качестве особого уполномоченного лица; поддерживал связь с подрывниками в период московской работы последних и, наконец, в области террористической работы, будучи в апреле 1918 г. в Москве, сносился с Ефимовым и Коноплевой в период их подготовительной работы по организации покушения на тов. Ленина, будучи в курсе последней.

6. Веденяпин, по поручению Ц. К. П. С.-Р., специально выехал в Самару с директивой принять участие в восстании, в случае, если таковое произойдет; по приезде в Самару вел сношение с чехо-словацким командованием Чечеком и Медеком и в области террористической работы, будучи в апреле 1918 г. в Москве, сносился с Ефимовым и Коноплевой по подготовительной их работе по организации покушения на тов. Ленина, при чем выдал Ефимову деньги на обратный проезд Ефимова и Коноплевой из Москвы в Петроград после неудавшейся их попытки произвести террористический акт.

7. Лихач, будучи избран Ц. К., после 4-го с'езда партии, специально заведующим военным отделом Ц. К., затем, в качестве члена Ц. К., присутствовал на заседаниях военной комиссии, участвовал совместно с Параделовым и Семеновым на об'единенном заседании военного отдела Комитета Спасения Родины и Революции и военной комиссии при Ц. К. П. С.-Р. по подготовке вооруженного мятежа по поводу разгона Учредительного Собрания; получил лично деньги от Игнатьева, переданные из английских источников, на поездку свою из Вологды в Архангельск; в качестве уполномоченного Ц. К. и Союза Возрождения выехал для организации контр-революционного правительства на Север в Вологду, в середине

июня 1918 г., и принял участие в формировании указанного правительства, в каковое и вошел после контр-революционного переворота в Архангельске.

8, 9. Морозов и Артемьев вели активную работу в Москве, при чем Морозов лично участвовал в совещании, где происходил доклад представителя Уфимского Комитета П. С.-Р. по вопросу о сформировании антисоветского фронта на Поволжьи.

10. Ратнер-Элькинд Евгения, состоя кассиром Ц. К. П. С.-Р., в мае 1918 г. получила для нужд Ц. К. П. С.-Р. от Семенова экспроприированные Центр. Боевым Отрядом у артельщика Комиссариата Продовольствия деньги, заведомо зная об источнике принятой от Семенова суммы.

11. Ратнер Григорий лично вел политическую работу в Москве среди рабочих; представительствовал от московского комитета П. С.-Р. в военной группе при бюро членов Учредительного Собрания; присутствовал при докладе Хреновского Донскому о переговорах с генералом Алексеевым, вел военную работу в Украине и в Кубани в период деятельности там Шрейдера и Бабина-Корня и других, о чем впоследствии доложил Донскому и, кроме того, знал, со слов Евгении Ратнер, о произведенном Ц. Б. О. убийстве тов. Володарского и экспроприации у артельщика Комиссариата Продовольствия.

12. Раков принял от Семенова экспроприированные последним у торговца на Лесном в Петрограде деньги, заведомо зная об источнике таковых.

13. Федорович находился в непосредственных сношениях с агентом Савинковской организации Калининым.

14. Гендельман, будучи членом фракции Учр. Собр., участвовал в сношениях бюро с иностранными миссиями и, согласно общему решению Ц. К., выехал в Поволжье для контр-революционной работы, в которой принимал затем участие, на Уфимском совещании, как сторонник группы Авксентьева.

II.

Предаются Суду Верховного Трибунала: Иванова-Иранова Елена Александровна, Агапов Владимир Владимирович, Злобин Павел Владимирович, Львов Михаил Иванович, Ефимов Федор Тимофеевич, Зубков Федор Васильевич, Шелевин Павел Николаевич, Усов Константин Андреевич, Федоров-Козлов Филипп Федорович, Дашевский Иосиф Самойлович, Коноплева Лидия Васильевна, Семенов Григорий Иванович, Ставская Фанни Ефремовна, Морачевский Юрий Витальевич, Альтовский Аркадий Иванович, Утгоф-Дерюжинский Владимир Львович, Либеров Александр Васильевич, Горьков-Добролюбов Григорий Лаврентьевич, по обвинению в том, что, состоя членами различных партийных организаций партии с.-р., совершали по директивам Центрального Комитета Партии разновременно с 25 октября 1917 г. и по день ареста контр-революционные действия, направленные на свержение Советской власти, при чем:

1) Агапов Владимир Владимирович вел военную работу и организовал подрывную группу, являясь связью между подрывниками и членом Ц. К. Донским;

2) Альтовский Аркадий Иванович вел военную работу в Саратове и снабжал документами и явками направляемых к нему белогвардейцев и членов организаций;

3) Утгоф-Дерюжинский вел военную работу в Петрограде, будучи членом Военной Комиссии после IV с'езда п. с.-р.;

4) Либеров Александр Васильевич вел военную работу в Москве, содержа явочную квартиру для приезжающих из провинции;

5) Злобин вел организационную работу в Москве;

6) Горьков-Добролюбов вел военную работу в Москве, способствуя переправе за Волгу членов Учредительного Собрания, и сверх того участвовал в заседании при докладе Уфимского представителя в М. Бюро Ц. К.;

7) Иванова-Иранова, амнистированная в 1919 г. Верх. Трибуналом за военную работу в Москве и переправку из Петрограда в Москву для дальнейшего следования в Саратов на белогвардейский фронт офицеров, сверх того, войдя в состав Ц. Б. О.:

а) в феврале 1918 г. приняла участие, совместно с Коноплевой, Рабиновичем и Ефимовым, в организации террористического акта против т. Ленина, для чего вела слежку за ним,

б) в июне м. 1918 г. в Петрограде вела слежку за т. Володарским в целях организации, совместно с остальными членами Ц. Б. О., террористического акта против него,

в) в то же время приняла участие в организации террористического акта против т. Троцкого, для чего ездила, в качестве исполнительницы акта, на линию жел. дороги за станцию Томилино с целью крушения, поезда, в котором следовали т. Троцкий и ряд активных работников Реввоенсовета Республики,

г) в мае 1918 г. знала о совершенной Центр. Боевым Отрядом экспроприации у артельщика Комиссариата Продовольствия на ст. Буй, и

д) в сентябре 1918 г. снабдила уезжавшую в Калугу, с целью производства экспроприации в Губпродкоме, Коноплеву необходимой явкой.

8) Семенов Григорий Иванович, на-ряду с контр-революционной работой, по которой был амнистирован в 1919 г., сверх того:

1. Будучи в сентябре мес. 1917 г. членом бюро военной комиссии при Ц. К. П. С.-Р. и организовавши, с санкции Ц. К. П. С.-Р., в марте мес. 1918 г. при этой комиссии специальный центральный боевой отряд, поставивший себе целью производство террористических актов и экспроприаций и состоявший из Коноплевой, Ивановой Елены, Усова, Федорова-Козлова, Зубкова, Пелевина и Ефимова, в деле фигурирующих, и ряда лиц, по делу не проходящих, руководил работой указанного отряда по организации террористических актов и экспроприаций против Советской власти и, заручившись специальной санкцией Ц. К. П. С.-Р. на означенные действия:

а) организовал в мае и июне 1918 г. и лично принял участие в слежке за т. Володарским, дал предписание члену Центр. боевого отряда Сергееву произвести убийство т. Володарского, после чего скрывал Сергеева у себя на квартире и организовал его от'езд из Петрограда с целью сокрытия следов и лично произвел отравление пуль, коими был убит т. Володарский;

б) организовал в целях производства террористических актов в мае и июне мес. 1918 г. слежку за т. Зиновьевым и Урицким и поручил Коноплевой проведение слежки;

в) организовал в июле 1918 г. и руководил работой по организации покушения на т. Ленина, при чем лично произвел отравление пуль;

г) организовал в то же время покушение на жизнь т. Троцкого.

2. Заручившись официальной санкцией Ц. К. П. С.-Р. на производство экспроприаций в советских учреждениях и у частных лиц, начиная с февраля и кончая августом 1918 г., совместно с другими членами Центр. Боевого отряда,—

а) организовал и принял участие в экспроприации у торговца на Лесном проспекте в Петрограде;

б) принял участие в экспроприации артельщика Комиссариата Продовольствия на ст. Буй;

в) организовал и принял участие в экспроприации на даче под Москвой по Р.-Уральской ж. д.;

г) организовал и принял участие в экспроприации 9-го почтово-телеграфного отделения в Москве.

Кроме того, организовал подготовительные шаги для производства экспроприаций:

а) в кооперативе на углу Пантелеймоновской и Моховой в Петрограде;

б) в кооперативе Общества Льноводства в Москве;

в) в Губпродкоме, в г. Калуге;

г) в Главсахаре, в гор. Москве,

д) на Александровской ж. д. в целях экспроприации золота из вагона.

9) Дашевский, равным образом амнистированный Верх. Трибуналом за контр-революционную деятельность в 1919 году, сверх того:

1. в мае месяце 1918 г., узнавши от Семенова о произведенной Ц. Б. О. экспроприации у артельщика Комиссариата Продовольствия на ст. Буй, содействовал Семенову в передаче денег в кассу Ц. К. П. С.-Р.;

2. в июле 1918 г., узнавши о намерении Каплан произвести террористический акт против т. Ленина, ввел Каплан в Центр. боевой отряд для предоставления последнему возможности использовать Каплан для производства акта.

10) Коноплева состояла в бюро военной комиссии П. С.-Р. вместе с Семеновым и Леннером по организации вооруженного восстания и, в частности, работала по организации, под видом солдатского университета, вооруженных сил для борьбе с Советским правительством; руководила военной работой среди матросов Балт. флота, участвовала в совещании с Верховским, Игнатьевым, Гоцем и Суворовым по подготовке вооруженного выступления в момент волнений в минной дивизии и за Невской заставой, поддерживала связь и вела переговоры с Парским, командовавшим Северным фронтом по вооруженному свержению Советской власти, и, сверх того, в области террористической работы и организации экспроприаций:

1. Будучи в феврале 18 г. членом бюро военной комиссии, решила организовать покушение на т. Ленина, обратилась за содействием в означенном намерении к Борису Рабиновичу, специально от Ц. К. П. С.-Р. командированному в военную комиссию для руководства работой последней, и, получивши от Рабиновича принципиальное согласие на совершение террористического акта против т. Ленина, связалась через Рабиновича с членом Ц. К. П. С.-Р. Гоцем, от коего получила окончательную санкцию Ц. К. П. С.-Р. на производство акта против тов. Ленина, во исполнение чего поехала вместе с Ефимовым в Москву, где организовала слежку за тов. Лениным получила от члена Ц. К. П. С.-Р. Рихтера яд для отравления пуль.

2. Вступивши в марте мес. 1918 г. в Ц. Б. О., она, Коноплева:

а) приняла участие и самостоятельно вела слежку за тов. Урицким, Зиновьевым и Володарским в целях организации террористических актов против них;

б) приняла участие в организации террористического акта против тов. Ленина в июле-августе 1918 г. и состояла в числе исполнителей акта, и

в) приняла участие в организации покушения на т. Троцкого и состояла в числе исполнителей террористического акта против него.

3. Состоя членом Ц. Б. О., приняла участие в организации ряда экспроприаций в советских учреждениях, а именно:

а) попытке организации экспроприации в кассе государственных театров в Петрограде в июне мес. 1918 г.

б) попытке экспроприации кассы Губпродкома в Москве;

в) в экспроприации в 9-м почтово-телеграфном отделении в Москве 4 октября 1918 г.;

г) попытке экспроприации в кассе Губпродкома в Москве, и

д) попытке экспроприации Губпродкома в г. Калуге.

11) Ефимов, амнистированный Верховным Трибуналом в 1920 году за военную работу в Петрограде при военной комиссии, сверх того: а) в феврале месяце 1918 года по предложению с.-р. Рабиновича вступил в группу террористов, поставивших себе целью организацию террористического акта против т. Ленина, и, по указанию Рабиновича и члена Ц. К. П. С.-Р. Гоца, выехал вместе с Коноплевой в Москву для организации указанного акта и б) вступил, по предложению Семенова, в число охраны Комиссариата Продовольствия с целью оказания содействия Центр. Боевому Отряду для производства экспроприации в означенном Комиссариате.

12) Усов принял участие в организации боевых дружин в Колпинском районе под руководством Семенова в качестве начальника этого района и, сверх того:

1. принял участие в организации террористического акта против т. Ленина в июле - августе 1918 года и был в числе исполнителей этого акта;

2. принял участие в организации террористического акта против тов. Троцкого, для чего пытался вместе с Ивановой Еленой и Зубковым произвести крушение поезда Реввоенсовета, в коем должны были следовать т. Троцкий и ряд работников Р. В. С. Р.;

3. принял участие в ряде экспроприаций, а именно:

а) в экспроприации у артельщика Комиссариата Продовольствия на ст. Буй,

б) попытке экспроприации в Губпродкоме в Москве, каковое свое участие Усов отрицает,

в) экспроприации на даче под Москвой по Ряз.-Уральской ж. д.,

г) экспроприации в 9-м почтово-телеграфном Отделении, каковое участие Усов отрицает;

4. будучи командирован Семеновым в подрывную группу, произвел вместе с Зубковым и друг. попытку хищения взрывчатых материалов из вагонов на ст. Голицыно.

13) Федоров-Козлов состоял организатором боевых дружин в Невском районе под руководством Семенова и сверх того в области террористической работы и производства экспроприаций в Советских учреждений:

1. в июне мес. 1918 г. принял участие в организации террористического акта против т. Володарского, проводил слежку за ним и, скрываясь вместе с убийцей тов. Володарского, Сергеевым, уехал в Москву для продолжения террористической работы;

2. в Москве в июле - августе 1918 г. принял участие в организации террористического акта против т. Ленина и был в числе исполнителей этого акта, и

3. будучи членом Ц. Б. Отряда принял участие в ряде экспроприаций, а именно: а) в попытке экспроприации кассы Губпродкома в Москве, при чем пытался расплавить замок у несгораемой кассы и б) в экспроприации на даче под Москвой по Р.-Уральской ж. д.

14) Зубков, будучи членом боевой дружины:

1. в июле и августе 1918 г. в Москве принял участие в организации террористического акта против т. Ленина;

2. в то же время в Москве принял участие в организации террористического акта против т. Троцкого, для чего пытался произвести крушение поезда, в котором следовали т. Троцкий и ряд работников Р. В. С. Р.;

3. принял участие в ряде экспроприаций, а именно: а) попытке экспроприации в Губпродкоме в Москве, при каковой пытался вместе с Федоровым-Козловым расплавить замок несгораемой кассы, и б) экспроприации в 9-м почтово-телеграфном отделении в Москве.

15) Пелевин по обвинению его в том, что

1. в июле мес. 1918 г., совместно с Ф. Каплан, вступивши в Центр. боевой отряд, принял участие в организации террористич. акта против т. Ленина, при чем роль его свелась к установлению места и времени выступлений т. Ленина на митингах и осведомлению об этом Ц. Б. О;

2. что, состоя членом Центр. Боевого Отряда, в июле и августе 1918 г., принял участие в организации террористического акта против т. Троцкого, при чем роль его свелась к установлению адресов учреждений и времени, когда тов. Троцкий в этих учреждениях бывает, и осведомлению об этом Ц. Б. О, и

3. что, состоя членом Ц. Б. О., принял участие в организации экспроприации советских учреждений и частных лиц, а именно: а) в попытке экспроприации в Губпродкоме в Москве, при чем вступил в соглашение с кассиром Губпродкома на предмет получения от него указаний о моменте нахождения денег в кассе Губпродкома; связал Центр. боевой отряд с уголовным преступником для покупки у него специального аппарата для расплавления замка в несгораемой кассе Губпродкома и вошел в соглашение с начальником охраны Губпродкома Морозовым на предмет беспрепятственного допуска экспроприаторов к кассе Губпродкома; б) в экспроприации на даче под Москвой по Р.-Уральской жел. дороге, при чем упомянутый в пункте «а» уголовный преступник послужил в этой экспроприации проводником, указавшим место, где и была произведена экспроприация; в) в экспроприации 9-го почтово-телеграфного отделения в Москве, при чем он, Пелевин, вошел в соглашение с начальником вышеназванного почтово-телеграфного отделения на предмет получения от него указания о моменте нахождения в кассе отделения значительной суммы денег, во исполнение какового соглашения уплатил, после экспроприации, упомянутому начальнику 7.000 рублей и г) в попытке экспроприации в Главсахаре, для каковой цели он, Пелевин, пытался войти в соглашение с бухгалтером упомянутого учреждения.

16) Львов, состоя членом организации, в сентябре 1918 г. снабдил Коноплеву, через Иванову Елену, необходимой Коноплевой для организации экспроприации в Калужском губпродкоме явкой к эс-эру, служившему в упомянутом губпродкоме и оказавшему Коноплевой содействие для осмотра губпродкома в целях определения возможности совершения экспроприации.

17) Морачевский организовал боевые дружины в Василе-Островском районе в Петрограде и сверх того в Петрограде состоял хозяином явочной квартиры центрального боевого отряда и, в июне месяце, 1918 года, после убийства Сергеевым т. Володарского, скрывал у себя на квартире Сергеева.

18) Ставская Фани Ефимовна, состоя членом организации, приехавши в Москву в сентябре 1918 г., вошла в боевой отряд, по рекомендации Донского, для совершения террористических актов и, по поручению того же Донского, выехала на Самарский фронт для сношения с контр-революционным центром за Волгой и присутствовала при докладе Уфимского представителя о сношении с Заволжским фронтом.

III.

Берг в том, что, будучи членом Центр. Комитета, избранным на 3-м Всер. Сезде, он, в период от 25 октября 1917 г. и по начало декабря 1917 г., состоял членом Ц. К. и участвовал во всей деятельности указанного Комитета, а после сего принимал участие в работе по подготовке вооруженного выступления, участвуя на об'единенном заседании военной комиссии бюро Ц. К. и П. К. по вопросу о вооруженном выступлении в связи с движением за Невской заставой.

IV.

Игнатьев В. И., по обвинению в том, что, состоя членом Центрального Комитета партии народных социалистов, принял участие в контр-революционной деятельности, направленной к свержению Советской власти, с 25 октября 1917 года и по день ареста, для чего вошел в состав Комитета Спасения Родины и Революции, участвуя во всех действиях указанной организации по борьбе с Советской властью, вошел с той же целью в сношение с контр-революционными организациями Филоненко и Иванова, равно как и военной комиссии партии с.-р., участвуя в совещаниях по вопросам о подготовке вооруженных выступлений, организуемых этой комиссией, входил в военный штаб Союза Возрождения в Петрограде, участвуя в совещаниях, созываемых этой организацией по вопросам подготовки вооруженных выступлений, принимал участие в добывании средств и передаче таковых в военную комиссию партии с.-р. в целях усиления ее работы, принимая участие в заседаниях политического центра Союза Возрождения по формированию будущего контр-революционного правительства для Северной области и лично выехал для контр-революционной работы в Вологду, после чего там, на месте, вступил в сношения с представителями союзнических миссий и контр-революционных организаций белогвардейского характера в тех же целях свержения Советской власти вплоть до момента своего нелегального перехода фронта навстречу союзническому десанту в Архангельске.

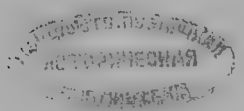
Заведующий следственным производством по делу правых эс-эров

Е. РОЗМИРОВИЧ.

Утверждено Распорядительным Заседанием Судебной Коллегии Верховного Трибунала В. Ц. И. К. 27 мая 1922-г.

С подлинным верно:

Секретарь Следственного Отдела Верховного Трибунала В. Ц. И. К.



Библиотека памяти
ФАЛАНСТЕРА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Глава первая (Историческая часть) 3
2. » вторая (Особенная часть) 53
3. » третья (Резолютивная часть) 107